БЕРНИС РУБЕНС

ПЯТЬ ЛЕТ ПОВИНОВЕНИЯ

ЛАУРЕАТ БУКЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ

Пять лет повиновения

Бернис Рубенс

Аннотация
Бернис Рубенс. Пять лет повиновения
- ЧАСТЬ 1
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
- ЧАСТЬ 2
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17

Аннотация

«Пять лет повиновения» (1978) — роман английской писательницы и киносценариста Бернис Рубенс (1928–2004), автора 16 романов, номинанта и лауреата (1970) Букеровской премии. Эта книга — драматичный и одновременно ироничный рассказ о некоей мисс Джин Хоукинс, для которой момент выхода на пенсию совпал с началом экстравагантного любовного романа с собственным дневником, подаренным коллегами по бывшей работе и полностью преобразившим ее дальнейшую жизнь. Повинуясь указаниям, которые сама же записывает в дневник, героиня проходит путь преодоления одиночества, обретения мучительной боли и неведомых прежде наслаждений. «Пять лет повиновения» — трагикомическая история о добровольном подчинении и о манипулировании людей друг другом, о тайных страстях и смысле жизни. На русском языке книга публикуется впервые.

Бернис Рубенс
Пять лет повиновения

Дэйву и Нане Винберг

Все персонажи романа вымышлены, любые соответствия реальным людям и совпадения с подлинными событиями случайны.

Я только подчинялся приказам.

Из речи лейтенанта Кэлли в свою защиту на судебном процессе о резне в Ми-Лай. Ноябрь 1971 г.

ЧАСТЬ 1
Глава 1

Мисс Хоукинс посмотрела на часы. Было 2.30. Если все пойдет по плану, то к шести вечера она уже будет мертва.

«Может, послушать новости? — подумала она. — Хотя мне уже незачем беспокоиться о погоде».

Она в сотый раз проверила свои пожитки. Открыв дверцы шкафов на кухне, еще раз удостоверилась, что все в полном порядке: опрятно и чисто — хотелось оставить о себе хорошее впечатление. На комоде заметила чашку с чуть обитыми краями — тут же выбросила. Сегодня утром начистила все столовое серебро и оставила открытыми дверцы, чтобы насладиться его сиянием. Теперь в спальню. Расправила на кровати покрывало в виньетках, оторвала торчавшую выдернутую нитку — она явно портит вид. Две юбки, лучшее платье, пальто и три блузы в целлофановых чехлах в гардеробе: каждая вещь на отдельных плечиках. Внизу три начищенные и отполированные пары туфель, стоящие строго

в ряд. Прямо около них аккуратно сложенный полиэтиленовый пакет, в который она по возвращении запакует меховые ботинки. На каждой из четырех полок бельевого шкафа по два скромных мешочка с лавандой. Чтобы были видны, положила их поверх ровных стопок свитеров, белья и прочей ерунды. Проверила бак для грязного белья — пусто и чисто. Быть пойманной с грязным бельем…. Нет, стыд преследовал бы ее тогда и в могиле. И буфет был пуст или почти пуст: там оставались четыре банки макрели, опрометчиво купленные в конце распродажи. Да, еще пакет молока. Но если верить обещанному сроку хранения на упаковке — три месяца, — за это время ее должны будут обнаружить и молоко определенно не пропадет. Все было в порядке. Она была готова.

Вернулась в гостиную. На журнальном столике лежал белый конверт с надписью «Завещание мисс Джин Хоукинс. Всем заинтересованным лицам». Она, правда, не представляла, кому в целом свете предназначалось это послание, но так полагалось писать. Конверт еще не был запечатан. Это она сделает прямо перед заключительным актом своего ухода. Еще несколько раз проверила, все ли аккуратно и правильно написано: «Я завещаю

все свои сбережения и все мое имущество приюту Святого Сердца. Вистон, Лондон, СВ6. Подписано в здравом уме и твердой памяти (подпись) Джин Хоукинс (кассир). Подтверждаю — миссис Мэри Валам (домохозяйка)». Мисс Хоукинс улыбнулась. Ей нравилось это имя. Такое мягкое и одновременно надежное. Расписалась за Мэри, немного изменив наклон почерка. Просто ей некому доверить столь деликатное поручение: у нее не было ни друзей, ни семьи.

О семье она никогда ничего не знала и не пыталась узнать. В приюте, где прошли первые годы ее жизни, не поощрялись расспросы на эту тему. «Мы взяли вас ниоткуда» — был единственный ответ на робкие попытки разузнать о своем происхождении. Это касалось всех приютских детей. Вначале она еще надеялась когда-нибудь услышать о своем «ниоткуда»: где, как и почему. Но за четырнадцать лет, проведенных в приюте, ее любопытство куда-то незаметно испарилось.

Сложила написанный лист и положила в конверт. Она медлила с конвертом не потому, что что-то не так, просто незапечатанный конверт еще заключал в себе некоторую незавершенность, а значит, крошечную возможность действий. Всю жизнь кто-то отдавал приказы

мисс Хоукинс, а она их выполняла. В приюте это была матрона, в школе — учителя, на фабрике — мастер, потом — управляющий. И всегда послушание было ее натурой. Точное исполнение приказа доставляло ей острое, почти физическое удовольствие. Поэтому конверт со своей последней волей она заклеит потом — с ощущением трепета, близкого к оргазму. Сейчас, когда она достигла пенсионного возраста, приказы больше не поступали: и откуда ей теперь было знать, что делать со своей жизнью? Принятому собственному решению альтернатив не было.

Мисс Хоукинс пощупала землю в горшке с аспидистрой, стоявшем на подоконнике. Земля влажная — цветок спокойно переживет ее. Проверила банку с таблетками на туалетном столике — «Превышение указанной дозы опасно». Если выпить все таблетки, это не будет своеволием. Она просто не согласится с чужим мнением, а уж это она могла себе позволить в качестве последнего желания. Надела шляпу и пальто, еще раз осмотрела все шкафы и комод. Перед выходом включила газовый обогреватель в спальне, что было явным излишеством для человека, который никогда в жизни себя не баловал. Но на смертном ложе она разрешит себе некоторую роскошь.

Закрыла дверь в спальню и вышла из дому, отправившись на фабрику в последний раз.

Глава 2

В столовой собрались почти все четыреста служащих. По случаю большого собрания столы и барные стойки были сдвинуты в угол. Мисс Хоукинс сидела за столом, сжав кулаки, и скользила равнодушным взглядом по лицам: все до боли знакомые и каждое в отдельности такое чужое. Невольно поежилась. Все подумали — нервничает, но ей и положено: не так часто за всю ее серую жизнь выпадало неприметной мисс Хоукинс счастье быть в центре внимания.

Сорок шесть лет отданы кондитерской фабрике «Твое удовольствие» — она заработала себе такую прощальную церемонию. До нее долетали обрывки фраз: «скромный знак нашей признательности и уважения» — на столе что-то завернутое в подарочную бумагу, — и опять: «нет слов, чтобы выразить…» Речь Джима Коннелла была монотонна и сбивчива. Мисс Хоукинс посмотрела на лежавшие на столе шпаргалки, с которых считывал Джим — «…счедрая благодарность за заслуги…», — прочла и ужаснулась: как

же он выбился в управляющие с таким правописанием?

— Сорок шесть лет, — продолжал он бубнить, угрожая припомнить каждый день ее трудовой биографии, — она была надежным и лояльным коллегой.

К своему ужасу, мисс Хоукинс услышала собственный голос, вторящий Коннеллу.

Еще раз взглянула на сверток. Это был определенно «небольшой знак». Что-то завернутое в цветную бумагу, больше походившее на аккуратный кирпич примерно двадцать на двадцать сантиметров и сантиметров десяти в высоту. Четыре тысячи кубических сантиметров — простучало в голове. Что бы это ни было, она не будет это открывать. Нет… Она просто выкинет его по дороге домой. Чего они добиваются своими подношениями? Хотят заставить ее жить дальше?

Джим Коннелл все еще нудил о ее длинном трудовом пути и первых шагах на производстве. И она вспомнила день, когда оставила приют. Дорога из него вела прямиком на «сладкую» фабрику. Фабрика и приют возникли в одно и то же время и, словно по договоренности, кормили друг друга. Поэтому превращение приютских найденышей «ниоткуда» в рабочих на конвейере сливочной

помадки казалось таким же естественным процессом, как смена дня и ночи. Из оберточного цеха мисс Хоукинс перешла в кондитерский, потом стремительно через мармеладный в цех фруктового сахара. И наконец она достигла вершины «сладкого» производства — цеха шоколадных ликеров. Дальше идти было некуда. О такой карьере все прыщавые приютские щенки, беспрерывно пополнявшие дружные ряды работников фабрики, могли только мечтать. Но администрация заметила способности и усердие мисс Хоукинс и решила вырастить из нее кассира. Она стала главным кассиром на тридцатый год службы. На этой должности она оставалась и по сей день.

— Мы очень благодарны мисс Хоукинс, — продолжал долдонить управляющий.

Интересно, как же они подписали подарок? Ведь, несмотря на долгие сорок шесть лет, она была практически уверена, что никто здесь не знал ее имени. «Спасибо, мисс Хоукинс» — так были надписаны четыреста конвертов с еженедельной зарплатой. Или: «Чашечку чая, мисс Хоукинс?», «Хороших выходных, мисс Хоукинс», как будто «мисс» и было ее именем. За всю жизнь только несколько человек назвали ее Джин. В приюте она откликалась на Хоукинс, как и все

остальные на Дэвис, Вудс и Мэрфи. И вот теперь любопытно, есть ли внутри свертка что-нибудь точно указывающее, кому это предназначено? Не вообще любой старой мисс и не любой старой Хоукинс, а что-то большее, чем обычное, надоевшее сочетание двух слов?

— Она прошла свой путь от работницы на конвейере до главного кассира, — восхищался мистер Коннелл.

Да, она была вполне с ним согласна. Она добилась кое-чего. Свой скромный путь прошла с успехом и достоинством. Может быть, Господь простит ей теперь все прегрешения и развеет дурные предчувствия по поводу ее происхождения. Она опять мысленно вернулась в детство, как будто репетируя свой предстоящий уход.

Если кто-нибудь когда-нибудь так, для статистики, или в ознаменование чего-нибудь вдруг вздумал бы написать биографию мисс Хоукинс, то все сошлось бы к ее двенадцатому дню рождения. В тот день произошли два события, и все преследующие ее потом ночные кошмары родились именно в тот день.

В приюте не было принято отмечать дни рождения воспитанников, отчасти потому, что не всегда эти дни были точно известны. Обычно за

вечерним чаем поздравляли всех, чье появление на свет предположительно произошло в текущем месяце. Матрона вручала каждому имениннику по свече: девочкам — розовые, мальчикам — голубые. И еще в приюте никогда не забывали о непременном ритуале — общем именинном пироге. Свечи никогда не зажигались. Во-первых, вдруг пожар, во-вторых, из соображений экономии. В тот день, как и положено, Хоукинс держала свою розовую свечу со скорбным, девственным фитильком, и вдруг дикое видение пронеслось в голове. Однажды, когда у нее будет достаточно денег, чтобы купить спички, она подожжет приют. Она сделает это в воскресенье, когда все дети уйдут в церковь и в пустом доме останется только матрона. Потом дети вернутся. Еще издалека они увидят огонь, и языки пламени будут танцевать, словно миллионы горящих свечей. С неистовой силой сдавила девочка в маленьком кулачке незажженную свечку и в это мгновение почувствовала, как что-то теплое медленно вытекает из нее. Плотнее сжала и скрестила ноги, выше подняла руку со свечой.

— Мне нужно выйти, мисс, — пролепетала она, краснея от стыда за свое нетерпение, и бросилась к ближайшему туалету.

Она не понимала, почему бежит. Она вовсе не хочет в туалет. Уже все ее ноги были мокрыми, и это струящееся нечто приближалось к нарядным белым носочкам. Матрона убьет ее. Хоукинс облокотилась о незапертую дверь и увидела тонкие струйки крови, стекающие по икрам. Она замерла, желая только одного: чтобы кровь не тронула праздничные носочки.

— О господи, — всхлипывала она, невольно опускаясь на колени.

Кровь уже готова была капнуть на пол, и Хоукинс вскочила. Больше всего ее страшил гнев матроны.

— Господи, я хочу умереть прямо сейчас, — стенала она — для нее это был единственный выход. — Я не собиралась поджигать, Господи. Честно, я не собиралась, я только шутила.

Господь карает кровью за ее дурные мысли: матрона теперь точно все поймет и раскроет страшные замыслы бунтарки.

— Я хочу умереть, — повторила она со всей решимостью и в доказательство искренности своей мольбы опустилась на колени на холодный пол. — Испачкала и испортила линолеум, — причитала она. — Я хочу умереть, Господи. Я действительно хочу этого.

— Хоукинс! — Пронзительный голос матроны эхом отозвался в коридоре.

Матрона постоянно и регулярно наведывалась во все туалетные комнаты в приюте. Слишком длительные пребывания в этих местах, кроме естественной причины, таили в себе несколько опасностей. Старшие мальчики могли там покуривать или, что еще хуже, заниматься онанизмом. Хотя чаще всего кто-нибудь из воспитанников мучился там обычным запором. Однако требовалось неусыпное внимание, и матрона всегда была начеку: она бдела.

— Хоукинс! — кричала матрона, уже распахивая дверь.

Она с раздражением посмотрела на хлюпающее существо внизу и резко подняла девочку с пола. Открылось пятно крови на линолеуме и испачканные такими же красными пятнами нарядные носки.

— Посмотри, что ты натворила! Ну, это уж слишком, — прорычала матрона, приподняв воскресный передник Хоукинс и внимательно осмотрев ее с ног до головы. — Ждите здесь, молодая женщина! Я принесу твои тряпки!

Дрожа от страха, Хоукинс облокотилась о перекладину для полотенец. Матрона не убила ее!

И даже не так уж разозлилась. И что за тряпки она принесет? Собирается одеть ее в лохмотья, и это будет наказанием? Но больше всего удивил Хоукинс приказ матроны: «Ждите здесь, молодая женщина!» Когда матрона бывала в гневе, то часто употребляла обращение «молодая девушка», и, если уж она называла тебя так, ты точно знала, что останешься без ужина или без воскресного пудинга. Но обращение «женщина» — это уже другое. Это слово относилось ко взрослым. Она заплакала снова, поскольку была слишком маленькой, чтобы быть взрослой. В ушах раздавались мерные удары тяжелых каблуков матроны, шедшей по коридору. Хоукинс безуспешно старалась перестать всхлипывать.

— Теперь прекрати хлюпать, — не слишком резко сказала матрона. — Это случается со всеми нами.

— Случается что? — скулила Хоукинс.

— Это, — повторила матрона, указывая на пятно крови на линолеуме.

Хоукинс растерялась: о чем это? Но она была слишком напугана, чтобы спрашивать.

— Это, — матрона держала в руках две полоски ткани, — это твои тряпки. Двух вполне достаточно. Каждый вечер перед сном ты будешь стирать

их в туалетной комнате для персонала. В туалете для персонала! Запомни! Нигде более. Когда это закончится, ты придешь и скажешь мне. Когда начнется снова, тоже скажешь. Я буду следить за этим. Чтобы ничего дурного не случилось.

— Дурного чего? — Хоукинс трясло.

— Увидишь, — угрожающе ответила матрона и ушла, не желая ничего больше объяснять. Да и что еще она могла сказать?

Хоукинс посмотрела на тряпки. По всей длине каждого лоскута черными чернилами была написана ее фамилия. «Это» случается со всеми, так сказала матрона, и нужно следить за временем прихода «этого». Но внутренний голос подсказывал ей, что мальчикам вовсе не нужны тряпки. И что бы ни говорила матрона, у Хоукинс уже не оставалось никаких сомнений, что кровь — наказание Господне. В тот день, когда матрона запретила воскресную ванну Моррис, Дэвис, Даунс и ей, Хоукинс, она опять вернулась к мучительному вопросу, за какой такой страшный грех они все наказаны. Наказание следовало за каждой неотвратимо, и теперь ей, как отверженной прокаженной, надлежало присоединиться к обществу девочек «с тряпками».

Было и второе событие, терзавшее Хоукинс

всю жизнь не переставая, несмотря на все ее отчаянные попытки запрятать воспоминания о нем как можно глубже. Все произошло позже, той же ночью, когда все уже спали. Хоукинс проснулась, вдруг вспомнив о невыполненном приказе матроны — тряпки! Не постираны! У нее не было сил ожидать дальнейших наказаний ни от Господа Бога, ни от матроны. Очень тихо она слезла с кровати и пробралась к двери. По дороге заметила, что постель Моррис пуста. На цыпочках прокралась по лестничной площадке к туалетной комнате для персонала. Дверь была закрыта, и сквозь щель не пробивался ни единый лучик света. Осторожно повернула дверную ручку, одновременно другой рукой нащупывая выключатель. Под потолком зажглась голая лампочка… Там висела Моррис… Язык вывалился изо рта, большой палец маленькой белой ножки застыл в страшной предсмертной судороге. Тонкую девичью шейку перетянула грубая веревка из связанных узлами мокрых тряпок. Вся веревка — сплошное несмываемое клеймо с фамилией несчастной. «О, матрона будет в ярости, — стучало в голове. — И… как же ее звали?..» Вспомнить имя Моррис никак не удавалось.

Хоукинс пыталась руками зажать свой рот,

разрывавшийся от крика, но вскоре силы оставили ее и она могла только всхлипывать. Комната наполнилась людьми и вздохами, запахами и ужасом. Ей сунули что-то в рот… Утром, когда проснулась, рядом с ее кроватью стояла матрона и твердила, что все вчерашнее — лишь дурной сон, ужасный сон, и только.

— Да, да. — Хоукинс была рада согласиться. — Это был ночной кошмар.

Встала и отправилась выполнять свои обычные обязанности, стараясь не замечать отсутствия Моррис.

Мисс Хоукинс опять взглянула на заполненный зал — мурашки побежали по спине. Снова наткнулась на пестревшие ошибками листки, а в ушах продолжала монотонно гудеть нескончаемая речь Джима Коннелла. Судя по нараставшему жужжанию голоса, все близилось к концу.

— …И от имени руководства фабрики я рад вручить вам этот подарок в знак нашей признательности…

Он протянул ей сверток. Она привстала, руки дрожали. Снова подумала о Моррис… «Я никогда по-настоящему не плакала по ней. Я должна оплакать ее, прежде чем сама уйду».

Слезы уже собирались брызнуть из глаз. Она

втянула носом воздух — и все заметили ее волнение. Вокруг говорили о том, как она взволнована и как они смущены. И многие уже почти ненавидели ее за чувство вины, которое она невольно в них вызвала.

— Откройте подарок, мисс Хоукинс, — выкрикнул кто-то сзади.

Сделала вид, что не слышит. Закричали снова, теперь уже громче, а это был уже приказ. Мисс Хоукинс, та, которая всю жизнь повиновалась, начала неуклюже развязывать серебристую тесьму. Руки тряслись. В ярости стала рвать ленту и оберточную бумагу: как же она ненавидела их вместе с их жалкой благотворительностью! Она походила сейчас на голодную собаку, которой бросили кость. Это еще больше смутило собравшихся, только что одаривших беднягу впервые в жизни, к тому же не слишком щедро.

Наконец сорвала упаковку. Это была книга. Догадалась об этом, когда разрывала последний слой бумаги. Но книга необычная — в кожаном переплете, с большим резным замком и двумя маленькими ключиками. На зеленой коже выбито: «ДНЕВНИК МИСС ХОУКИНС. 5 ЛЕТ». Она смотрела на подарок и благодарила их хотя бы за то, что все написано без ошибок. Потом ее ноги

подкосились, и она села, ухватившись руками за край стола.

Так вот какова их благодарность за сорок шесть лет ее службы! Ей вынесен приговор сроком на пять лет?

Все, что угодно… Все, что угодно, было бы лучше. Будь это обычная книга, она задержала бы ее на этом свете на неделю. Будь это мыло, даже мыло для ванны, оно удержало бы ее месяц. Но пять лет изложения потребуют пяти лет жизни. Ни больше, ни меньше.

Дотронулась до золотых ключиков… Открывают и закрывают замок… Что и от кого она должна скрывать? И для чего? Что за тайны вообще могут хранить эти страницы?

— Ответную речь! Скажите ответную речь! — опять требовал все тот же назойливый голос из глубины зала. Казалось, этот голос впивается в мозг и, будто раззадоренный стервятник, жаждет большей крови. Вцепившись в стол, заставила себя подняться. Каблуки утонули глубоко в ковре.

— Спасибо вам, — запинаясь, проговорила она. — Это действительно то, о чем я мечтала.

Вернувшись домой, мисс Хоукинс выключила отопление. Какое-то время сидела в гостиной, укутанная теплом, и тень смерти обняла и по-

кинула ее.

Пять лет. Это самый несправедливый приказ, который она когда-либо получала.

Глава 3

Всю первую неделю в дневнике мисс Хоукинс появлялись только календарные, ничего не значащие записи: «Понедельник. Встала в 8.30 утра. Умылась, оделась, позавтракала. В час дня — обед, в 4 — чай, в 7 вечера — ужин. Ничего не произошло».

В четверг запись в точности повторяла ту, что была сделана в среду, за исключением иногда забытого обеда или ужина. Но ежедневно — неизменное «ничего не произошло». Следующая неделя осталась пустой, только в понедельник она сообщила, что встала. Потом шли пустые страницы, как будто даже аппетиту было велено молчать и он оставил ее. И действительно, первую неделю после ухода на пенсию мисс Хоукинс целыми днями валялась в постели: время протекало незаметно. Но на шестой день проснулся обыкновенный голод. На кухне ее встретила пустая хлебница, джема тоже совсем не осталось. Пора было что-то решать. Можно

ничего не есть и естественным образом умереть, а значит, не нужно покупать продукты. Такое решение предвещало медленный и болезненный уход, но это мучение не затянулось бы на пять лет, которыми одарили ее бывшие коллеги. Дневник был закрыт на ключ и лежал на кухонном столе. Она покорно открыла его и быстро пролистнула пустую неделю, проглоченную кроватью. За ней следовали две тысячи, или около того, пустых страниц, которые должны были превратиться в насыщенные событиями дни. В животе урчало, она взяла карандаш и через всю страницу начертила крупными буквами: «Ушла за продуктами». Быстро оделась и вышла из дому, повинуясь приказу дневника.

В связи с явно уменьшившимися доходами мисс Хоукинс теперь вынуждена была экономить и старалась сосредоточиться на покупках. Удивляло неожиданное ощущение бодрости: казалось, что и идет она теперь как-то резво и бойко. Остановилась у прилавка с ветчиной в раздумьях о странных переменах в себе. Хотя и неохотно, но пришлось признать: это результат выполнения команд дневника. Да, она просто подчинялась приказам, и это было сродни усердию на службе. Теперь, выйдя на пенсию, она не

должна больше соблюдать ежедневный рабочий ритм с девяти до пяти, она стала свободна от трехразового, регулярного посещения столовой, непременного завтрака… Но самой страшной и невосполнимой утратой было то главное, что и составляло всю ее предыдущую жизнь, — у нее отняли необходимость подчиняться. Это лишало ее существование смысла и больше всего удручало.

— Очень смешно, — сказала она ветчине.

Покупатели магазина подумали, что бедная женщина, наверное, слишком много времени проводит в одиночестве. Услышав собственный голос, мисс Хоукинс вдруг поняла, что не разговаривала уже больше недели и это первые произнесенные ею за эти дни слова. Еще раз попробовала голос, опять обратившись к ветчине, потому что доверяла ей чуть больше, чем всему остальному миру.

— Ты опять подорожала, — сказала она с упреком. Голос скрипел, как несмазанная телега. Нужно разговаривать хоть немного, хоть самой с собой.

Решила, что начнет читать вслух, — это будет поддерживать голос в рабочем состоянии — вдруг еще пригодится в будущем для общения с кем-нибудь.

Впервые за последнее время мисс Хоукинс сознательно заглянула в будущее. Теперь пора было торопиться домой для получения дальнейших указаний дневника.

Купила продукты только на сегодня. Завтра и во все последующие дни дневник, наверное, будет давать новые приказы, в том числе снова отправиться за покупками. Шла, тихонечко напевая себе под нос. Вернувшись домой, сделала отметку красным фломастером об исполнении приказа. Она выполнила предписание и была в восторге от соблюденной субординации. Ей казалось теперь абсолютно естественным думать о предстоящих приказах, ведь дневник был связан с ее будущим, а не с жалким и пустым прошлым. Это открытие взбодрило ее, и ей стало ясно, что делать. Уверенно взяв карандаш, написала: «Ушла на длительную прогулку».

Подумала: наверное, перед длительной прогулкой не помешал бы питательный завтрак, но в дневнике было записано «длительная прогулка», значит, надо отправляться. Недалеко от ее дома был небольшой парк. За те двадцать с лишним лет, что она жила здесь, в маленькой квартирке, она так ни разу и не побывала там. Каждое утро, спеша на автобус, проходила мимо, а парк манил

ее. Он притаился прямо за маленькой церковью, поэтому половину территории занимало кладбище. Дальше, в окружении деревьев и газонов, расположилась детская площадка. Качели и горки совсем близко подступали к могилам, словно и не было четкой границы между живыми и мертвыми. Часто, когда фары автобуса освещали церквушку и часть кладбища, мисс Хоукинс видела там пожилого человека, блуждающего между могилами. Неподалеку, на детской площадке, на скамейках восседали мамаши, охранявшие покой своих чад. И каждый был погружен в свои занятия и существовал совершенно обособленно от остальных. Только дети легко перемещались из одной части в другую, не замечая незримо прочерченной границы.

Наверное, ей следует прогуляться по парку. Решила, что будет ходить кругами. Много кругов. Это будет длительная прогулка.

В парк было два входа. Ворота с замком вели на кладбищенскую территорию, легкая незапертая калитка открывала детскую площадку. Мисс Хоукинс выбрала калитку, решив, что посещение кладбища неуместно без причины. Обогнула песочницу. Остановилась на углу, наблюдая за двумя детьми с ведерками, увлеченно строивши-

ми замок из песка. Лишь однажды, еще в приюте, совсем девочкой, она была на море. Почти все стерлось в ее воспоминаниях о тех днях, и только яркая картинка бескрайнего синего простора так и не потеряла синевы. Она помнила, как закричала от восторга при виде этой красоты.

Матрона одернула ее и велела вести себя подобающим образом. Однажды, надеялась мисс Хоукинс, дневник прикажет ей поехать к морю, и тогда она сможет снова восхититься им, не скрывая слез и крика радости.

Улыбнулась, сняла перчатки, на лице воцарилось непривычное выражение радостного спокойствия. Вдруг подумала о счастье, которого у нее никогда не было и на которое, очевидно, она не имела права по рождению.

Повернулась и пошла к качелям. Поблизости никого не было, и она легонько подтолкнула их рукой. Это движение было совершенно новым, неизвестным ей прежней, и неоспоримо доказывало, что Хоукинс из приюта Святого Сердца и мисс Хоукинс с кондитерской фабрики больше не существует. Пересекла площадку и направилась к скамейке. Там сидели две женщины, молча наблюдая каждая за своим ребенком, игравшим в песочнице. Засомневалась, стоит ли присесть

отдохнуть. Несмотря на усталость, совсем не хотелось останавливаться между качелями и могилами: она не могла отнести себя с уверенностью ни к той, ни к другой части. Хотя мисс Хоукинс и упустила все радости качелей и каруселей в том своем первом, несостоявшемся детстве, бросаться сейчас во второе было неразумно. Она без колебаний преодолела невидимую границу между площадкой и кладбищем.

Старик сидел у одного из надгробий. Памятник был почти разрушен, и разобрать надпись не представлялось возможным. Очевидно, этот человек не имел никаких родственных связей с теми, кто здесь покоился. Судя по виду камня и зарослям паутины, могила существовала уже много веков. Может быть, могильные камни напоминали старику о его собственном, уже скором, путешествии в мир иной. Он палкой чертил круги на гравии: один, потом еще и еще, все большего и большего радиуса. И так, пока сам не оказался в центре странных геометрических построений. Потом на какое-то время прервался и поднял глаза на мисс Хоукинс, но не увидел ее. Влетевший с площадки прямо за спиной старика мальчишка промчался, перепрыгивая через могилы, и так стремительно затормозил при

очередном приземлении, что невольно разрушил всю печальную геометрию кругов. Слезы покатились по пергаментным щекам старика, и он принялся за чертеж снова. Мисс Хоукинс, улыбаясь, прошла совсем близко от него — он и не заметил этого: его глаза были устремлены на землю, они продолжали начатое дело.

Вернулась опять на детскую площадку, подошла к горке. Если бы она была здесь одна, то обязательно взобралась бы наверх. Мисс Хоукинс готова была наверстывать упущенное. Но это потом, в следующий раз, когда дневник прикажет ей прийти сюда ночью. Дети после дневных игр разойдутся по домам, старик устанет от бесконечных кругов, а она придет на площадку снова и попытается хоть ненадолго вернуться в прошедшее мимо детство.

Обошла парк и кладбище много раз, не повторяя маршрута и читая вслух различимые еще на памятниках надписи. Ее голос звучал в тишине в честь неизвестных ушедших. Неведомая ранее свобода наполнила все ее существо. Она шла теперь быстро и уверенно, как будто ей было куда спешить. Как будто у нее не хватало времени насладиться маленькими и простыми радостями, не доставшимися раньше.

Дома посмотрела на стенные часы — гуляла больше двух часов. Поставила галочку в дневнике. Указание выполнено.

Сняла пальто. Это тоже было внове для нее. Прежде, вернувшись с работы или из магазина, она не снимала пальто до тех пор, пока не ложилась спать, как будто до последнего мгновения пытаясь сохранить дополнительную защиту. Сейчас она почти сорвала и бросила пальто с небрежностью подростка. Взяла ручку с ожидавшей отчета страницы дневника и написала: «Обедала, потом вздремнула. Начала читать книгу». Присвистнула от удовольствия. Но была одна проблема: перечитано все хранившееся на полках. Наверное, дневник велит ей завтра отправиться в библиотеку. А пока придется порыться у себя: вдруг найдется что-нибудь непрочитанное или забытое. Отыскался сборник стихов, его пожелтевшие страницы были даже не разрезаны. Весь оставшийся день мисс Хоукинс скрупулезно выполняла указания дневника, сразу же зачеркивая исполненные. Потом легла спать. Закончился счастливейший день в ее жизни.

Следующие несколько недель дневник давал ей простые приказы, детально описанные и реально выполнимые. Мисс Хоукинс вычеркивала уже

сделанное: разглядывание витрин, посещение библиотеки, визит в парикмахерскую и педикюр. Обычно она получала по одному указанию в день. Однажды так увлеклась чтением, что забыла о прелестях телевидения — приказ не замедлил появиться в дневнике. Теперь она уже не вычеркивала исполненные указания, иногда откладывая их выполнение. Былые четкость и аккуратность стали исчезать. По молчаливому соглашению с дневником мисс Хоукинс смотрела теперь телевизор, когда хотела. Обеды, ужины, завтраки и обыденные факты подъема и отхода ко сну тоже исчезли со страниц дневника. Жизнь постепенно наполнялась другими, живыми событиями. Мисс Хоукинс жила в полном соответствии с предписаниями дневника, и недели пробегали в ощущении удовольствия, о возможности которого она прежде и не подозревала. Но удовольствие, об этом ей подсказал прочитанный сборник поэзии, не полно, если им не с кем поделиться. Мисс Хоукинс теперь не хватало друга. Поэзия будила в ней чувства и потаенные мысли о любви. Она краснела, понимая, что дневник не может дать ей заведомо невыполнимых указаний, но опять возвращалась к запретным мыслям. По сравнению с беспочвенностью лю-

бовных переживаний дружеские отношения казались ей более реальными. Как-то за ужином она снова размышляла о странностях человеческой дружбы. Прямо напротив, над камином, висело овальное зеркало, и она часто посматривала на свое отражение в нем. Внезапная мысль поразила ее. В возбуждении она выскочила из-за стола с полным ртом — матрону хватил бы удар при виде этого. Схватила тряпку и баночку с графитовым порошком, которым обычно натирала каминную решетку. Возникшая в голове идея так захватила, что она даже забыла записать указание дневника. Бегом вернулась на кухню и заглавными буквами написала: «ПРИГЛАСИЛА МУЖЧИНУ НА УЖИН». Это был ясный и четкий приказ. Мисс Хоукинс была в ужасе — что же делать? Она могла надеяться лишь на то, что дневник будет к ней снисходителен и простит эту чистую, святую ложь. А она в свое оправдание поставит отметку о выполнении этого приказа ручкой, а не красным фломастером, как обычно.

Вернулась к зеркалу. Плотно намотала тряпку на указательный палец и окунула его в банку с графитом. Потом, представив, что овал зеркала превратился в овал лица, графитовым пальцем дотронулась до места, где должен быть рот, и

нарисовала симпатичные, раскинувшиеся по обе стороны, словно велосипедный руль, усы. Немного ретуши… Рассматривала свою работу с нескрываемым удовольствием. Чуть подвинула стул, так, чтобы можно было видеть свое отражение в зеркале. Над ее верхней губой, там, напротив, красовались раскидистые усы. Улыбнулась: у нее есть компаньон на сегодняшний ужин!

Она долго всматривалась в своего нового друга: как же, оказывается, они похожи и как, наверное, у них много общего. Молчаливый мужчина, ну что ж, зато сильный!

— Как я рада, что вы пришли.

Он улыбнулся ей в ответ прежде, чем опустил голову к тарелке. Она неожиданно смутилась: у нее ведь совершенно нет опыта в общении тет-а-тет. На фабрике было легче: когда общаешься с сотней людей — остаешься всегда сам с собой. Теперь это сидение друг напротив друга, лицом к лицу… Она совсем не знала, как себя вести. Сидела, опустив голову: очень не хотелось показаться неуклюжей. Она, конечно, понимала, что ее отражение с усами — всего лишь игра, но относилась к своему новоиспеченному «зеркальному другу» со всей серьезностью и предупредитель-

ностью, как если бы он был реальным. Его усы чуть стерлись, и она тут же пришла на помощь — ну не сидеть же ему со съехавшими усами на их первом совместном ужине. Закончив трапезу, решила, что он сегодня больше не нуждается в ее помощи. Осталась довольна собой. Встала, поблагодарила его за визит и отошла от стола. Он ушел тоже. Перед сном она написала в дневнике: «Провела замечательный вечер». Впервые дневник позволил ей записать собственные, личные впечатления.

Она не приглашала своего друга на ужин ежедневно. По опыту, приобретенному из книг, знала, что излишняя фамильярность портит отношения. Поэтому старалась сохранять умеренность, не выказывая слишком явной заинтересованности. В те вечера, когда мисс Хоукинс ужинала одна, она снимала со стены «зеркального друга» и смотрела на светлое пятно на обоях. Она назвала его Моурис, не задумываясь, а скорее не осознавая, что это имя намертво приклеилось к каждому ее нерву. Она обещала себе, что однажды расскажет ему историю Моррис, и надеялась, что Моурис поймет и простит ей то, что он в некотором смысле воспоминание.

По прошествии нескольких недель после зна-

комства с «зеркальным другом» мисс Хоукинс поняла, что теперь она еще больше нуждается в реальном, настоящем друге. Она уже подумывала о новом приказе дневника. Но каждый раз не хватало уверенности в том, что она готова к такой решительной команде, и мисс Хоукинс откладывала. Ведь если она ослушается дневника, он, конечно, потеряет свою магическую, волшебную силу. Тогда все лишится какого-либо смысла, и ее жизнь тоже. Как-то вечером, ужиная с Моурисом, она все же решилась рассказать о его тезке. Опять окунулась в историю печальной и потерянной жизни юной Моррис[1]. Оказалось, она до сих пор помнила до мелочей ту бессмысленную и жуткую смерть. В ответ мисс Хоукинс ничего не услышала. Ей очень не хватало живого, человеческого участия. Ночью плохо спала, тени прошлого опять мучили ее. Бедный Моурис своим холодным равнодушием только разбередил ее страдания. Ей необходимо было найти кого-то, кто успокоил бы душу. На следующее утро на всякий случай, заранее разрешив себе грех ослушания, записала в дневнике: «Была в библиотеке и познакомилась с мужчиной».

---

[1] Примечания: 1

Английские имена Maurice и Morris читаются как Морис. — *Прим. пер.*

Глава 4

Она была уже у дверей библиотеки, когда вдруг осознала, какую сложную задачу поставил перед ней сегодня дневник. Наверное, следовало разработать план действий, прежде чем отправляться в библиотеку на поиски мужчины. Это могло быть чревато неприятными сюрпризами. Она была очень взволнована тем, что ее ожидало. Только теперь оценила прежние продуманные предписания дневника, не требующие от нее особенного геройства. Непроизвольно замедлила шаг, как охотник, вышедший на опасную тропу. К тому же мисс Хоукинс сомневалась в правильном выборе места. С одной стороны, библиотека ее устраивала — место публичное, а значит, вполне безопасное. С другой — это царство тишины и безмолвия, где общаются глазами, полуулыбками и жестами. Науки тонкого притворства и даже простого кокетства она не проходила совсем и страшилась возможного фиаско. Беседа была единственным ее оружием в отношениях с внешним миром. Сомневалась: может, надо было отправиться в какое-нибудь более людное и шумное место, например на рынок. Там никто

и не заметил бы странной встречи незнакомцев. Но дневник четко указал — библиотека, а приказы не обсуждаются. Медленно взбиралась по ступенькам, мучась выбором между читальным залом и залом выдачи книг на дом. Она предпочитала иметь возможность для отступления, а значит, следовало оставаться на ногах, а не сидеть неподвижно за столом. К тому же в тишине читального зала любое сказанное вполголоса слово прогремит громом. Куда естественнее услышать, прогуливаясь между полок с романами: «Не правда ли, сегодня чудесный день?» Решительно направилась в абонементный зал, прямо к новеллам. Пространство между стеллажами хорошо просматривалось: в поле зрения от А до Я не было ни одного мужчины. Лишь несколько женщин бродили среди полок, проглядывая аннотации. Вошла в лабиринт книжных стеллажей. Отдел истории выглядел, пожалуй, привлекательнее, а в отделе религии виднелись желанные мужские головы. Ее путь лежал теперь в направлении Ислама и Иудаизма. С притворным интересом она медленно сняла с полки книгу и открыла на первой странице, продолжая следить за окружающей обстановкой. «В 576 г. до н. э., — прочитала она, — Ханаан был разорен». Мисс Хоукинс засмеялась,

надеясь привлечь к себе внимание. Стоявший рядом мужчина посмотрел в ее сторону. Наконец-то! И она повернулась к нему, не успев стереть с лица улыбку. Он испуганно двинулся прочь. Поставила книгу на место. Наверное, следует действовать по-другому. Взяла наугад другую книгу и села на банкетку рядом со стеллажами изданий по истории. Улыбнулась проходившему мимо мужчине — он поспешил уйти. Что же это с ней? Почему мужчины так реагируют на нее? Одета она пристойно и выглядит вполне сносно. Конечно, можно еще было поработать над собой, например добавить чуть макияжа. В приюте их приучили к мысли, что слишком большое внимание к своей внешности противно Богу, поэтому мисс Хоукинс давно утвердилась в нелюбви к косметике. Но это преодолимо. Надо подумать, что необходимо для начала, и купить на обратном пути. И все же нет и нет. Сначала следует пойти домой и записать эти указания в дневник. Но уйти нельзя, не выполнив полученного ранее приказа. Она должна встретить мужчину в библиотеке, и теперь ей придется оставаться здесь до тех пор, пока дело не будет сделано. Огляделась: увидела несколько подходящих кандидатур, но они были с головой погружены в чтение. Еще раз

пожалела о неправильном выборе места: обстановка не располагала. Ей представлялось, что на свежем воздухе все было бы куда живее и проще.

Решила попытать счастья в читальном зале, но едва открыла дверь, как оглушающая тишина заставила тут же ее захлопнуть: то, что она ищет, не может прятаться на полках среди книг. Безутешная, стояла она на верхней площадке лестницы и ломала голову, куда отправиться дальше — задание должно быть выполнено. Вдруг заметила немолодого человека, поднимавшегося вверх по лестнице легкой походкой. Он проворно двигался, опустив голову, глядя себе под ноги, поэтому не видел, что идет прямо в расставленные силки. Мисс Хоукинс смотрела на него сверху и ждала. Когда он уже почти поднялся, стала спускаться ему навстречу. Наконец, заметив пару чужих ног рядом со своими, он остановился и поднял глаза. Мисс Хоукинс была уже готова к дальнейшим действиям и улыбнулась ему.

— Не правда ли, чудесный день сегодня? — сказала она, стараясь придать голосу мягкость и непринужденность. Эту фразу она сто раз репетировала по дороге сюда. Он посмотрел на нее, а потом медленно смахнул рукой капли дождя с пальто, показывая, что он думает по поводу

сегодняшней «чудесной» погоды.

— Ну, скажем, был чудесный день, — продолжила она смущенно. — Должно быть, дождь только пошел.

Он улыбнулся ей в ответ, как бы сожалея о неловкости, и продолжил свой путь. Мисс Хоукинс не спешила ретироваться: она ведь только что нашла его благодаря Провидению и такая удача вряд ли выпадет ей еще раз.

— Ой, я забыла книгу. — Повернулась и пошла следом за ним.

Казалось, он вообще не реагировал на все ее попытки сближения, но она не сдавалась.

— Какую книгу вы ищете?

— Мне нужно найти книгу для моей матери.

Он наконец остановился и посмотрел на нее. Покраснел и, как будто догадываясь, что будет сожалеть об этом потом, спросил:

— Вы не поможете мне выбрать?

Мисс Хоукинс читала о любви. Она даже имела косвенный опыт из подслушанных рассказов о любовных историях, случавшихся с работницами фабрики, но ей самой никогда не выпадало выигрышного билета в этой лотерее. Сейчас, чувствуя, как все ее тело дрожит и трепещет, она приняла это за явные признаки зарождавшегося большого

чувства. Она была взбудоражена и сбита с толку новыми ощущениями и не шевелилась, боясь выдать себя.

— Так вы поможете? — спросил он снова. Это не было просьбой, но в его голосе звучало уже гораздо больше заинтересованности, чем раньше.

Кивнула в ответ и еще какое-то время продолжала, словно китайский болванчик, мерно кивать. Мужчина уже начал спускаться вниз по лестнице. Нетвердым шагом она последовала за ним. У стеллажей спросила:

— А какие книги предпочитает ваша матушка?

Она уже чувствовала в своем голосе заботу и участие: ну что ж, это и понятно, у нее роман с ним и, следовательно, с его матерью тоже.

— Она любит триллеры. И прочла их огромное множество. Но меня спасает ее плохая память.

Его говор выдавал несомненно простое происхождение, но складная, размеренная речь и манера говорить произвели на мисс Хоукинс хорошее впечатление. Наверное, он из тех людей, кто серьезно занимался своим образованием и, как теперь говорят, сам себя сделал. Это почему-то задело ее самолюбие.

— О, да я сама их обожаю, — сказала она, считая, что путь к его сердцу лежит через согласие

с его матерью.

— Неудивительно, женский вкус. — Он постарался несколько сгладить свое презрение смехом. Но презрение было. Презрение сквозило во всем. Она и сама в глубине души была согласна с ним. Женщины — глупые существа низшего сорта.

— Вы живете вместе с матушкой? — Этот вопрос позволял заодно узнать, женат ли он. Похвалила себя за сообразительность.

— Да. — Он явно не собирался продолжать эту тему.

— Вы, наверное, хороший сын.

И он опять засмеялся, и опять смех был прикрытием. Он взял с полки книгу в обычной для такого чтива блестящей и яркой обложке.

— Вот, то, что нужно.

Она увидела полуобнаженное тело, залитое кровью. Поежилась, скорее от возникшего чувства неловкости, чем от страха.

— Слишком кровожадно для вас?

— Нет, — без заминки выпалила она. Если это устраивает его мать, то должно подходить и ей. — Мне нравится будоражить воображение.

— Она говорит то же самое.

Мисс Хоукинс вдруг представила себя героиней странного действа: она — замужняя дама, давно

живущая вместе с его престарелой матерью в доме с подтеками крови на коврах, потчует старуху мясом мертвецов в гардеробной. Весь дом пропитан стойким, едким запахом горелой плоти. И еще миллион мерзких и жутких, туманящих сознание и уводящих ее от реальности деталей.

— А, вот еще кое-что. — Он уже показывал ей следующий глянцевый ужастик.

Тело молодой девушки подвешено на крюке для мясных туш. Сразу подумала о Моррис или, вернее, о том, что постоянно бередило ее душу и называлось Моррис в ее сознании. Во всем, конечно, виновата матрона. Это она купила чернила и надписала те тряпки, превратившиеся потом в узловатую, грубую веревку, задушившую беспросветную юную жизнь. Как же умирала сама мучительница, если она, конечно, умерла? Мисс Хоукинс надеялась, что матрона уходила в мир иной медленно и тяжело мучась. Челюсти свело яростью. Мисс Хоукинс выросла и повзрослела, теперь она уже почти прожила жизнь, а в ее сознании все еще раскачивался с регулярностью метронома, безжалостно и безостановочно, цепляя каждый ее нерв, тот юный образ с белым лицом. И каждый нерв, словно задетая струна, отвечал мерным движениям маятника, сливаясь в

многоголосье скорбного плача по девочке, в один миг ставшей взрослой. Рано или поздно мисс Хоукинс придется поделиться с кем-то страшными видениями, и тогда она сможет осторожно перерезать веревку и похоронить Моррис. Мисс Хоукинс взглянула на своего спутника.

— Как вас зовут? — Ей хотелось знать его полное имя.

— Брайан, Брайан Воттс. А вас?

— Мисс Хоукинс, — сказала она по привычке.

— Мисс… как?

Она вытащила из памяти запылившееся короткое — Джин.

У него в руках было уже книг шесть.

— Интересно, когда же дождь перестанет? — Он подошел к окну.

Только сейчас она увидела его в полный рост. Набойки на туфлях стесались. Отнесла это скорее к мужской небрежности и неопрятности, чем к бедности. Кроме того, он столько времени посвящает заботам о своей матери, что на себя, наверное, не остается ничего. Уже была уверена, что вскоре получит предписание дневника отнести обувь Брайана в мастерскую. Он опять вернулся к стеллажам.

— Все еще льет.

Ей хотелось как-нибудь удержать его и уговорить переждать дождь вместе. Вспомнила, что по дороге в библиотеку наткнулась на скучное объявление о выставке военных фотографий. Может, позвать его туда? Надо попробовать.

— Мы могли бы скоротать время на выставке, пока дождь не прекратится…

Снова и снова мысленно перебирала приказы, полученные сегодня: «помочь мужчине выбрать книги для его матери»; «посетить выставку», и одному Богу известно, что последует дальше. Так много красных галочек на странице — такое безоговорочное послушание! Но обилие записей грозит превратить ее Дневник в обычный ежедневник, сухо фиксирующий все события дня. Он сможет сохранить свою сущность Устава, только если ее жизнь будет вообще чем-то наполнена. Может быть, ей следует никогда больше не встречаться с Брайаном Воттсом. Тогда она останется одна до конца дней своих и единственной ее радостью будет красная галочка фломастера на странице дневника — знак четкого и беспрекословного выполнения полученного приказа. И это блаженство переоценить невозможно.

— Ну что ж, с удовольствием.

Они спустились по лестнице, он отметил взя-

тые для матери книги. Выставка проходила в пристройке к библиотеке, куда вел крытый переход. Идя по неровной травянистой дорожке, она согнула руку, как бы ожидая его поддержки, совершенно не задумываясь о последствиях. И он ответил на этот неосознанный жест — ну не мог же он оставить болтаться в воздухе согнутую крючком руку. Как только он ее коснулся, мисс Хоукинс непреодолимо захотелось домой. Она боялась. Она почти наверняка знала, что ее тело не сможет более оставаться безучастным к столь непривычным для него искушениям. Несмотря на отчаянное стремление познакомиться с мужчиной, невозможно было до конца поверить в то, что она, именно она, является объектом чьего-либо внимания. Прижала его локоть к своей руке так, будто не собиралась отпускать никогда. Ей хотелось, чтобы отпечаток его прикосновения остался на ее коже хотя бы до вечера, тогда она сможет предъявить его Моурису за ужином. Она докажет, что все происшедшее с ней сегодня не плод ее разыгравшегося воображения, а было наяву. В конце дорожки она наконец отпустила его руку.

Перед ними была вращающаяся дверь, и Брайан замедлил шаги. Такие конструкции он всегда

старался обходить — они немного пугали его. Но другого способа войти не было. Он предпочел бы оказаться внутри вращающегося цилиндра вторым, поэтому положил руку ей на плечо, ненавязчиво направляя ее вперед. Тело мисс Хоукинс теперь уже била лихорадка: как она хотела бы очутиться в одном из кожаных кресел, стоявших по периметру зала. Но не выдавать же себя, проявляя явную слабость или усталость — верные признаки возраста. К своему собственному удивлению, она теперь скрывала его.

— Мне в туфлю попал камешек, — сказала она, поражаясь своей изобретательности. — Вы не подождете?

Он сел рядом. Она немного отвернулась, чтобы он не заметил, что в туфле ничего нет. Рядом с креслами стояла большая кадка с каким-то растением, земля сверху была присыпана мелкими белыми камешками. Пряча руку за спиной, осторожно взяла один, а потом выпустила, как будто только что вытряхнула из туфли. Улыбнулась себе: оказывается, в ней масса скрытых талантов. Может, дневнику следует давать более серьезные приказы, требующие всей ее нерастраченной изобретательности? В этот раз все прошло удачно. Положила на место «мешавший» ей камешек.

— Я никогда раньше не бывала на выставках. — Она и не подумала скрывать свою неискушенность.

— Даже в Национальной галерее?

— А где это?

— На Трафальгарской площади.

— Мне хотелось бы как-нибудь побывать там.

Брайан не мог оставить этот призыв без ответа, так как он явно был адресован ему.

— Если хотите, мы туда сходим.

Ей срочно требовалась передышка, чтобы разобраться в полученных от него обещаниях. После стольких лет эмоционального воздержания неуемный аппетит требовал увеличения порций, но ее реальные возможности, давно урезанные самой жизнью, были исчерпаны, и все новые эмоции только терзали.

— Да, как-нибудь.

Некоторое время они сидели молча, и она наслаждалась тишиной и бездействием. Но слишком затянувшаяся пауза была опасна.

— Ну что ж, осмотрим выставку?

Он встал. Его рука медленно согнулась в локте, как бы приглашая мисс Хоукинс опереться. Мистер Воттс не был решительным человеком и, как правило, подчинялся чужим желаниям, но если,

неожиданно для себя, проявлял инициативу, то выказывал напор, а порой и грубую агрессию, как будто сам презирал себя за мягкотелость.

— Ну пойдемте же.

Мисс Хоукинс приняла предложенную руку совершенно естественно, словно это было обычным делом. Ее раздосадовала собственная неблагодарность за радости, только что подаренные судьбою. Она, всю жизнь лишенная какого-либо внимания, теперь принимала эти подарки как должное. Еще вчера и во все предыдущие дни ее жизни она все делала сама и ходила везде одна, и ее тело, наверное, огрубело и закостенело от невостребованности. Теперь же ее пугала слепая ярость желания разбуженного зверя, она боялась, что ненасытность погубит ее.

Они бродили среди снимков крупного плана. Подошли к фотографии цеха военного завода — ровные, прямые ряды девушек, сортирующих снаряды. Когда-то она была одной из них, в белом муслиновом тюрбане и белом халате, добавлявшими какое-то странное ощущение чистоты и невинности в опасные игры со смертоносным веществом, которое лежало под пальцами. Во время войны кондитерская фабрика «Твое удовольствие» превратилась в военный завод, и девушки,

еще недавно ловко упаковывавшие мятные конфеты, принялись так же искусно упаковывать порох. Она никогда не задумывалась о двойной морали этой работы, она просто выполняла ее. Зарплата мисс Хоукинс значительно выросла, и именно в те годы она смогла отложить деньги и выкупить маленькую квартирку, в которой жила по сей день. Администратор фабрики говорил, что она поступает разумно. Квартиры значительно подешевели, поскольку Лондон бомбили, и был смысл рискнуть, вложив сбережения в недвижимость. Другие девушки считали ее взвешенную расчетливость и рациональность вестниками преждевременной старости: каждую из них могли убить в любой момент, зачем платить за «завтра», которого может и не быть. Многие из них оказались правы. Особенно запомнилась бывшая приютская девушка, которая больше других смеялась над рачительностью мисс Хоукинс. Ее звали Даунс. Однажды мисс Хоукинс оказалась рядом с ней на конвейере. Транспортер двигался монотонно и безостановочно, и вдруг Даунс резко наклонилась вперед. Маленькое болезненное личико упало на ползущую ленту. Конвейер продолжал тихо работать, и пули неспешно двигались по давно проложенному пути. Мисс

Хоукинс не сразу смогла приподнять упавшую голову в белом тюрбане, чтобы освободить путь пулям, которые уже сгрудились у бледной щеки в серебристый холмик. «Даунс!» — закричала мисс Хоукинс безжизненному алебастровому лицу. В глазах, обращенных к ней, казалось, светилось вызывающе: «я же говорила тебе…», как будто теперь наконец было получено неоспоримое доказательство бессмысленности ссуд и ее правоты. «Тромб, — сказал потом в столовой мастер. — Безболезненно и внезапно». Нелепость смерти злила мисс Хоукинс. Ведь тромб — не бомба и даже не шрапнель. В итоге — обычная смерть от необычной естественной причины. Во время войны это выглядело невероятным.

— Вы служили в армии? — спросила она, когда они подошли к разделу «Человек в бою».

— Да. Но я никогда не участвовал ни в одной военной операции. Это, видите ли, все мама.

— Как она могла повлиять на это?

— Могла, но не специально. Просто так получилось.

Разговор с Брайаном уводил ее от нахлынувших черно-белых воспоминаний, и призрак несчастной Даунс исчез.

— Давайте присядем. — Вероятно, он собирался

поведать ей всю историю целиком. И хотел сделать это обстоятельно. Мисс Хоукинс была рада предоставленной передышке и тому, что Брайан так с ней откровенен.

— Я был призван на Дальний Восток в сорок первом. За несколько дней до отправки у нее случился сердечный приступ. А я единственный ребенок, видите ли, да и отец… в общем, он давно оставил нас. Поэтому я получил отсрочку по уважительной причине. Она поправилась, но уже после того, как мое подразделение было отправлено на фронт. Потом еще дважды я получал повестки… Случалось то же самое. Каждый раз ее увозили в больницу, и это не было притворством. После окончания войны она не болела ни дня. Ну вот, поэтому я и не знаю настоящей войны. Благодаря матери. — В его голосе звучала неподдельная горечь.

— Вы должны быть благодарны. — Мисс Хоукинс взглянула на фотографии. — Сколько бедных мальчиков не вернулось назад.

— Я предпочел бы это, — почти прошептал он.

Она почувствовала, что пока не стоит задавать больше вопросов. Это может стать темой их будущих бесед, и вскоре она получит на это приказ. Теперь она была уверена, что они увидятся снова,

сегодняшний рассказ был только прелюдией.

— Дождь прекратился.

Нежданный солнечный луч блеснул в оконном стекле. Он повел ее к выходу.

— У нее энурез, — вполголоса сказал Брайан.

Она опять подумала о богатстве его речи: надо будет найти это слово в карманном словарике.

На улице он посмотрел на часы и заторопился:

— Я должен идти. Я бываю здесь каждую пятницу в это время.

— Я тоже, — ответила она быстро и тут же добавила с легкостью опытного лжеца: — Странно, что мы раньше не встречались.

— Значит, до следующей пятницы? — Он что-то нащупывал во внутреннем кармане пальто.

Она кивнула.

— Вот моя визитка. — Теперь он говорил уже властным тоном. — Надеюсь, вы будете здесь.

Мисс Хоукинс совсем не удивила столь быстрая перемена. Для нее переход от слабости к силе был абсолютно естествен. Пока они не дошли до конца мощеной дорожки, откуда каждый продолжил путь в одиночестве, вертела в руках его визитку. Когда он удалился на достаточное расстояние, достала очки и прочла текст. Там были только имя и адрес. А она-то надеялась узнать что-нибудь

о его профессии. Судя по всему, этот странный человек с визитками в потайном кармане был материнской сиделкой «на целый день». Она чувствовала инстинктивно, как безнадежно он нуждается быть замеченным хоть кем-то, и отпечатанная карточка была его знаком отличия. Всю дорогу домой мисс Хоукинс перечитывала две строчки визитки и повторяла услышанное слово — «энурез». Дома первым делом поставила гордую галочку в дневнике напротив сегодняшнего приказа. Потом занялась поисками услышанного от Брайана слова. Ее обескуражило найденное в словаре объяснение — недержание. Если это действительно соответствовало реальному состоянию здоровья его матери, то — она взвешивала все за и против — пора отправить миссис Воттс в дом престарелых.

В этот вечер она повернула зеркало, и Моурис получил приглашение на ужин. Пересказывала ему события прошедшего дня и заново переживала все полученные радости. Поведала и о решении по поводу будущего миссис Воттс. Была рада, что, судя по всему, он с ней согласен. Он был сегодня приятным собеседником, и вечер протекал в полном взаимопонимании. Моурис разделял ее волнение от предвкушения будущего

и, более того, еще больше утвердил ее во мнении, что старая леди должна удалиться. Мисс Хоукинс встала из-за стола.

— Да, ты прав. Это единственно разумный выход.

Глава 5

В следующую пятницу мисс Хоукинс встала рано. Всю неделю она была занята поисками простых и доступных средств женской красоты в отделе косметики ближайшего супермаркета. Будучи абсолютным новичком в непростом деле макияжа, тренировалась в нанесении кремов и пудры, познавая на практике рекламируемые фантастические эффекты содержимого тюбиков и баночек. Вот и этим утром она, как настоящий художник, много раз смывала и снова накладывала разноцветные мазки, пока не осталась довольна смотревшим на нее лицом. Надела свое лучшее платье и открыла нетронутый флакон духов «Фиалковая река» — самое экстравагантное из всех ее приобретений. Правда, в последний момент засомневалась, подходит ли ей столь нарочитый аромат, обладающий экзотической силой, обещанной в рекламе. Духи были слиш-

ком дорогими, чтобы пробовать их просто так, поэтому репетиций она позволить себе не могла. Решила нанести несколько капель в ложбинке под носом над губами, тогда пьянящее наслаждение от «Фиалковой реки» достанется в основном ей. Аромат и вправду показался сильным и дурманящим. Но было уже слишком поздно смывать: бог весть сколько времени понадобилось бы для восстановления с таким трудом созданного лица. Она надеялась, что на свежем воздухе духи потеряют свою остроту и ко времени, когда Брайан почувствует их присутствие, экзотика уже испарится, оставив лишь легкий ручеек нежных фиалок.

Было одиннадцать. Она помнила, что в прошлый раз Брайан появился в библиотеке около половины двенадцатого. Подождет его там. Опаздывать пока было бы опрометчиво: их отношения еще совсем неопределенны. Взяла дневник и, прежде чем заполнить сегодняшнюю страничку, позволила себе еще раз полюбоваться красными галочками, столь щедро усеявшими предыдущие дни. Еще ни разу не было ни одной оплошности в выполнении приказов. Хотя она понимала, что, будь они сложнее и смелее, радость от успеха была бы более полной и заслуженной.

Итак, она написала: «Была в библиотеке и встретила Брайана». Это предписание показалось ей легко выполнимым и практически уже совершенным. Дрожа, она продолжила размашисто: «Поцеловала его». Но в этом было что-то нечестное. Опять все зависит только от нее, и вряд ли выполнение такого приказа заслуживает похвалы. Очевидно, следует усложнить испытание. Зачеркнула только что написанное. Тут же появилась новая строчка: «Брайан поцеловал меня». В испуге она выскочила из дому.

Пришла рано. В библиотеке прохаживалось всего несколько посетителей. Побродила в отделе беллетристики, все время посматривая на часы. К половине двенадцатого перешла к романам. Опасалась, что уже слишком долго слоняется тут без дела, и чтобы не привлекать к себе ненужного внимания, отыскала хорошее укрытие в нише, где хранились каталоги. Это место оказалось отличным наблюдательным пунктом: отсюда была видна входная дверь. Так и стояла там, беспрестанно перелистывая бесконечные тематические каталоги. Часы в церкви пробили двенадцать. Она нервничала. Она уже паниковала. Брайан не появлялся. Но значительно хуже было то, что выполнение приказа дневника теперь пред-

ставлялось и вовсе сомнительным. Впервые с момента вынесения ей приговора дневник вызывал у нее раздражение своей откровенной дерзостью по отношению к ней. Последний приказ — сплошное изощренное издевательство. Ей полагалось встретить не любого мужчину в библиотеке. Она должна была встретиться здесь с Брайаном, и это ему, Брайану, было предписано коснуться ее губ.

На цыпочках прошла сквозь мертвую, ученую тишину читального зала — там его тоже не оказалось. Пробовала искать в отделе детской литературы. Неизвестно, как могло измениться состояние его матери за неделю, вдруг она впала в детство. Но и там поиски были напрасны: Брайана не было нигде. Вернулась в отдел беллетристики. Решила: даст ему время до часу дня, а что делать дальше, будет решать потом, когда пробьют часы.

Достала из сумки маленькое зеркальце — проверить макияж. Конечно, краски несколько поблекли по сравнению с первоначальным вариантом. Немного припудрила щеки и нос и добавила новый слой помады на губы. Вздохнув, обнаружила, что «фиалковая река» пересохла окончательно. Она начинала злиться на Брайана.

Немного. Взяла в руки первую попавшуюся книгу и попробовала читать, но не могла сосредоточиться — несколько раз перечитывала первое предложение. Она уже давно заметила рядом человека с книгой, переминавшегося с ноги на ногу. В какой-то момент он переместился ближе и посмотрел на нее:

— Вы не хотели бы присоединиться? Тут картинки….

Все его лицо, начиная с низкого лба и заканчивая едва очерченным подбородком, составляло неприятную ухмылку. В уголках рта белели слюни. Он протянул ей открытую книгу, как бы приглашая заглянуть в нее, там между страниц он придерживал пальцами открытку. Испугалась. Накатившая волна возбуждения захлестнула и понесла ее, ноги дрожали. Это грех, она точно знала, но соблазн взглянуть на открытку был почти непреодолим. Старалась не смотреть на нее, перед глазами плыла все та же отталкивающая ухмылка. Повторив про себя приказ дневника, она сказала:

— Нет. Совершенно не хочу.

Она почти бежала от него, ей было жутко и страшно. Выскочила на улицу, не зная, куда идти и что делать. Домой нельзя — это было

равносильно неповиновению воле дневника. Без четверти час. Ясно, что Брайан чем-то занят. Может быть, он заболел и не смог сообщить ей об этом? Эти мысли почти вернули пошатнувшуюся утреннюю решимость, и она уже готова была навестить его, ухаживать за ним и опекать его, ограждая от постоянных, назойливых требований старой матери. Открыла сумку и прочитала адрес. Он жил совсем недалеко отсюда, автобус как раз шел в том направлении. Да, она поедет к нему и выяснит, что случилось. Сама не заметила, как оказалась на автобусной остановке. Ей совершенно не приходило в голову, что ее неожиданное появление может быть нежелательно. Кроме того, она ни на секунду не забывала о невыполненном приказе, и все, что могло хоть как-то способствовать его исполнению, казалось ей правильным.

Улица Ромилли, где жил Брайан, была довольно длинной, по местным меркам — центральной, и мисс Хоукинс внимательно следила за нумерацией домов, чтобы не пропустить нужный ей 147-й. Проехала супермаркет, растянувшийся на целый квартал, началу его соответствовал 55-й номер. Должно быть, следующая остановка — ближайшая к дому Брайана. Автобус уже

притормаживал. Показался дом под номером 93. Еще немного нужно пройти пешком. Торопилась. Надо действовать на авось… Она просто постучит в дверь, а дальше будет видно.

У дверей дома увидела небольшую группу людей. Они ждали чего-то. У обочины стоял катафалк. Остановилась. В голове все перепуталось: сначала Брайан дал ей свою визитку, потом он заболел или произошел несчастный случай. Теперь — его неожиданная смерть. Из дома вывели пожилую даму, очевидно мать. Непрошеная горячая слеза обожгла напудренную щеку мисс Хоукинс и напомнила ей, что она не плакала уже много лет. Бедная Моррис до сих пор была единственным свидетелем ее слез. Да и то мертвым свидетелем. Тыльной стороной ладони резко смахнула со щеки жалящую каплю: еще будет время для оплакивания. Все было безнадежно. Теперь абсолютно ясно: она не отметит победной галочкой приказ дневника, и это ее огорчало больше всего. Может, она еще успела бы ворваться в дом и увидеть его лицо прежде, чем закроется крышка гроба. Но гроб — это не библиотека, где им было предписано встретиться. Она, наверное, даже могла бы поцеловать его остывшие губы, но ведь он будет совершенно безучастен. Все было против нее, и

уже не оставалось ни малейшей надежды даже на частичное исполнение приказа. А что если стереть эту строчку, забыть о ней навсегда, как будто ничего подобного и не было никогда?

Старуху подвели к обочине. Там она стояла вся в слезах, пока четверо мужчин с делаными скорбными лицами выносили гроб. Потом мать усадили на заднее сиденье катафалка между двумя женщинами. Машина медленно тронулась, другая подъехала к воротам. Кто-то из стоявших рядом людей взял мисс Хоукинс за руку, приняв ее за знакомую усопшего, и повел к машине. Может, стоило извиниться за несоответствовавший моменту вид, но, казалось, никто не обратил на это внимания. Села, зажавшись в углу, на обитое черным сиденье, освобождая место для тех, кто сегодня имел больше прав на слезы. Правда, она почему-то чувствовала, что ни один из скорбящих не любил его, как она, и слезы ручьем хлынули по ее щекам. В машине все молчали. Каждый сидел с отсутствующим взглядом, мало похожим на горестный, и думал о чем-то своем. Кто-то даже улыбался. У нее внутри все закипало от праведного гнева: как бы она хотела выкинуть их всех отсюда!

Начинался дождь. Хоть что-то соответствовало

печали похорон. Мисс Хоукинс помнила, что в тот день, когда не стало Моррис, тоже шел дождь. Она и сейчас все еще слышала стук капель в окно туалетной комнаты, уже вычищенной и продезинфицированной. Дождь стучал и стучал о том, что ужасная тайна все еще там, внутри. Дождь не прекращался потом еще долго. Тогда в приюте не было ни гроба, ни катафалка, ни другой какой-нибудь черной машины. Матрона же сразу сказала: все, что произошло ночью, было лишь ужасным кошмаром. Для чего же тогда катафалк? Но мисс Хоукинс больше никогда не видела Моррис, а спрашивать было незачем: и так сердцем чувствовала, куда она ушла. Знала, что матрона, как злой колдун, прогнала ее прочь или съела, чтобы уничтожить свидетельства своей жестокости.

Сейчас она угрюмо сидела в глубине черной машины, скрестив ноги. С нараставшей яростью терла колено о колено, пытаясь заглушить гнев души физической болью. Матроне сейчас было бы около восьмидесяти. Если она все еще жива, с какой радостью мисс Хоукинс сжала бы руки вокруг морщинистой шеи и отправила бы мучительницу в вечность. Залитое слезами лицо вдруг озарила счастливая улыбка.

Магазины и дома закончились; они были уже за

городом. Сквозь стекло по левую сторону дороги виднелся вход на кладбище. За высокой оградой возвышались мраморные головы ангелов. Автобус въехал в открытые кованые ворота.

— Мы уже на месте, — сказал кто-то, хотя это и так было понятно. Глухая тишина была прервана.

Машину потряхивало на крутых поворотах, и пассажиры раскачивались из стороны в сторону. Мисс Хоукинс даже нравились резкие неожиданные толчки, сопровождавшиеся прикосновениями с сидящим рядом. На одном из виражей ее сосед чуть шире расставил ноги, она последовала его примеру. Теперь каждый новый толчок неотвратимо приближал их друг к другу, все ближе и ближе. Когда автобус остановился, ноги их были переплетены.

Водителю совсем не хотелось вылезать под дождь, и он раздраженно фыркал у двери, стремясь поскорее всех выпроводить. Как только последний человек вышел, он вернулся к себе на водительское место и стал смотреть в окно, где черный траурный день сменился серым. Потом, когда все наконец подошли к вырытой могиле, шофер закурил сигарету и открыл журнал комиксов, припрятанный под сиденьем.

Мисс Хоукинс кружила вокруг могилы. Остановилась. Попутчик по автобусу стоял у нее за спиной. Ее колени все еще подрагивали от недавних прикосновений его черных саржевых брюк. В автобусе она даже не взглянула на него. Их случайная встреча вовсе не требовала непременного знакомства, скорее наоборот, излишняя фамильярность могла разрушить хрупкую связь. Она знала, что не будет смотреть ему в лицо, но пойдет за ним обратно в машину, и на крутых поворотах на пути домой они продолжат анонимный роман.

Все еще моросило. Звук дождя заглушал голос священника, плывший и тонувший где-то над головами присутствующих. До нее доносились лишь обрывки фраз: «наш возлюбленный брат», «пыль», «пепел». Впереди, в просветах между ногами, увидела, как начали опускать гроб. Пожилая женщина, сопровождаемая свитой, подошла к яме и слабой рукой кинула туда несколько горстей земли. Комья глухо ударились о доски закрытого гроба. Остальные последовали ее примеру. Все было кончено. Процессия медленно двинулась к машине.

Водитель затушил сигарету и стыдливо спрятал комиксы обратно под сиденье. Выражение

его лица опять сменилось на подобавшее моменту. Проклиная про себя нескончаемый нудный дождь, он вышел из машины помочь входившим.

Мисс Хоукинс ждала, пока все отойдут от могилы, чтобы побыть с Брайаном наедине в первый и последний раз. Не гадала, от чего и как он умер. Ведь его смерть никак не оправдывала теперь уже неизбежное неповиновение воле дневника. Она, конечно, сожалела, что они не увиделись с ним больше. Но ее злило, что он невольно помешал выполнить наложенные ею на себя обязательства. Снова и снова успокаивала себя, что сотрет ужасную строчку и забудет об этом навсегда. Вернулась к машине. Водитель в нетерпении ерзал на своем сиденье, но мужчина продолжал стоять и придерживать дверь. Он ждал ее. Мисс Хоукинс поневоле пришлось взглянуть ему в лицо. Ее встретила гадкая улыбка и маслянистый взгляд. Она больше не хотела сидеть рядом с ним. Его уверенное, лоснившееся лицо, казалось, намекало на отношения, о которых она и не помышляла. Села рядом с ним: все остальные места были уже заняты. Крепко уперлась ногами в пол и вцепилась в обивку так, что теперь могла уверенно сохранять положение на любых

поворотах. На одном из виражей он все-таки попробовал исподтишка придвинуться к ней. Но ее твердо стоявшие на месте ноги ответили ему ясно и недвусмысленно.

— Я бы не отказался от чашечки чая сейчас, — раздался чей-то голос.

— Ну, я уверена, что у Риты приготовлен чайник для нас.

— Наверняка, — ответил другой.

Мисс Хоукинс тоже была не прочь присоединиться к остальным, как и с утра около дома. Наверное, не обязательно дожидаться официального приглашения? Она уже включена в список присутствующих на поминках? Посмотрела в окно на убегавшие дома. Все выглядело теперь иначе по сравнению с утренней дорогой на кладбище. Сейчас есть время приглядеться к домам, рассмотреть даже узор занавесок на окнах, заметить цвет ворот у каждого дома, оценить размеры участков и трудолюбие их хозяев. Всю центральную улицу они проехали довольно быстро. Всего несколько остановок у светофоров, и машина опять въезжала в ворота дома Брайана. На этот раз водитель не вышел под дождь и не двигаясь сидел на своем месте: на сегодняшний день все правила приличия уже были соблюдены. Входная

дверь дома была открыта, и мисс Хоукинс видела, как туда вошла пожилая дама. Пассажиры второй машины двинулись в том же направлении, мисс Хоукинс с ними.

Ей вдруг стало любопытно, как жил Брайан, захотелось увидеть обстановку его дома, посмотреть фотографии, может быть, даже поговорить с его матерью, но сохраняя дистанцию, — она ведь помнила объяснения словаря по поводу состояния здоровья старушки.

Его мать уже восседала в гостиной в кресле с высокой спинкой. По обе стороны от нее стояли сопровождающие. Мисс Хоукинс заметила некоторое сходство между ними. Их лица полны печали и горя, и какая разница, в каком они родстве с ним, если она уже принята в круг близких друзей семьи. Стулья были поставлены вокруг чайного столика. Уже были приготовлены чашки, но чай, очевидно, еще только заваривался. По нараставшему шуму было понятно, что беседа в полном разгаре — напряжение траурного дня спало. Мисс Хоукинс вдруг занервничала. Конечно, быть непрошеным гостем, да еще «на чужом горе», отвратительно, но как им объяснить, что она тоже имеет право на это. Она была уверена, что пожилая дама внимательно следит

за ней. Краем глаза увидела, как старуха что-то спрашивает у своей свиты — наверняка о ней. Те помотали головами, подтверждая свою неосведомленность. Одна из женщин ушла куда-то вглубь дома, наверное разузнать что-нибудь поподробнее. Мисс Хоукинс желала сейчас только одного: чтобы скорее принесли чай. Старуха продолжала неотрывно вглядываться в незнакомку, и мисс Хоукинс уже собралась было уходить. Но очень хотелось пить. Может, дождаться все же маленькой чашечки чая с теми эклерами на столе? Они выглядят чудесно… Потом она спокойно уйдет безо всяких ненужных прощаний. Появилась та женщина, что была послана на разведку, она пробиралась между сидевшими в гостиной. Мисс Хоукинс ясно слышала, как разговор вдруг прервался на полуслове, а его мать поспешно отвела свой осуждающий взгляд в сторону. Мисс Хоукинс вскочила, не выпуская из виду старуху со свитой, и стала выбираться из комнаты. Уходила быстро, опустив глаза, надеясь, что все воспоминания о ней сотрутся из памяти присутствующих. И уж конечно, никак не могла заметить надвигавшийся на нее поднос с двумя доверху налитыми чайниками и того, кто нес этот поднос. Приподняла голову, чтобы удостове-

риться в том, что действительно идет к выходу. Прямо возле лба мелькнул угол подноса. В ту же секунду раздался грохот разбивающейся посуды и горячая заварка хлынула на пальто. Но это не шло ни в какое сравнение с тем, что перед ней, теперь уже с пустыми руками, без подноса, весь мокрый, стоял… Брайан. Внимательно всматривалась в каждую черточку смущенного и, еще час назад, казалось, навсегда потерянного лица. Они заговорили одновременно:

— Что вы здесь делаете?

— Я пришла на ваши похороны.

Ее ответ повис в воздухе. В прихожей появились несколько женщин, чтобы убрать разбитую посуду и собрать печенье. Брайан уходил. Мисс Хоукинс провожала его взглядом; сверху, с лестницы, на них смотрела его мать.

— Брайан, — проскрипела она, — что случилось?

Он сделал несколько шагов по направлению к лестнице, потом растерянно обернулся — не мог же он разорваться между ними.

— Пожалуйста, уходите. Моя мать увидит вас.

Поймал ее отсутствующий взгляд и добавил, как бы извиняясь:

— Встретимся в библиотеке через полтора

часа.

Она поспешила уйти, пока он не передумал. Шла быстро, пружинистой походкой, по дороге отряхивая прилипшие к пальто листочки чая. На сердце было тепло и спокойно, даже не столько оттого, что Брайан оказался жив, а потому, что теперь красная галочка была уже почти заработана. В библиотеку он придет наверняка, и единственной загвоздкой оставался поцелуй. Но мисс Хоукинс почему-то верила в успех. Сегодня был определенно ее день.

Теперь ей стало интересно, на чьих же похоронах она присутствовала и кем была эта пожилая дама, принятая ею за мать Брайана. Конечно, Брайан объяснит ей все при встрече, и они еще долго будут вместе смеяться над странными событиями сегодняшнего дня. Ее немного огорчало то, как Брайан испугался, что мать увидит ее: едва не выставил ее из дома. Волна злости нахлынула на нее, ужасная мысль пронеслась в голове: старухе пора умереть и она сама готова приложить к этому руку. Опять вспомнила матрону. И опять в немой ярости сжала кулаки. Чтобы как-то совладать с собой и утихомирить разыгравшуюся внутри бурю, остановилась у обочины и прислонилась к фонарному столбу.

Она была рада, когда к остановке подошел автобус. Спокойно вошла. Сев на свободное место, занялась поисками мелочи в сумочке. Потом достала пудру и поправила макияж. Когда закончила, до библиотеки оставалась одна остановка. Решила, что пройдется пешком. Времени было достаточно, и она не хотела стоять без дела. Ее пугали ужасные приступы гнева, накатывавшие душной волной. Более того, возникло нехорошее предчувствие, что когда-нибудь ее ярость, как дикая стихия, может выйти из-под контроля. Единственным противоядием, казалось ей, могло быть какое-нибудь дело, которое не давало бы кошмарам вертеться в голове. Может, заняться вязанием? Начать вязать шарф, например. Бесконечный шарф. Надо не забыть получить приказ дневника пойти в магазин за шерстью. Еще пару месяцев назад это был бы нормальный приказ, теперь же он казался детской забавой. Сейчас она рисковала каждый день, выполняя все более изощренные указания дневника. Но не может же она все время ходить по острию ножа. Должны же быть и передышки, поэтому дневник будет давать ей иногда спокойные, обыденные распоряжения-инструкции. И такие дни станут днями отдыха и покоя. И новые красные галочки

запестрят на его страницах.

Поднималась по уже хорошо знакомым ступеням библиотеки. Наверху ненадолго остановилась, но теперь всякое безделье было для нее недопустимо, и она поспешила в отдел беллетристики. Взяла с полки книгу. Но слова не складывались в предложения. Продолжала читать, не понимая смысла напечатанных знаков. Так она пролистнула четыре или пять страниц. Потом на середине какого-то предложения поставила книгу обратно на полку: Брайан должен был вот-вот прийти. Вышла из зала на лестничную площадку как раз в тот момент, когда внизу показалась его голова. Он шел неуверенно, низко наклонившись. Ей вдруг расхотелось улыбаться, хотя она старалась изо всех сил изобразить на лице радость. Не понимала, что происходит. Чтобы предупредить возможные упреки Брайана, мисс Хоукинс решила начать с извинений.

— Простите меня.

Он стоял на площадке рядом с ней и не знал, с чего начать. Взяла его за руку.

— Я надеюсь, это не очень вас расстроило. Я имею в виду вашу мать.

— Я сказал, что никогда раньше вас не видел, — ответил он и таинственно улыбнулся, как будто

они были заодно.

Но мисс Хоукинс не участвовала в этом заговоре.

— Почему вы скрываете меня от нее?

— Вы не знаете мою мать.

Повела его обратно вниз, размышляя, что же сказать дальше. Они спускались в тишине. Каждый хотел объяснений. Брайан выжидал более подходящего момента. Ей придется начать первой.

— Кто же скончался?

— Сосед снизу. Он был очень стар.

Подождала еще, но, похоже, это все, что он собирался сказать.

— А кто же та пожилая дама?

— Его жена. Я обещал помочь ей с приготовлением чая.

— Я сожалею о случившемся.

Они вышли на улицу, она вела его.

— Давайте зайдем в парк?

Она уже почти поставила галочку напротив приказа дневника. Они ведь встретились в библиотеке, правда с некоторым опозданием, но это не в счет. Сложнее с поцелуем… Парк подходил для этого больше.

— Я пришла к вам домой, поскольку вас не

было в библиотеке, — сказала она, чувствуя, что надо как-то объяснить свое поведение. — Представьте, что могло прийти мне в голову, когда я увидела катафалк. Я просто стояла и смотрела, потом кто-то повел меня в машину. — Она приостановилась. — О, я так рада, что это были не вы, Брайан, — сказала она… Вполне убедительно. Теперь можно было вернуться к неприятному вопросу. — Почему вы скрываете меня от матери?

— Она не любит, когда у меня появляются друзья.

— Но это эгоистично. Вы не можете все время проводить с ней.

— Она нездорова, — еле выдавил он. Он явно не хотел продолжать разговор. Но это не остановило мисс Хоукинс:

— Вы должны отправить ее в дом…

Брайан остановился.

— Но это было бы преступлением…

Она подталкивала его вперед.

— Конечно, это не мое дело, — сказала она, чувствуя совершенно обратное, ведь, по приказу дневника, это уже было ее дело. Но сейчас следовало подбодрить Брайана. Немного.

Они прошли мимо рекламы общества любителей игры в вист. Голова Брайана была все время

опущена, поэтому он вряд ли видел объявление.

Мисс Хоукинс подождала еще минуту, а потом спросила:

— Вы играете в карты?

— Да, иногда играю с матерью.

— На следующей неделе состоится чемпионат игры в вист.

— Но мама никогда не выходит из дому.

— А вы не могли бы оставить ее ненадолго?

— Вечером нет.

— Ну, тогда я могла бы навестить вас.

Ее предложение было настолько обескураживающим, что он громко рассмеялся. Теперь настала ее очередь обидеться. В романах такая сцена обычно предшествовала бурной ссоре. Затем по сценарию следовали развязка и примирение. Сначала она обиделась молча. Но он, судя по всему, не заметил ее изменившегося настроения, поэтому она вынуждена была прервать тишину и сказала, на всякий случай добавив в голос нотки извинения:

— Вы так меня расстроили.

Но и слова не произвели никакого впечатления: он продолжал молчать. В угрюмой тишине они подошли к скамейке.

— Присядем? — спросил он. Утвердительные

интонации он использовал редко.

Судя по всему, Брайан устал, да и для окончательного выполнения приказа дневника лучше занять удобное положение. Он смахнул перчаткой пыль со скамейки, потом пыль с перчатки сбил о ботинок. И ждал, пока она сядет. Мисс Хоукинс выбрала себе самое выгодное место на середине скамейки, чтобы уменьшить возможное расстояние между ними. Брайан уселся в самый угол. Она продолжала необъявленную ссору. Вдруг ему пришло в голову, как прервать затянувшееся молчание: да, конечно, спасительная литература…. Забыл сдать в библиотеку взятые в прошлый раз книги. Мать, разумеется, будет недовольна, но это оправдает внеочередное посещение библиотеки, например завтра.

— Вы завтра не заняты? — отважился он.

Вопрос порадовал ее, но не следует раньше времени показывать это.

— Вы разве не видите? Я расстроена.

— Простите. — Он явно был огорчен. — Что я могу сделать для вас?

Он тут же пожалел о своем опрометчивом вопросе, опасаясь ее фантазий, которые не в состоянии будет выполнить. Но было поздно. Мисс Хоукинс дождалась. Это был ее шанс.

— Вы можете меня поцеловать.

Редкие и весьма сдержанные ухаживания, которые позволял себе иногда Брайан, предполагали достаточно скромный арсенал средств, и поцелуи точно не входили в их число. Его всегда страшил возможный и логичный финал любовных интриг, поэтому он вынужден был отказывать себе в удовольствии флирта. Он считал все сексуальные отношения притягательно грязными, тогда как поцелуй оставался чистым и целомудренным и находился, в его понимании, скорее в сфере семейных отношений. Поцелуй был абсолютно дозволенным, не имевшим ничего общего с сексуальными домогательствами. Все равно что представить себе святого в воровском логове. Было бы оскорбительно отказать ей в этой невинной просьбе. Поэтому Брайан зажмурил глаза и наклонился, нацелившись заранее в приготовленную для поцелуя щеку мисс Хоукинс. Она же, повинуясь предписаниям дневника, повернула голову так, что поцелуй пришелся точно в губы. Глаза Брайана были предусмотрительно закрыты, а его губы не знали разницы между кожей щеки и ртом. Он выпрямился и открыл глаза.

Дело было сделано. Да еще как удачно! Теперь мисс Хоукинс торопилась подняться. Она спеши-

ла домой. Сегодня, без сомнения, был получен самый сложный и изощренный приказ дневника, и, что еще более важно, он виртуозно выполнен только что.

— Я не занята завтра, — миролюбиво ответила она.

— Ну что ж, тогда я буду в библиотеке завтра в три часа дня. Вы придете?

— Да, — ответила она и продолжила: — Может быть, сходим на выставку?

— Будет сложно уйти так надолго.

— Скажите, что пойдете к стоматологу, — неожиданно пришло ей в голову.

Он поежился от неумелой лжи и засмеялся, пряча свои вставные зубы, которые на самом деле давно требовали этого.

— Или скажите, что пойдете к своему доктору, — предложила она новый вариант.

— Я что-нибудь придумаю.

Они подошли к автобусной остановке; мисс Хоукинс безумно хотела домой.

— Она позеленела бы, если б слышала это.

— Звучит так, как будто она — старый дракон, — сказала мисс Хоукинс и быстро прибавила: — Сказочный дракон.

— С ней все в порядке, — сказал он примири-

тельно. — Просто у нее были тяжелые времена.

Мисс Хоукинс обрадовалась, что его автобус уже подходил к остановке: не хотелось обсуждать добродетели его матери. Оттого, что он так настойчиво ее защищал, она ненавидела ее еще сильнее. Его мать была непреодолимым препятствием для мисс Джин Хоукинс на пути к миссис Джин Воттс. Кулаки опять непроизвольно сжались, и дневные мысли снова вернулись — она желала старухе смерти.

Когда Брайан был уже в автобусе и не мог ее видеть, она послала ему воздушный поцелуй. Домой решила идти медленно, чтобы насладиться предвкушением победной галочки в дневнике. Еще раз мысленно проживала перипетии прошедшего дня. Сначала страшное поражение в библиотеке — кажется, было давным-давно, потом чужие похороны — как жуткий кошмар, разбитый чайник — неожиданное пробуждение. Интересно, многим ли выпадают в жизни столь насыщенные дни? Нет, она определенно очень счастливая женщина.

Как только мисс Хоукинс оказалась дома, она скинула пальто, пошла прямо к туалетному столику, причесалась и поправила макияж. Красная галочка сегодня заслуживала настоящей церемо-

нии, и ей хотелось соответствовать торжественности момента. Включила газовый обогреватель в гостиной и принесла туда из кухни дневник. Раскрыла его и заботливо положила на кофейный столик. Красный карандаш был уже наготове. Повернула зеркало, чтобы Моурис мог разделить с ней ее триумф. Потом они пообедают вместе, и она все расскажет ему в мельчайших подробностях. Положила дневник на колени, взяла в руки красный карандаш и громко прочла запись в дневнике: «Пошла в библиотеку и встретила Брайана. Он поцеловал меня». Оба приказа были сложны и поэтому заслуживали гораздо больше, чем просто отметки. Может, стоит подарить каждому из них по галочке? Смочила красный грифель и с гордостью нарисовала две красивые птички. Потом откинулась на спинку кресла: как же она устала, сил совсем не осталось.

Закрыла глаза, продлевая наслаждение от своего полного и безоговорочного успеха. Что же ждет ее завтра? Может быть, после такого напряжения стоит пока остановиться на достигнутом? Завтра дневник мог бы послать ее за шерстью в супермаркет, повелеть ей пойти в библиотеку или в кино. Она непременно посоветуется обо всем с Моурисом. Скорее всего ее ждет легкий день,

который можно прожить в согласии с собой, без боязни оступиться. Закрыла дневник и нежно прижала его к щеке. Это была ее жизнь, в которой все теперь стало возможно, и подтверждением тому служили фантастические события сегодняшнего дня. Дневник жил своей собственной неведомой жизнью. В этом она была абсолютно уверена. Иногда он был ее благосклонным повелителем, иногда превращался в жестокого тирана. Он существовал независимо от нее, так же как ее «зеркальный друг» на стене. Теперь она была не одна и совершенно не понимала, как столько времени умудрилась прожить в одиночестве.

Глава 6

Моурис посоветовал ей не торопить события, и следующий день был днем простых указаний. Но она уже скучала по рискованным приказам, ей требовался хотя бы легкий будоражащий ветерок. Поэтому она написала: «Наслаждалась». Конечно, не вызов судьбе, но в этом слышалась некая манящая неопределенность.

Из дому вышла рано. Перед уходом сняла со стены Моуриса: уже решила, что сегодня будет

обедать одна. В магазине растерялась: ее ошеломил невероятно широкий выбор пряжи. Она не была мастерицей в вязании, знала только основные приемы лицевыми и изнаночными петлями, которым научилась в приюте, но для шарфа этого было достаточно. Почему-то была твердо убеждена, что лицевые петли — красивы и целомудренны, а изнаночные — неказисты и греховны. Матрона объясняла девочкам, что лицевая, видимая сторона — желаемый рисунок, поэтому она правильна, а обратная — изнаночная — с изъянами, поэтому и скрываема от всех. Смысл лица и изнанки перепутался в их головах с названием петель, и мисс Хоукинс стала жертвой семантической ошибки. Решила, что шарф должен быть связан непременно лицевой вязкой, это будет хорошо с обеих сторон. Обязательно лицевой вязкой, ведь предстоит добродетельное занятие: вязание должно отбивать неожиданные атаки ярости, сжимающие железной хваткой ее кулаки и сводящие челюсти. Шарф был выбран мисс Хоукинс еще и потому, что обладал одним неоспоримым преимуществом — он мог быть бесконечным: все зависело от нее. Купила простую шерсть всех цветов радуги и пару тонких спиц, чтобы шарф рос как можно медленнее. Теперь ей

не терпелось вернуться домой: она уже предвкушала удовольствие от ласковых разноцветных ниток в руках. Ей приходилось даже сдерживать себя, ведь тривиальное удовольствие не должно затмевать основной цели «вязальной терапии». Она знала, что стоит ей неосторожно наткнуться на воспоминания о матроне, как кисти рук непроизвольно сожмутся, и лучше, если она разберется с этим по дороге домой.

Некоторые периоды ее приютского детства были не так уж болезненны, и она могла легко возвращаться к ним теперь. Это относилось к «каникулам» матроны, когда та уезжала куда-то на север навестить свою мать. Тогда их опекала мисс Викс — веселая толстуха, никогда не носившая форму. Она обходилась без ежедневных проверок ушей и шей воспитанников, и строгий режим отхода ко сну на время забывался. Комнаты всю неделю оставались неубранными, лениво накапливая пыль, постели не заправлялись, а раковины на кухне доверху наполнялись грязной посудой. За день до возвращения матроны объявлялась всеобщая помывка воспитанников и генеральная уборка помещений, чтобы к ее приезду вернуть все в первозданный стерильный вид. Счастливые деньки заканчивались. Возвра-

щалось правление матроны, и для воспоминаний опять требовалась терапия лицевыми.

Однажды в приюте появилась странная немолодая пара. Все девочки были выстроены в ряд.

— Только девочки, — рявкнула матрона, когда один из мальчишек попытался незаметно влезть в строй.

— Всегда только девочки, — не унимался мальчуган.

— Никто не хочет жить с назойливыми мальчишками, — отрезала матрона. И всем девочкам, стоявшим в парадном строю, стало ясно, что самой счастливой из них сегодня улыбнется судьба — она уйдет отсюда навсегда. Одна маленькая девочка, ее звали Брауджон… Странно, но ее имя все еще хранилось в памяти мисс Хоукинс. Так вот, эта покрытая угревой сыпью девочка, которой от враждебной непримиримости матроны доставалось больше, чем она могла вынести, бросилась вперед и в отчаянии вцепилась в пальто незнакомки.

— Возьмите меня, — умоляла она. От напряжения прыщи набухали и краснели. — Я хорошая, правда, я хорошая.

Матрона ухмыльнулась: она не знала никого на всем белом свете, кто даже в дурном сне, без

принуждения захотел бы взять такого ребенка. Ради соблюдения приличий она довольно ласково увела несчастную, отправив в компанию мальчиков: такой девочке абсолютно не на что было рассчитывать.

Супруги внимательно, но на расстоянии всматривались в стоявших перед ними девочек. Все замерли в ожидании. Глаза женщины остановились на Хоукинс. Сердце бешено колотилось и выпрыгивало из груди — избавление было так близко. Закрыла глаза и молилась, чтобы ей повезло сегодня. Почувствовала руку, опустившуюся на плечо. Открыла глаза. Женщина улыбалась ей, а мужчина кивал в знак согласия с супругой.

— Только не эта, — снова вмешалась матрона достаточно громко, так что все могли слышать. — Она писается.

Женщина брезгливо отдернула руку от плеча Хоукинс и снова пошла вдоль строя. Хоукинс открыла рот, полный крика протеста, потому что никогда, никогда в своей жизни в приюте она не намочила постель. Но ее рот пересох от ненависти и страха, и было уже слишком поздно: вперед вышла рыжеволосая Стюарт, рядом с ней стояли ее новые родители. Она уходила, она была

теперь свободна.

В тот день Хоукинс помогала на кухне. Она вытирала большое китайское фарфоровое блюдо, когда вошла матрона и одарила ее одной из своих редких ледяных улыбок:

— Не могла же я потерять тебя, дорогая. Ты ведь лучшая помощница в хозяйстве.

Хоукинс даже не пошевелилась, просто выпустила из рук блюдо и спокойно смотрела, как разноцветные фарфоровые осколки рассыпались по каменному полу. Когда шум стих, подошла к высоченной груде уже вытертых тарелок — слоеная пирамида раскачивалась из стороны в сторону. Хоукинс совсем немного помогла ей — только чуть сдвинула нижнюю тарелку, и все остальные дружно отправились к разбросанным на полу осколкам. Кухня наполнилась жутким грохотом, а она уже искала следующую жертву ярости, раздиравшей ее от собственного бессилия и невозможности вырваться из мрачной тюрьмы. Матрона хлестнула ее по лицу, схватила за пояс фартука и потащила через кухню, наверх по лестнице, до конца коридора, в комнату наказаний — изолятор.

— На хлеб и воду, моя девочка! — кричала матрона.

Потом были два урчавших в желудке дня, потому что никто и ничто не могло изменить жестких воспитательных мер матроны.

Когда мисс Хоукинс пришла домой, ее побелевшие кисти были плотно сжаты в кулаки. Поэтому, прежде чем отметить выполненный приказ, она взялась за спицы.

И каждый укол спицы был направлен в каменное сердце матроны. Вязала, пока не успокоилась, и только потом поставила в дневник галочку. Уже в дверях — она шла в библиотеку — оглянулась:

— До свидания, Моурис.

Как же хорошо, когда есть с кем проститься, уходя из дому, и знать, что кто-то ждет твоего возвращения. Знать, что, пока тебя не будет дома, какой-то новый, незнакомый тебе предмет появится на полке, над камином, из шкафа будет вынута книга. А там, в углу комнаты, кто-то, совсем не ты, удобно устроится на ворсистой плюшевой кушетке. Как знать? Сейчас она была почти уверена, что Брайан очень скоро поселится в ее доме.

Он ждал ее на улице, у входа в библиотеку. Они вошли, взявшись за руки. Мисс Хоукинс предложила сдать взятые им в прошлый раз книги, пока он будет выбирать новые. Брайан отошел

на порядочное расстояние, и она могла спокойно наблюдать за ним, не боясь быть уличенной в подглядывании. Книги он выбирал наугад, не перелистнув даже нескольких страниц. Похоже, единственным ориентиром для него были глянцевые обложки. Сзади он выглядел моложе своих лет. Она думала, ему около шестидесяти с небольшим. На нем был коричневый макинтош, мешковато болтавшийся на бедрах, сильно затянутый поясом. Если бы у него был маленький внук, не искушенный в распознавании сути человека по незначительным внешним штрихам, он вполне мог бы принять его за настоящего, решительного мужчину. И она, наверное, могла бы, если б не его полная безразличия коричневая, слегка сутулая спина. Он полностью отгородился и закрылся от всего окружающего мира, и о нем ничего нельзя было узнать. Так он стоял там, у полок, в неуютном одиночестве, стараясь как можно скорее покончить с надоевшим еженедельным подбором книг для матери. Неожиданно быстро Брайан вернулся, держа в руках шесть книг с леденящими кровь названиями. Он выглядел раздраженным, но, как только поймал на себе взгляд мисс Хоукинс, постарался улыбнуться.

— О, вы уже совершили сегодня доброе дело. —

Она надеялась, что в прошлый раз ею получена индульгенция на незначительные отступления от добродетели. Ей казалось, что ему это даже нравится.

— Надеюсь, она еще не читала их.

— Она никогда этого не вспомнит.

— Вы не знаете мою мать, — ответил он с нескрываемым недовольством. Если кто-то и мог критиковать его мать, то это был только он сам. Он пресекал все попытки вмешательства извне. Мисс Хоукинс поняла, что допустила оплошность, и поторопилась взять его руку, что, по ее мнению, на языке жестов означало признание своей ошибки.

— Вы сами так сказали. В прошлый раз, — оправдывалась она.

Это было действительно так, поэтому он промолчал. Она чуть пожала его руку, сожалея, что не искушена в тонкостях языка жестов.

Они уже были у кинотеатра. Теперь она раздумывала, как правильнее и разумнее повести себя. Знала, что обычно мужчина платит за двоих, но сомневалась, можно ли считать их парой. Конечно, если бы он заплатил, это подтвердило бы серьезность их отношений, его ответственность за нее, и тогда она могла бы ожидать дальнейших

шагов. Но на всякий случай, во избежание неожиданных недоразумений, все же начала рыться у себя в кошельке. Подошли к кассе. Брайан встал перед мисс Хоукинс — это был обнадеживающий знак. Когда подошла их очередь, повернулся к ней:

— Где вы хотите сидеть — наверху или внизу?

Наверху, конечно, шикарнее, но значительно дороже, и к тому же она еще не поняла, кто платит. На мгновение задумалась, но рискнула:

— Наверху.

Слышала, как он повторил кассиру:

— Наверху, — и тут же добавил: — Одно место.

Достал маленький кожаный кошелек и отсчитал точную стоимость билета. Мисс Хоукинс лихорадочно теребила свою сумку, надеясь найти нужную сумму. Он отошел чуть в сторону и смотрел, как она перетряхивает содержимое сумочки. Он не двинулся с места и тогда, когда ей не хватило двух пенсов и она печально вытащила пятифунтовую купюру для размена. Ужасно обидно было так глупо терять припасенную на экстренный случай банкноту ради двух пенсов. Пересчитала сдачу и последовала за ним в темноту. Служащий с фонариком проводил их на места. Как только она опустилась в кресло, вспомнила

приказ дневника — «наслаждаться». Следовало признаться самой себе, что пока ничего не выходило: она не получала никакого удовольствия, о наслаждении не могло быть и речи. Пыталась объяснить отсутствие галантности в Брайане нежеланием предпринимать какие-либо конкретные шаги или неготовностью пока играть роль супруга. Не хотелось верить, но, судя по всему, он был обыкновенным, примитивным скрягой. Она же мечтала видеть рядом с собой более учтивого и благородного человека, хотя и знала, что скупость весьма распространенное качество среди мужчин. Мисс Хоукинс сердилась. Ее огорчало то, что она разменяла пять фунтов ради ничтожной суммы в два пенса, и если бы это понадобилось для еженедельных закупок в супермаркете, было бы не так обидно. Сегодняшний ее поступок выглядел экстравагантной выходкой, и в таком случае надо уж было выбрать партер. Посмотрела на него сбоку, он ответил ей улыбкой, потом ни с того ни с сего взял ее за руку… И она простила его. Он нежно перебирал ее пальцы. Столь неожиданный пыл настораживал. Может быть, он радуется, что нашел в ней удобного компаньона, который отвечает сам за себя?

«Я наслаждаюсь?» — спрашивала она себя.

Очень хотелось получить еще одну красную галочку, но, говоря по чести, она едва ли была оправданна. Расслабилась и оставила свою руку в его руке: надо дать ему еще один шанс.

— Может быть, потом зайдем в кафе напротив? — предложила она.

Он кивнул, не отрываясь от экрана. Решила, что позволит ему расплатиться по счету в кафе, и если это произойдет, то с чистой совестью можно будет считать приказ дневника выполненным. А если нет? Лучше пока не думать об этом и наслаждаться хотя бы фильмом.

Шел фильм «Великолепие ночи», титры только что поплыли по экрану. Мисс Хоукинс уже и не помнила, когда в последний раз была в кино. С тех пор, как купила телевизор: не видела смысла в просмотре одного и того же, тем более за деньги. Опять вспомнила про несчастные пять фунтов.

Фильм шел уже вовсю, пять минут пролетели. Герои были на балу — старомодная танцевальная музыка, красивые, нарядные платья. Мисс Хоукинс захватили очарование и романтика происходившего на экране, и она забыла о сидевшем рядом с ней мужчине. Она даже не заметила, что он давно уже выпустил ее руку, потому что тоже погрузился в мечты о несбыточном и далеком,

где был только он сам. Так они сидели рядом, два одиноких человека, и тосковали о жизни, где не было ни бедности, ни боли, ни одиночества, а только счастье и красота. Мисс Хоукинс представляла себя главной героиней — красивой молодой девушкой и не собиралась выходить из образа до конца фильма. Брайану она отвела роль деда той самой девушки, и он грелся в лучах ее юности. Старик был главой семьи, и его окружали домочадцы, готовые в любую секунду по мановению руки патриарха выполнить его малейшее желание. Но, самое главное, в каждом движении и взгляде окружающих, кроме любви и готовности служить, явно проступали бесконечное уважение и почтение. Брайан вздохнул. Да, это для него было настоящим наслаждением. Уважения и почтения ему недоставало всегда, и они были его самой желанной целью на протяжении всей жизни. В том, что он не имел ни того ни другого, он тоже винил свою мать. Начиная с того, что был вынужден существовать с ней в беспросветной бедности после ухода отца, оставившего их в нищете и больше никогда не появившегося в его жизни. Мать ругала его всегда и за все. Он раздражал ее в ползунках, потом в школьной форме, и даже армейский военный китель был ей

ненавистен. Она мечтала о девочке. Но у нее был он, ее сын, похожий на своего отца, и поэтому она использовала этого доставшегося ей мужчину, постепенно превратив его в «суррогат мужа» и наказывая за все, за что не могла отомстить его прототипу. Брайан интуитивно чувствовал это, но простить все нанесенные обиды и унять горечь раздражения по отношению к матери не мог. Больше всего его удручало, что он сам был порождением своей матери, покорным рабом, раз и навсегда заклейменным ее собственным тавром. От злости Брайан кусал губы, вспоминая долгие годы безропотного подчинения. Сейчас он был полон твердой решимости покончить со всем этим, как только вернется домой. Он отменит навязанные ему роли и сможет начать новую жизнь. Он будет ухаживать за ней, только если она будет умолять его об этом и только если у него не будет более интересных занятий. Правда, тут же вспомнил, сколько раз он уже решался на бунт, но потом, неизвестно почему и как, все оставалось на своих местах, она опять побеждала без боя. Брайан сидел в темном зале, скрипя от ненависти вставными зубами, а на экране молодой человек боролся за свою судьбу, продираясь сквозь трудности и страдания.

Мисс Хоукинс видела в молодом герое своего жениха, он просил ее руки у старика. А тот требовал подвигов и большего почтения прежде, чем даст благословение. Сейчас ее возлюбленный опустился на колени. Но старик все еще тянет с решением, и мисс Хоукинс презрительно скривила губы от отвращения, наконец догадавшись, что старый развратник приготовил ее для себя. Молодой человек может вернуться через год, если сумеет выполнить невыполнимое, но скорее всего ему придется расстаться с жизнью.

— Низкий старик, — прошептала мисс Хоукинс своему соседу, пока ничего интересного на экране не происходило и можно было обменяться впечатлениями.

— Очень разумные поступки, — ответил Брайан, обессилевший от размышлений. Он любил смаковать ощущение силы. — Я не думаю, что захочу потом в кафе, — продолжил он, все еще чувствуя отчаянную потребность в самоутверждении. Его, конечно, можно уговорить. Но только если она скажет «пожалуйста», и не один раз для начала, или пусть попытается купить его благосклонность…. Тогда он согласится. Он был упрям в желании добиться превосходства хоть над кем-то.

— О, пожалуйста, — как по-писаному сказала она. — Мне так хочется чашечку чаю. С тортом.

— Я не люблю тортов.

— А что вы любите?

— Я предпочитаю что-нибудь пикантное, острое. Валлийский гренок с сыром или грибной тост.

— Но мы же можем заказать и это.

— Я могу обойтись.

— Пожалуйста, — все еще просила мисс Хоукинс. — Я так надеялась.

— Это стоит достаточно прилично.

— Я приглашаю вас, — почти прокричала мисс Хоукинс, понимая, что проиграла, ведь дневник приказал наслаждаться ей самой.

— Я подумаю, — все еще не соглашался он, хотя на самом деле уже принял решение.

Она поежилась. Хотелось слиться с той юной девушкой из фильма и уйти вместе с ней по ту сторону экрана: разве можно найти хоть что-нибудь ободряющее в создавшейся ситуации? Брайан соглашался принять ее в качестве покорного раба, она понимала это. Непривлекательная роль. Подсознательно она привыкла повиноваться и даже нуждалась в подчинении, так было всегда. Когда вышла на пенсию, дневник заменил ей

фабричное начальство. Ну что ж, Брайан станет ее вторым повелителем. Ну что ж, она примет его правила игры, он будет ее человеком-хозяином. Она может служить двум господам. И ей уже не казалось унизительным заплатить за его чай. Она находила даже удовольствие в том, чтобы оплатить эту и последующие его прихоти. Это была разновидность проституции, что будоражило воображение, вызывая одновременно отвращение и странное удовольствие. Быстро подвела баланс недельного бюджета, чтобы понять, сколько может позволить себе потратить на его удовольствия. Билеты на автобус, посещение кафе и выставок — вполне реальны, но она не знает, как далеко зайдут его желания. Наверное, его не удовлетворит, как и ее саму, рассматривание витрин магазинов или сравнивание цен. Тем не менее мисс Хоукинс была полна сил и готова к приказаниям. Она стремилась начать новую жизнь, в которой будет все оплачивать, и это уже ее не огорчало. Даже пришла к выводу, что право и обязанность платить дают ощущение гораздо большей силы. Мысли Брайана, сообразно его логике, имели противоположное направление, и, с его точки зрения, все складывалось тоже вполне сносно.

Все стало теперь совершенно ясно. Мисс Хоукинс вернулась к просмотру фильма, успокоенный Брайан сделал то же. До конца фильма они наслаждались: каждый своим придуманным образом.

Брайан сам выбрал кафе. По стилю оно было продолжением только что просмотренного фильма и представляло собой большую чайную комнату, обитую красным плюшем с цветочным орнаментом. В центре плескался маленький фонтан в виде рыбы. В глубине, почти закрытый живыми растениями, играл небольшой цыганский оркестр. Их столик утопал в зелени стоявших вокруг цветущих деревьев. Мисс Хоукинс никогда раньше не бывала в столь изысканных местах. Неужели Брайан — завсегдатай этого кафе? Сбитая с толку непривычной роскошью, она и представления не имела, во что обойдется его сегодняшнее удовольствие. Наверняка здесь дороже, чем в «Бронзовом кофейнике». Но сила возрастает пропорционально вложениям, и к тому же она не хотела подозревать Брайана в преднамеренной проверке ее возможностей. Успокаивала себя тем, что у нее есть почти пять фунтов и этой суммы, конечно, хватит. На следующей неделе придется, конечно, экономить — еще

и потому, что потратилась на непредвиденную покупку шерсти. До этого она ухитрялась жить на пенсию, но теперь необходимо будет считаться с растущей инфляцией. На экстренный случай у нее имелись небольшие сбережения в банке. Так было еще вчера. Сегодняшнее кино и кафе и все последующие расходы на Брайана она решила рассматривать как вклад в будущее замужество. В этом случае любые затраты оправданны. Надеялась только, что Брайан уступит раньше, чем она разорится.

Официант предложил каждому меню — большую яркую папку, украшенную желтыми розами, под стать обстановке кафе. Меню могло удовлетворить самый изысканный вкус. Цены были соответствующими роскоши обстановки и кулинарному мастерству шеф-повара — ошеломляющими. Центральная чайная роза предлагала стандартный чайный набор, здесь был и валлийский гренок за дополнительную плату в шестьдесят пенсов. Мисс Хоукинс тут же подсчитала, что заказать набор дешевле, чем каждое блюдо отдельно. Радостно показала Брайану его любимый гренок в меню.

— Да, — согласился он. Он возьмет гренок, а она может насладиться тортом из положенного ему

набора. Надо же уметь жертвовать мелочами, если рассчитываешь получить больше. Его устраивали их партнерские отношения.

Несколько пар кружились у фонтана, дирижер ходил между столиками, безуспешно призывая своей палочкой заказывать мелодии. Мисс Хоукинс молилась, чтобы он прошел мимо них не останавливаясь. Но, как нарочно, музыкант увидел в них потенциальных кандидатов на танец и подошел к ним. Мисс Хоукинс хотелось танцевать, но это уже слишком — она не согласится. Не может же она оплачивать еще и танцы. Пусть Брайан решает. Брайан молчал.

— Прекрасный фильм, — сказала мисс Хоукинс, чтобы прервать долгую неприятную тишину.

— Мне понравился пожилой джентльмен.

— Немного тиран, не правда ли?

— Я так не думаю. Все, чего он требует, — уважение. В этом нет никакого деспотизма.

— Но молодые добиваются своего в конце, — ликовала мисс Хоукинс.

— Но ведь и он не проиграл, верно? В этой картине победило уважение. — Брайан и сам удивился своему неожиданному открытию.

— Вы считаете, это был рассказ об уважении?

— Да… Земля стала бы более счастливым ме-

стом, будь его больше.

Потом после короткой паузы он бросил важно и надменно:

— Мне не нужны те, кто не уважает меня.

— О, я уважаю вас, — подтвердила свою готовность служить мисс Хоукинс. — Я действительно уважаю вас. Я сделаю все для вас, Брайан.

Ей казалось, что она слышит сейчас, как рушится свитое ею за долгие годы гнездышко, но все же смогла взять себя в руки и улыбнуться. Точно знала, чего он ждет от нее. Он аккуратно положил на стол свое меню.

Они сделали заказ. Два стандартных чая плюс экстра — валлийский гренок. Брайан был более чем удовлетворен. Он нашел в мисс Хоукинс покорного и добровольного раба, готового оплачивать все его прихоти, это сулило море удовольствий и давало ему наконец желанную возможность почувствовать себя хозяином жизни. На службе, как и дома, он всегда был в подчинении у кого-то. Но с него достаточно. Несмотря на то что платит не он, он заказывает сегодня музыку. Он поймал полный обожания, собачий взгляд мисс Хоукинс — это добавило ему превосходства над ней. Бывает, случаются резкие, непредвиденные перевороты и низкий, презирае-

мый всеми слабак превращается в безжалостного тирана. Как правило, чем слабее он был раньше, тем страшнее он становится потом. С Брайаном происходило нечто подобное, и сейчас для подтверждения своего полного и безоговорочного превращения в супермена ему необходимо было продемонстрировать себе и всем окружающим свою жестокость и безжалостность.

Он оглядел кафе. Его взгляд остановился на одиноко сидевшей за угловым столиком женщине, она не спеша пила чай.

— Ну что ж, время потанцевать.

Он поднялся. Мисс Хоукинс не знала, что делать. Она не думала, что он вообще танцует, кроме того, трудно было поверить, что он вдруг сам принял такое решение. Заерзала на стуле и уже стала привставать.

— Извините, — сказал Брайан и ушел к той женщине в углу. Мисс Хоукинс застыла в странной позе, совершенно ошеломленная его поведением. Ее челюсти сжимала ярость — он приглашал даму на танец. Ухватилась за подлокотники кресла и села. Видела, как Брайан ведет свою спутницу к танцевальному кругу, как его рука обнимает ее талию и он кружит ее в танце.

Скрестила ноги и сжала их до боли в щиколот-

ках. Всем сердцем захотела, чтобы ее вязание было под рукой. В голове не укладывалось то, что он только что сделал, и сделал преднамеренно и обдуманно. Зачем? Вдруг музыка смолкла на полутакте, и он оставил свою недавнюю партнершу стоять одну в танцевальном круге. Он возвращался к ней.

Брайан подошел к столику и сел в свое кресло, как будто ничего и не произошло.

— У меня разыгрался аппетит, — сказал он, когда официант поставил перед ним тарелку с валлийским гренком.

Мисс Хоукинс была слишком обессилена, чтобы возмущаться. Когда разжала стиснутые щиколотки, то вдруг почувствовала на колене прикосновение. Приподняла скатерть — на ее колене лежала его рука. Это было за пределами ее понимания. Еще не успев закончить с одной выходкой, он уже устраивает другую. Но постижение его логики не было для нее главной проблемой. Прежде всего она не знала, как быть с захлестнувшими ее чувствами. Непривычные физические ощущения пугали и в то же время наполняли ее неведомой до сей поры радостью: «Ведь я наслаждаюсь». Она не могла не признать это. И даже если сейчас, в эту самую секунду, он

уберет свою руку, она уже имеет полное право отметить приказ дневника красной галочкой.

Когда Брайан решил, что мисс Хоукинс вполне насладилась, он поспешил воспользоваться своей рукой для собственного удовольствия — приступил к валлийскому гренку. Она все еще чувствовала его горячее прикосновение и была уверена, что под чулками теперь останется след копыт дьявола. Щеки пылали. Отвернулась, чтобы скрыть смятение. Брайан был поглощен гренком, однако не без удовлетворения заметил, что доставил ей удовольствие.

— Вам понравилось?

— Повторите это снова, Брайан, — сказала она, не отрывая глаз от скатерти.

— Это было в качестве примера.

Он смотрел ей прямо в глаза, пытаясь уловить реакцию. Прерывистое дыхание ее выдавало: было понятно, что сделанное им предложение принято. Потом они сидели молча. В ее голове кружилось множество вопросов, один каверзнее другого. Ответы там тоже были, но не для ушей. И только тишина могла вынести их безмолвный и неслышный диалог. Мисс Хоукинс напряженно думала, усилием воли пытаясь сосредоточиться. Если она будет оплачивать свои удовольствия,

что недвусмысленно предложил Брайан, то, наверное, можно считать эти радости чистыми. Она была твердо убеждена, что просто так ничего нельзя получить и бесплатные удовольствия являются фактически украденными, замешанными на грехе, — их следует стыдиться. Удовольствия же, заработанные и оплаченные сполна, никак нельзя отнести к греховным. В предстоявшей сделке удовольствия превращались в нечто виртуальное и неосязаемое. Бесплатное счастье, как найденная на дороге контрамарка, казалось ей абсолютно аморальным. А ей, как истинной христианке, надлежало платить по счетам за все блага.

Когда официант принес счет Брайану, тот без тени смущения протянул бумажку ей через стол.

— Я получил огромное удовольствие, — сказал он, подтверждая, что ее траты не будут напрасны.

Она отважно посмотрела на счет, силясь не выказать охватившего ее ужаса от сокрушительного итога: того, что осталось от пяти фунтов, едва хватало. Быстро убрала дьявольский счет на колени, чтобы скрыть свое потрясение. Положила требуемую сумму на тарелку и прикрыла деньги счетом. На чаевые уже не осталось ничего,

поэтому мисс Хоукинс торопилась уйти до возвращения официанта. Встала из-за стола, Брайан встал тоже. На улице он взял ее за руку.

— Мне хотелось бы увидеть вас снова.

— А как же ваша мама?

— Я как-нибудь устрою, — ответил он задиристо. — До следующей пятницы?

Она не сразу ответила. Подсчитывала, что у нее останется от пенсии.

— Я приготовлю кое-что для вас…

— Что?

— Что-то вроде меню. — Он рассмеялся. — Как в кафе. Меню будет красивым. Может, тоже украшу его розами. Я неплохой художник.

— И что же будет в этом меню?

Они подошли к автобусной остановке. Он не ответил и пошел в конец очереди.

— Что же там будет?

Он наклонился к ее уху.

— Там будет то, что, я знаю, нравится вам, — прошептал он.

Его горячее дыхание обожгло ее, она тряхнула головой, потрясенная такой интимностью.

— Там будут разные блюда. Большие и маленькие.

— И сколько они будут стоить? — Он должен

понимать, что она не хочет получать что-то просто так, из милости.

— Это всего лишь игра, — успокоил Брайан. — Это вам решать. Своего рода накопительная программа.

— Для чего? — проговорила она чуть веселее и беспечнее: ее умершие надежды возрождались.

— Трудно сказать. Конечно, если только вы вообще хотите играть в такие игры, — добавил он уверенным, проникновенным голосом.

— А вы раньше уже играли в такие игры? — Она надеялась, что этот вопрос не обидит его подозрениями.

— Конечно нет, — ответил он правдиво. — Мы оба начинающие, и мы должны учиться друг у друга.

— Как же вы узнаете цены?

— Ну, мы просто начнем с малого — скажем, с пяти пенсов. Потом постепенно будем двигаться вперед. О, это будет занимательно.

Она увидела приближавшийся автобус. Он нагнулся и чмокнул ее в ухо. Мисс Хоукинс чуть не потеряла сознание.

— Вот и второй бесплатный пример. — Он рассмеялся. — Сегодня — первый день.

Она была рада, когда подошел его автобус.

Прислонилась к фонарному столбу и смотрела, как Брайан поднимается по ступенькам. Потом помахала ему рукой. Автобус скрылся вдали, а она все стояла у столба, не в силах двинуться с места. Как только пришла домой, опустилась в кресло, не снимая пальто. Снова и снова прокручивала в голове все его сегодняшние выходки. Детальный разбор всех подробностей сегодняшнего дня не уменьшил навалившейся усталости, которая была так сильна, что не давала ей даже порадоваться выполненному приказу дневника. Немного отдохнула, припоминая все события этого вечера. Сконцентрировалась на своем плачевном материальном положении, и это сняло приступ бессилия. Открыла дневник и громко вслух прочла приказы. Она выполнила все досконально, и, чтобы подчеркнуть свое послушание и точность, она нарисовала у каждого предложения по две красные галочки. Вспомнила о Брайане и представила его с кистью в руке, рисующим орнамент из роз, из-за лепестков которых выглядывают циферки цен. Улыбнулась. Пора было заняться делами.

Взяла лист бумаги и разделила его на две колонки, наверху написала «Доход» и «Расход». Ее пенсия покрывала только необходимые расходы

на жизнь и квартплату. «Накопления» написала напротив «Удовольствий», но не была уверена, будет ли их достаточно. Ее желания с жадностью требовали все больших расходов, но пока она не знала, как их удовлетворить и что для этого нужно. Подозревала, правда, что траты на удовольствия могут превысить реальный доход. Теперь она не была так уж уверена в том, что накопления должны быть неприкосновенны. В завещании был указан приют, но лишь потому, что приют был для нее ближайшим и единственным родственником и знакомым. Сейчас такое распоряжение казалось ей неразумным: зачем завещать все серой тюрьме, о которой она может думать только благодаря «вязальной терапии». Ей не терпелось пуститься в расточительную, разгульную жизнь. Но для начала нужно определить, какие услуги Брайана она готова оплачивать. Сначала все было понятно. Но постепенно, шаг за шагом, деталь за деталью, по мере того как возбуждение ее нарастало, она начинала стыдиться своих мыслей. Мечты ее были так порочны, что не могли быть произнесены вслух, нельзя их было доверить и бумаге. Схватила спицы и принялась вязать, чтобы немного успокоиться. До пятницы оставалось целых пять

дней. Основную часть времени она проведет за «вязальной терапией», и дневник даст ей кратковременную передышку. Эта мысль обрадовала ее. В последнее время дневник стал незаменимым участником ее жизни. Ощущение его абсолютной власти раздражало. Она боялась потерять остатки независимости. Но уже решено: на этой неделе она будет жить, как захочет сама, и дневнику придется попридержать свой опасный язык. Как ни странно, но мисс Хоукинс скучала теперь по своему еще недавно ненавистному одиночеству. Моурис тоже не придет этим вечером и останется повернутым к стене. Она проведет эти дни сама с собой, в ожидании неведомого и, возможно, рискованного будущего.

Глава 7

Миссис Воттс замечала явные перемены в сыне и не была уверена в том, что ей это нравится. За последние несколько дней она не услышала от него ни слова протеста, даже прежней раздражительности не было в голосе. Он выполнял свои обязанности без упреков, с достоинством. И хотя, казалось бы, эти изменения были к лучшему, в его манерах появилось что-то нервировавшее ее.

Ее не интересовали причины внезапной покорности — это его дело, — происходившее с ним ее не волновало. Миссис Воттс заботило только то, что могло ухудшить условия ее существования. Она никогда не любила своего сына. Он появился не вовремя и некстати. Из-за него ей пришлось выйти замуж, и она так никогда и не смогла простить ему того безрадостного для обеих сторон союза, в который ей пришлось вступить. Но все же, когда Брайан только родился, она верила, что они втроем смогут как-то устроить свою жизнь. Она никогда не питала иллюзий по поводу своей жизни в роли жены и матери. Одновременно оба эти титула она носила всего два коротких месяца. Как-то вечером, когда она кормила сына, мистер Воттс, которого явно не очень радовало обретенное им семейное счастье, собрал чемоданы и ушел. Он оставил записку на ночном столике на случай, если она решит искать его. Когда миссис Воттс, закончив кормление, позвала дражайшую половину, ответа не последовало. Она предположила три варианта. Первый — он не ответил, потому что злился на нее. Второй — он улизнул в ближайший паб пропустить с дружками кружечку пива. И наконец, третий — он просто умер. По правде говоря, она предпочла бы третий.

Вышла в прихожую. Заметила, что пальто, как и его хозяин, бесследно исчезло с вешалки. И это, к сожалению, больше походило на второй вариант — побег за пивом. Она несла ребенка в детскую кроватку, стоявшую рядом с ее кроватью, когда заметила записку, и в то же мгновение инстинктивно поняла, что ее замужество кончилось. Читать было страшновато, но она прочла: «Я ушел навсегда. Выносить это больше не могу». Миссис Воттс была не столь самонадеянна, чтобы предположить, будто «это», что он не в силах больше выносить, относится к ней. Без всяких сомнений, «это» был Брайан. Бросила ребенка в кроватку. Малыш, подчиняясь какому-то неведомому, волшебному инстинкту самосохранения, не издал ни единого звука протеста, иначе она заставила бы его замолчать навсегда. Она захлебывалась от негодования. Еще несколько минут назад она видела себя респектабельной вдовой, живущей на страховку, предусмотрительно оформленную по ее настоянию в день свадьбы. Теперь в статусе миссис Воттс не осталось и толики благородства. Она была униженной и брошенной. Сидела в тишине и с отвращением смотрела на испуганный комок в кроватке. Брайан поймал ее взгляд и в ответ одарил ее и весь мир своей первой в жизни

улыбкой: он умолял о жизни. Ее сердце смягчилось, смягчилось настолько, что рука не смогла подняться на этот жалкий сверточек. Это было первое и последнее проявление материнской нежности к нему. Потом она постоянно мучилась с ним: страдала от противных мокрых пеленок, резавшихся зубов, нескончаемых детских болезней. Чувство горечи и недовольства жило вместе с ними все его детство и юность. Она готова была отделаться от него любым способом.

Так продолжалось до тех пор, пока его независимость не стала угрожать ей. Тогда-то она и решила оставить его для себя. Он разрушил ее жизнь. И теперь, нравится ему или нет, он заплатит за все: сначала будет жить рядом с ней, а потом станет ее сиделкой и слугой. Были моменты, когда казалось, что он вот-вот покинет ее. Армия была самым опасным ее соперником, но вовремя случавшиеся с нею непритворные приступы оставили Брайана в ее руках. После окончания войны она устроила его на работу ассистентом-продавцом в художественный магазин. Магазин находился недалеко от дома, и, значит, он по-прежнему готовил ей ланч. Брайан ничего не смыслил в маркетинге, но давно увлекался рисованием. Он так и служил там до пенсии

ассистентом-продавцом. За это время многие молодые, пришедшие в магазин позже, обошли его по службе. По ее мнению, он зарабатывал достаточно для них двоих, и потому только он сам был причиной своей злости и недовольства. Дважды безоблачная старость миссис Воттс оказывалась под угрозой появления невестки, но каждый раз ее удачно и как будто невпопад рассказанные истории о неприглядных недостатках сына спасали положение. Последней претенденткой на роль невестки была властная леди Ален; ее не остановили рассказы об эгоизме и жестокости Брайана. Но сопротивление железной леди было сломлено раз и навсегда сообщением миссис Воттс о гомосексуальных наклонностях сына, хотя она даже не знала самого этого слова. Читала в каких-то книгах, что некоторые мужчины развлекаются с другими мужчинами. Она ни секунды не верила в вероятность существования этих грязных отношений, но это здорово сработало. Непробиваемая Ален была готова мириться со многими недостатками и терпеть лишения ради создания настоящей семьи, но, услышав эту новость, она сразу оставила все попытки и исчезла навсегда.

С той поры Брайан время от времени слабо протестовал. Постепенно его выпады участились

и набрали силу. Теперь он редко улыбался, а ей никогда — спасшее его когда-то от смерти оружие давно было забыто и вышло из употребления. Все последние годы он выполнял свои обязанности с раздражением и молчаливым отвращением. Но это не трогало миссис Воттс. Так устроены все мужчины, и поведение сына ее ничуть не удивляло. Однако за последние дни все изменилось. Она уже несколько раз замечала беспричинную улыбку на его лице — это было плохим знаком. Миссис Воттс предпочитала мрачное, непримиримое сражение подозрительному фальшивому миру. Улыбка означала, что он что-то замышляет, и страшнее всего, что в скрываемых от нее планах ей наверняка не было места. Она зорко следила за ним из своего угла, притворяясь, что читает книгу. Брайан что-то писал на большом листе чертежной бумаги, облизывая губы и улыбаясь. Неожиданно она почувствовала, что больше не может выносить неизвестность и его полную отстраненность. Прокричала ему, что хочет чая, хотя вовсе не хотела этого. Он тут же встал и прикрыл секретный лист промокательной бумагой. Теперь она была точно уверена, что он скрывает от нее что-то и ей необходимо раскрыть очередной заговор. Услышала, как он открыл кран на

кухне, и собиралась было броситься к его столу. Нужно было успеть добежать до стола и вернуться, чтобы он застал ее с книжкой на обычном месте. Вовремя вспомнила, что бегун она теперь никудышный, к тому же ее пугала реальная опасность впопыхах переломать свои хрупкие старые кости. Это значило дать ему серьезный повод избавиться от нее. Иногда, в самые черные моменты, он угрожал ей этим:

— Дом на Закате ждет тебя.

Устрашающая перспектива. Она слышала об этом доме для престарелых от соседки сверху, которая определила туда свою мать. Теперь старая вдова снизу собиралась туда же. Миссис Воттс оставалась последней на вычищенных от старья этажах, позоря молодой дом своей дряхлостью и недержанием. Она не хотела отправляться в Дом на Закате. Нет. Она не желала сидеть взаперти в курятнике с дюжиной вонючих старух, не контролирующих себя, и ждать редких посетителей, не чаявших поскорее сбежать из этого смрада. Временами ее посещали мечты о доме для господ преклонного возраста «Петунья» — это было фешенебельное место, она читала о нем в воскресной газете. Живо представила себе, как там все устроено — почти как в шикарном отеле:

толстые ковры, устилающие каждый сантиметр пола, своя ванная в двух шагах от кровати. Еду приносят по твоему звонку, и цветной телевизор к твоим услугам. Ей бы там понравилось. Ради того чтобы оказаться в такой роскоши, она готова уйти с пути сына. Но «Петунья» — заведение для богатых и поэтому навсегда останется только несбыточной мечтой.

— Поторопись с чаем, — прокричала она от безысходности и плюнула с отвращением на потертый ковер.

Брайан вернулся с чайным подносом в руках. Поставил его на стол и тут же проверил, не сдвинут ли секретный лист под промокательной бумагой. От него веяло глубокой враждебностью и воинственностью, и миссис Воттс была рада, что решила пока не вмешиваться в его дела. Он опять улыбался. Надолго ли хватит ее терпения, чтобы выносить эту пытку? Она вздохнула, вспомнив о «Петунье», и все-таки не смогла утерпеть:

— Чему ты улыбаешься?

— А ты все должна знать?

Его слова, казалось, обещали новую ссору и перепалку, но, говоря это, он продолжал улыбаться. Было ясно, что он не выдаст себя.

— Ты что-то замышляешь против меня. Ты пи-

шешь письмо в Дом на Закате. Ты запрашиваешь сведения о свободных местах.

Он поднял свой лист и показал ей. С ее места ничего нельзя было прочесть. Однако написанное не было похоже на письмо.

— Разве это похоже на письмо? — спросил он, все еще улыбаясь.

Как она сожалела сейчас, что не придушила его давным-давно в детской кроватке.

— Это список вещей, которые я должна взять с собой. — Ей было необходимо переломить слишком благодушную обстановку. — Мне не понадобится много в Доме на Закате. Они выдают там даже ночные сорочки. Из простой белой фланели. И простые тапочки, и желтое простое мыло. Я слышала об этом. Но я не пойду, я не собираюсь, — уже кричала она. — Я вызову полицию!

Он наконец перестал улыбаться. Это немного успокоило ее.

— Кто сказал тебе о Доме на Закате?

— Но ведь никакого другого нет. — Она продолжала ворчать. Но после некоторой паузы прибавила: — Кроме дома «Петунья».

Она посмотрела на него — хитрая улыбка пробежала по его лицу. Эта улыбка была адресована ей.

— Тебе, правда, придется ограбить банк, — подытожила она и улыбнулась такой же хитрой улыбкой. Она понимала сейчас, что где-то глубоко, под толстой неподатливой кожей, они очень похожи и на самом деле крепко связаны друг с другом, и вместе противостоят армии молодых соседей, осаждавшей их сверху и снизу.

Брайан налил ей чаю.

— Я подумал, не устроиться ли мне на почасовую работу. Мне сказали, что детской библиотеке требуется сотрудник на послеобеденные часы. Три раза в неделю.

— Но нам вполне хватает и того, что есть, — защищалась она.

— Мне хотелось бы выходить куда-то ненадолго. Ты могла бы оставаться одна несколько часов.

Сейчас она была не в силах больше препираться, потом еще будет время выказать ему свое возмущение.

— А что я получу с этого? — спросила она дружелюбно.

— Мое счастье.

Он и сам был удивлен, что произносит вслух такие мысли. Мать была застигнута врасплох таким ответом, поскольку его счастье никогда не

было предметом ее размышлений и забот. Она старалась увязать это новое обстоятельство со своей жизнью, но не находила ничего общего между ними.

— Ну, ты хотя бы будешь приносить мне шоколадки?

— Тогда все в порядке?

— Ты уверен, что это работа?

— Я буду зарабатывать и смогу даже немного откладывать.

— Для чего?

Он снова улыбнулся, на этот раз самому себе.

— Никогда не знаешь точно, для чего.

Он был рад, что так ловко устроился с часами работы, ему не терпелось вернуться к своему меню, которое и было основой его будущего благосостояния. Он сел за стол и опять стал просматривать услуги, перечисленные в списке.

Пока еще цены не были проставлены, но все услуги шли по нарастанию приятного возбуждения от разыгравшегося, лишенного практического опыта воображения. Итак, держать руку мисс Хоукинс — услуга первая и, очевидно, самая дешевая. Брайан прикинул, что за это удовольствие можно попросить не более двух пенсов, но и не менее: нельзя же недооценивать себя.

Следующий пункт предполагал уже удовольствия для двух рук, что по логике должно было автоматически удваивать стоимость услуги, но он побаивался такого стремительного набора оборотов. Ведь дальше в меню должны были появиться более привлекательные пункты, так что стоимость самых дорогих и соблазнительных услуг, завершавших список, выросла бы до астрономической. Напротив двух рук написал — три пенса. Он надеялся, что мисс Хоукинс и сама уловит в этом искусственное занижение цены. Эти два блюда художник украсил лепестками желтых роз. Зеленый листочек, завершавший снизу эту композицию, означал переход к следующей группе более искусных услуг, предоставляемых по более высоким ценам. Удовольствия этой категории меню предназначались для частей тела, чаще всего скрытых от посторонних глаз. Далее по списку следовали: поглаживание локтя, шеи, щиколотки и коленей.

Эти пункты он украсил нераскрывшимися розовыми бутонами, намекая на их буйное цветение в следующем разделе. Эта третья и завершающая категория услуг, по его замыслу, должна была стать самой многообещающей, поэтому ее будут обрамлять коричневые стебли роз с колючими

шипами. Он еще не вполне определился с названиями пунктов: требовались время и вся его изобретательность, чтобы найти нужные слова и подходящие образы, и только потом можно было определиться с ценой.

Пока что Брайан сооружал рамку из шипов. Шипы символизировали боль, но боль, подслащенную кое-где разбросанными буйно цветущими желтыми розами. На каждом из лепестков поблескивала капелька росы. Непонятно почему, но эта маленькая росинка казалась ему очень удачно найденным и уместным дополнением к общей композиции. Пока мистер Воттс был занят подготовкой своего меню удовольствий, миссис Воттс одолевали бесконечные сомнения и подозрения по поводу его новой работы. Все, что ее ожидало, — это новые неудобства и одиночество. Единственным плюсом его продолжительного отсутствия будет возможность хорошенько порыться в его бумагах и раскрыть его коварные планы относительно ее дальнейшей судьбы. Несмотря на все заверения сына, угроза Дома на Закате все еще висела над ней страшной тенью.

— Когда ты собираешься начать работать? — Ей не терпелось поскорее приступить к расследованию.

— В следующую пятницу.

Вполне обнадеживающе.

— Наверное, начну с часа или что-то вроде того.

Он собирался встретиться с мисс Хоукинс, как договорились, и предложить ей список услуг. Скорее всего она возьмет меню домой, для того чтобы внимательно изучить его. Ему не хотелось присутствовать при чтении предлагаемых услуг и быть свидетелем ее первой реакции — это наверняка смутит его. Следующую встречу можно назначить на вечер понедельника. Будет неплохо, если она позовет его к себе домой, ведь все пункты, кроме первой категории, определенно не для прогулок на открытом воздухе. Брайан надеялся, что к пятнице список услуг будет готов для ознакомления. Его работу осложняло постоянное присутствие матери: под ее неусыпным оком было трудно сосредоточиться и раскрепоститься, к тому же ее подслушивание и подглядывание превращало его зарождавшийся бизнес в список непристойностей. Он решил всегда держать меню при себе, никогда не оставлять его дома и не делать копий. Скорее всего оригинал он отдаст мисс Хоукинс, и она будет его хранить. Если ей захочется, сделает рамку и повесит над камином,

чтобы предлагаемые удовольствия всегда были перед глазами.

Он чувствовал, что мать внимательно следит за ним и его непонятная, счастливая улыбка ей не нравится. Ее внезапный крик, полный злорадного триумфа, ничуть не удивил его.

— Я мокрая!!!

Устало он подошел к креслу и помог ей добраться до ванной. Взял на кухне тряпку и занялся полом. Иногда ему казалось, что она это делает нарочно. Пока вытирал лужу, отвернувшись от невыносимого запаха, опять подумал о том, что всегда приходило в голову во время этого занятия: сколько все это может продолжаться и когда же он сможет пристойно отправить ее в дом престарелых? Пристойным в его понимании было бы состояние полной амнезии, когда она не могла бы определить, где и как живет. Поэтому ему скорее всего придется ждать ее полного слабоумия. Он хотел, чтобы ее физическое тело было здорово до тех пор, пока она жива, а разум превратился бы в разум невинного младенца, не способного испытывать боль унижения. Он ждал времени, когда она не будет узнавать его. Это случится однажды утром. Он принесет ей чашку утреннего чая, а она просто не вспомнит

его имени. Как часто мечтал он об этом! И тогда он без зазрения совести оденет ее с бесконечной нежностью и заботой и отвезет в Дом на Закате. И она никогда не узнает, кто выкинул ее из дому.

Он станет навещать ее каждую неделю, и его не будет обижать то, что мать не узнает сына. Но он не мог решиться проделать это, пока она была полна сил и в твердой памяти. Каждый день он прислушивался к ней, надеясь заметить хотя бы первые, незначительные признаки появления нелогичной, бессвязной болтовни. Да, он слышал, нельзя надеяться на непременное наступление старческого слабоумия. Некоторые люди, дожившие до девяноста лет, вовсе не хотели умирать и, уходя, проклинали презренный мир, который все еще должен был им жизнь. Сейчас Брайан слышал, как она медленно двигалась в ванной, натягивая чулки. Его раздражала ее невероятная осторожность, и он начинал сомневаться, положено ли ей вообще продолжать никчемное существование. Эти мысли были очень болезненны и совершенно бесполезны. Он быстро отнес тряпку на кухню и бросил под струю холодной воды. В следующий раз, говорил себе Брайан, в следующий раз он выяснит все по поводу содержания постояльцев, больных энуре-

зом, в роскошном доме престарелых «Петунья». Послышались шаги матери, и он помог ей опять устроиться в кресле.

— Не делай этого больше.

Он каждый раз повторял одно и то же после очередной лужи, хотя понимал всю бессмысленность увещеваний. Самое отвратительное заключалось в том, что мать не контролировала себя.

— Но ты ведь не отправишь меня, нет? — Она побаивалась немного, но ни намека на проявление дряхлости и маразма. Наоборот, спрашивая это каждый раз, она показывала, что точно осведомлена обо всех его потаенных мыслях и желаниях.

— Конечно же нет, — ответил он, как всегда. Но это «нет» относилось только к сегодняшнему дню и не предполагало долгосрочного обещания навеки.

— Интересно, сколько стоит содержание в «Петунье»?

— Я думал, ты хочешь жить дома.

— Но жить в «Петунье» — это не значит быть выкинутой из дому. Это как будто постоянно жить в шикарном отеле.

— Откуда ты знаешь? Ты же никогда не жила в гостинице.

— Я видела по телевизору.

— Ты не будешь скучать по мне?

— Но ты ведь будешь навещать меня. А я разрешу тебе понежиться в моей роскошной личной ванне.

— Да… Забудь об этом. Это слишком дорого.

— Но ты же получил работу.

Он не сразу ответил. Ему нужно было время, чтобы переварить только что услышанное. И заодно запомнить навсегда, что ей первой в голову пришла эта идея. Раньше он не задумывался, как следует распорядиться доходами, пусть небольшими, от продажи своих не совсем пристойных услуг. Этого хватило бы, наверное, на покупку лишней рубашки или плитки шоколада для матери. Вот, пожалуй, и все, на что он рассчитывал. Но мать, не осведомленная в истинном, грязном характере будущего занятия сына, подталкивала его к мысли превратить это в бизнес. В самом деле, ведь мисс Хоукинс не единственная на свете! Их, ищущих дам, огромное множество, только надо правильно расставить капканы. Стоит чаще посещать людные места. Он подготовит несколько экземпляров меню, каждый со своим основным мотивом в оформлении, и раскинет свои невидимые сети, не выдавая себя.

Даже по предварительным, весьма ориентировочным прикидкам, имея примерно шесть платежеспособных клиенток, он смог бы держать мать в «Петунье» до конца ее дней. И он навсегда запомнит, что именно она первая заронила в его сознание эту идею. Можно было только изумляться ясности и изворотливости ее ума, не дряхлевшего в давно увядшем теле.

— Ну, ни на что нельзя полагаться.

Брайан решил разузнать о ценах в «Петунье». Может быть, комнаты без ванной значительно дешевле. Он почти не надеялся на это. И потом, в первую очередь всегда следовало учитывать потребности и возможности несчастного тела матери независимо от того, где она находилась. Мысли о будущем бизнесе возбуждали Брайана. Очевидно, придется тяжело и изнурительно работать, и он должен будет воспользоваться своими скрытыми ресурсами. И наверное, тогда он добьется наконец уважения, в котором всю жизнь ему отказывалось. И все это он будет делать и ради своей матери тоже. Осознание того, что он приносит себя в жертву ради матери, смывало с будущего занятия налет греховности и порочности. Это оказывалось лишь выполнением его сыновнего долга, и не более того. Он думал о мисс

Хоукинс с нежностью. Ни одна из его будущих клиенток не должна знать о существовании других. Он разделит время между ними соответственно их аппетитам и кошелькам. Мисс Хоукинс будет всегда занимать особенное место в его сердце, как первый и преданный покупатель. Он едва мог дождаться пятницы, чтобы открыть свой магазин.

Пока было много работы. Его бизнес требовал предельной осторожности и скрупулезности. Надо было найти клиенток и каждую обработать. Недалеко от дома, в городском собрании, находилась библиотека граммофонных записей. Одинокие женщины наверняка любили музыку, так же как книги и кошек. Это было неплохим местом для охоты.

— Я пойду немного прогуляюсь.

— Куда?

— В парк или еще куда-нибудь. Подышу свежим воздухом.

Она надеялась, что он оставит свои листы на столе, но он свернул их и забрал.

— Я ненадолго, — сказал он и вышел, прежде чем она успела что-либо ответить.

Она закипала от гнева и топала ногами, как истеричный ребенок.

— Ты что-то замышляешь против меня! — прокричала она ему вслед. В его отсутствие она собиралась выпустить свой гнев наружу, и наверняка Брайана будет ждать жуткий беспорядок.

Глава 8

К пятнице шарф мисс Хоукинс прилично вырос и представлял собой приблизительно метр разноцветных полос. Ее ярость сначала потребовала зеленого, но постепенно ослабла, и кричащий зеленый растворился в бледно-голубом, потом осветился желтым и окончательно утих в умиротворенном белом. Мисс Хоукинс была в согласии с собой. Безразличие к тому, что ее ожидает, окончательно притупило остроту возбуждения и положило конец полной фантазий игре воображения, имевшей очень мало общего с действительностью. Ее голова совершенно прояснилась, и мисс Хоукинс была готова к новым испытаниям. Моурис уже опять смотрел на нее со своего обычного места и ждал обеда, чтобы выслушать и обсудить все подробности предложенного Брайаном меню. Дневник ждал тоже. Она пролистнула несколько страниц. Со времени последней встречи с Брайаном все страницы

дневника, заполнявшиеся в конце каждого дня короткими и ясными записями, представляли собой просто список выполненных действий: вставала, завтракала, обедала, читала, вязала, убирала квартиру и смотрела телевизор. Таким скучным дневником могла бы гордиться прилежная школьница. От этих записей мисс Хоукинс клонило в сон, и она решила вернуться к началу дневника: записи первых дней приводили ее в смущение. Как же она изменилась за эти короткие несколько месяцев, с момента выхода на пенсию! Она едва узнавала в себе ту робкую, неуверенную душу, жившую строго по распорядку, где главными событиями дня были подъем и прием пищи точно по графику. Ничего другого, казалось, она не знала и не умела. Невосполнимые, ужасные пробелы и потери. Конечно, теперь она стала другой и горевала об упущенном времени, но более всего ее удручало полное отсутствие личной жизни, ведь она всегда только слепо и четко выполняла возложенные на нее обязанности без малейшего намека на собственную инициативу. Если бы в детстве она была хоть наполовину так отважна, как сейчас, то наверняка сумела бы освободиться из приютской тюрьмы. Эти мысли возвращали ее к спицам, но она уже

так научилась управлять своими эмоциями, что ей хватало одного ряда спокойного белого цвета лицевыми петлями, чтобы погасить ярость. Отложила вязание и задумалась над тем, что ей сегодня прикажет дневник. Все предыдущие дни она наслаждалась свободой от сложных приказаний, но прекрасно знала, что в конце концов такая свобода превратится в серую будничность опостылевшего ей существования. Это было нормой всей ее прошлой жизни — серой, скучной и спокойной, без резких толчков и поворотов. Теперь такое бывало редко, поэтому периоды покоя и одиночества стали для нее желанным отдыхом и лишь короткой передышкой. Сегодня ей пора было возвращаться к настоящей жизни. Но какие приказы последуют от повелителя? Она понятия не имела, чего можно ожидать от Брайана, поэтому и дневник медлил. Единственное, что не требовало размышлений и было ясно заранее: сегодня она будет платить. Но если она прикажет себе потратиться слишком, это может в итоге привести только к разорению и нищете. С другой стороны, подписаться под соглашением с Брайаном, приняв предложенные цены, и не отступать от договора означало бы, что она умеет держать удар, а это ни с чем не сравни-

мое, огромное удовольствие. Она написала в дневнике: «Снизить наполовину цены Брайана». Прочитала еще раз — это выглядело почти крохоборством. Сделала приписку: «действуя по справедливости». Решила до встречи с Брайаном зайти в банк и взять денег чуть больше обычной и давно определенной недельной нормы. Скорее всего он предпочитает получать наличными, поскольку это явно не декларируемые доходы. Может быть, потом, по дороге в библиотеку, у нее хватит храбрости заглянуть в небольшой бар, где она как-то была на вечеринке. Она запомнила это тихое местечко, куда могли запросто зайти женщины без мужского сопровождения выпить чего-нибудь и посидеть, не опасаясь приставаний. Она раньше никогда не бывала одна в баре, и это был очередной вызов прежней мисс Хоукинс. Над строчкой о договоре с Брайаном в хронологическом порядке она написала: «Пошла в бар „Пиратское оружие“. Пила джин с лаймом». Она никогда не пробовала ни джина, ни лайма, ни тем более того и другого вместе, но где-то вычитала, что для женщин ее положения и возраста это подходящий напиток. Закрыла дневник: указание было получено. Теперь снова откроет его, когда вернется, с удовольствием

прочтет приказы на сегодня и с полным правом подтвердит их точное выполнение красными галочками. Открыла шкаф, чтобы взять пальто. Там болталась пустая вешалка. Вспомнила, что бросила его на кушетку, и, видно, так и оставила там. В голове промелькнуло: становлюсь неряшливой. Но это открытие нисколько не расстроило ее. Даже наоборот, это означало свободу — такие пустяки больше не трогали ее. Потом, надевая пальто, почувствовала, что подкладка в рукаве оторвана, и это тоже ее порадовало. Вышла на улицу, не удосужившись застегнуться ни на одну пуговицу. Это был окончательный триумф освобождения от штампов и условностей. Мисс Хоукинс обретала привычки и повадки богемы.

Подошла к «Пиратскому оружию». Немного побродила вокруг в нерешительности, для пущей уверенности все же застегнула костяные пуговицы и вошла. Из вестибюля вели две двери. Шум доносился из правой — открыла левую. Перед ней был небольшой зал. За столиками сидело человек двенадцать, в основном одинокие женщины, без спутников. Это ее ободрило, и она успокоилась. Села за столик. Официантов не было видно. Как вести себя дальше? Ждать или самой идти к стойке бара? Долго не решалась преодолеть

расстояние от своего места до барной стойки на глазах у всех, хотя без толку сидеть тоже не имело смысла и точно так же привлекало внимание окружающих. Стеснялась и мучилась сомнениями. Бармен, наблюдавший за ней, поймал ее потерянный, блуждающий взгляд. Он лишь на миг задержался на ней, а потом с явным презрением громко крикнул:

— Портвейн с лимоном, мадам?

Она была слишком напугана, чтобы отказаться. Что это такое, она не знала, но звучало пренебрежительно — видимо, подходящий коктейль, чтобы показать таким, как она, их явную неполноценность. Она была унижена и в ответ на его вопрос лишь кивнула. Он отвернулся, наполнил бокал и поставил его на стойку. Теперь был ее черед действовать. Она поднялась, волнуясь, неловко придвинула стул к столику, он перевернулся и с грохотом ударился о линолеум.

— Извините, — сказала она всем и никому конкретно. Нагнулась, подняла стул. Голова кружилась, расстояние до барной стойки выросло невероятно. Маленький стаканчик портвейна с лимоном уплывал в туманной дымке. Схватилась за край стола, чтобы удержать равновесие. Все бы отдала сейчас, чтобы никогда не появлять-

ся в этом месте… Нетвердой походкой пошла к стойке.

— Сорок пенсов, — произнес бармен прежде, чем она успела коснуться своего стакана.

Ей пришлось вернуться к своему месту за сумкой, которая осталась лежать на столе. Чувствовала, как в ней поднимается и растет хорошо знакомая волна обжигающего гнева: если бы ее вязание было сейчас под рукой! Заплатила за коктейль и опять пошла к столику. Пила не спеша — сорок пенсов стоили того, чтобы получить удовольствие. Смаковала каждый глоток. Ей нравился незнакомый, возбуждающий вкус. Вспомнила указание дневника. Оно было другим — джин с лаймом. Значит, следовало исправлять допущенное ослушание. Правда, портвейн с лимоном был практически тоже приказан ей: бармен это ясно дал понять. Она пребывала в смятении: скольким же на самом деле господам она подчинялась? Одно только усвоила твердо: дневник был ее главным повелителем. Допила портвейн с лимоном и решительно направилась к стойке.

— Джин с лаймом, — отчеканила она совершенно новым для нее уверенным тоном.

Бармен приподнял брови. Улыбнулся, но преж-

него презрения не было и в помине. В его улыбке сквозило уважение — уважение к опытному знатоку спиртного. Учтивая улыбка бармена не понравилась мисс Хоукинс точно так же, как и его прежняя презрительная гримаса: он совершенно не понимал ни ее, ни ее состояния.

— Сколько с меня? — теперь спросила она. Она стала госпожой, и она определяла порядок действий. Неожиданная, мгновенная смена ролей радовала ее.

— Сорок пенсов.

— И ломтик лимона, — добавила она, начиная привыкать к новому состоянию уверенности и силы, хотя понятия не имела, подходит ли лимон в качестве дополнения к ее напитку.

Бармен кивнул:

— Я принесу вам за столик.

Впервые в жизни мисс Хоукинс отдавала приказы, впервые в жизни ей служили. Это поразило ее и вернуло к размышлениям о том, скольким же людям она подчинялась за свою жизнь. Первой была та, что стоила всех остальных, кто когда-либо командовал ею.

Безраздельное властвование над Джин Хоукинс начиналось там, в сиротском приюте Святого Сердца. Ей опять требовалась «вязальная тера-

пия», и она сделала большой глоток джина с лаймом. Она твердо знала, что сегодня, здесь, в баре, одержана первая победа над всеми повелителями ее жизни, потому что сейчас отдавала команды *она.* Удовлетворение, наполнявшее ее, было ничуть не меньше, чем от четко выполненного приказа. Вдруг пришло в голову, что управлять, оказывается, такое же упоительное и увлекательное занятие, как и служить. Уже предвкушала, что в договоре с Брайаном она станет повелителем. Ведь если она оплачивает его услуги, то именно она и есть госпожа, которая приказывает слуге. Да, она будет платить ему, как платит уважаемая всеми благородная дама своей горничной, в этом даже чувствовался привкус благотворительности. Она будет наслаждаться, исполняя две роли. Получаемые удовольствия от услуг Брайана будут определяться исключительно возможностями ее кошелька, сама же она будет безраздельно служить дневнику, маленькой зеленой книжке, которую сначала возненавидела как бесчувственного тирана, а потом приняла как своего единственного и полновластного Господина. Она чувствовала, что получила благословение, и осушила бокал джина с лаймом за успех и свое прекрасное буду-

щее. Немного захмелела, но сознание оставалось ясным. Праздник будет продолжен. Решила воздержаться от следующей порции спиртного не потому, что старалась держать себя в руках, а потому, что боялась: Брайан почувствует запах ее падения. Она была уверена в том, что это именно падение: пристрастие к спиртному было естественным спутником порабощения, но это ее уже не страшило. Остаток своей жизни она собиралась упиваться счастьем, купаясь в невинной распущенности и идолопоклонничестве.

Встала и направилась к выходу. Шла еле-еле, ноги не слушались. На улице наконец глотнула свежего воздуха и прислонилась к двери, чтобы остановить подступавшую к горлу тошноту. Вспомнила, как однажды в приюте ей пришлось съесть две порции пудинга, за себя и беднягу Доддс. У Доддс была аллергия на тапиоку, из которой обычно пекли пирог, но матрону не интересовали такие нежности. Хоукинс быстро проглотила свою порцию и порцию Доддс, и когда матрона обходила столы после обеда, Доддс с гордостью показала ей свою чистую тарелку. Рядом стояла Хоукинс, едва сдерживая приступы рвоты. Ее мертвенная бледность не укрылась от сверлящего взгляда матроны. Бдительная вос-

питательница вспомнила об антипатии Доддс к тапиоке и снова посмотрела на ее сверкавшую чистотой тарелку и зеленое лицо Хоукинс. Все было ясно.

— Вы обе, за мной.

Дрожа от страха, обе девочки пошли за ней. Матрона привела их в туалетную комнату и поставила Хоукинс посредине холодного каменного пола.

— Широко открой рот и засунь палец подальше в горло.

— Я не могу. — Хоукинс предпочитала мучительные страдания такому варварскому лечению.

— Делай, что я сказала.

— Ну давай же, Хоукинс, — робко поддакивала откуда-то сбоку несчастная Доддс. Она тряслась от предстоявшего наказания и была бы счастлива, если бы Хоукинс удержала в себе все злосчастные комочки тапиоки. Но их уловка, судя по всему, была раскрыта. Несчастная Доддс боялась теперь вдвойне, ведь непослушание подруги могло навлечь на нее еще больший гнев матроны.

— Ну давай же, Хоукинс.

Так стояла маленькая Хоукинс посреди ледяного безмолвия, всеми покинутая и проклятая, и

жить уже, казалось, не имело никакого смысла. Тем более что матрона именно этого и хотела — она приказывала ей задохнуться. Девочка молча быстро помолилась и сделала то, чего от нее требовала матрона. Глубоко засунула палец в горло и мгновенно напряглась — ее благородство струей выплеснулось на пол. Сразу пришло облегчение. От радости она готова была благодарить мучительницу за избавление, но, когда подняла глаза, вдруг поняла, что будет дальше.

— Теперь ты, Доддс, бери тряпки и вытирай.

Интересно, вспоминает ли бедная Доддс тот день и вяжет ли она бесконечный шарф?

Мисс Хоукинс доплелась до перекрестка и свернула в темный закоулок. Здесь она могла воспользоваться чудодейственным, проверенным средством матроны, не испытывая никакой благодарности к спасительнице. Сейчас она была сосредоточена лишь на том, чтобы не запачкать одежду, и выбирала удобную позу. Когда все было позади, вытерла рот, расстегнула пальто и пошла прочь, оставляя работу Доддс дождю, кошкам и времени. Вспомнила, что в сумочке должны валяться мятные пастилки и таблетки от несварения. Проглотила и то и другое. Отпустило.

Шла теперь в банк, глубоко вдыхая прохлад-

ный воздух открытым ртом, чтобы избавиться от предательского запаха. В банке заполнила чек, не заботясь о том, подглядывает ли кто-нибудь в ее счет. Но все-таки она старалась внимательно смотреть на заполняемый чек, чтобы четко вписать подаренные себе на экстравагантные выходки двадцать пять фунтов. Обычно она снимала со счета пять фунтов в неделю и тут же аккуратно убирала банкноты в кошелек. Всегда просила выдать чистые, новенькие купюры: она глубоко уважала тяжелым трудом заработанные деньги. Сейчас не глядя бросила их в сумку. Теперь снимать со счета деньги наверняка станет для нее более привычным делом, чем класть, — надо постараться как можно меньше думать об этом.

Брайан уже ждал ее у библиотеки. Он улыбался, но улыбка была предназначена не ей. Он был так погружен в себя, что улыбался, не подозревая о выражении искреннего благодушия на лице. Заметив ее, застыл на мгновение, застигнутый врасплох, и снова улыбнулся, но теперь уже вымученной и деланой улыбкой.

— Как дела, Брайан? — Мисс Хоукинс старалась держаться на расстоянии, чтобы не выдыхать на него остатки гремучего коктейля. Взяла его

под руку.

— Куда мы пойдем?

— Я сегодня ненадолго, — быстро ответил он. — Маме нездоровится.

Вероятно, ей следовало выразить свое сожаление, она же досадовала, что его матери всего лишь нездоровится.

— Ну что ж, будем надеяться на будущее.

— Но я принес кое-что для вас. — Сказав это, он вынул из-под пальто большую папку. Мисс Хоукинс хотела взять ее, Брайан не отдавал: — Нет. Это вам, но откройте, когда я уйду.

— Это… — Она не знала, какое название соответствует содержимому папки.

— Да. Это то, что я обещал.

Помнила указание дневника: сначала посмотреть список Брайана, иначе договор мог не состояться.

— О, позвольте мне взглянуть сейчас.

Он покачал головой.

— Прошу вас, — все еще настаивала она, хотя видела, что он непреклонен. — Тогда, — рискнула она, — тогда я вообще не возьму это.

Он ответил не сразу: и то и другое было для него одинаково невозможно.

— Пойдемте в парк.

Они шли молча. Мисс Хоукинс была уверена, что в конце концов одержит верх, Брайан пытался найти повод, чтобы протянуть время. В отчаянии он решил сказать ей правду.

Они сели на скамейку.

— Я готова, — сказала она, устраиваясь удобнее.

— Я не могу показать вам это сам. Ну, не при мне.

— Тогда отвернитесь.

— Это не то. Я не хочу присутствовать.

— Почему же?

Он посмотрел куда-то вдаль на деревья в конце парка.

— Что ж, поймите, мне неловко, — пришлось выдавить ему.

Она дотронулась до его руки.

— Но ведь и мне тоже неловко, — успокаивала она. — В прошлый раз вы сказали: мы оба — новички.

— Ладно, вы можете просмотреть два первых раздела, — согласился он, все еще не глядя на нее.

Этого было вполне достаточно: дневник будет удовлетворен.

— Хорошо. Это честный компромисс.

Он опять вытащил из-под пальто скоросшиватель, отвернувшись от нее, вынул страницы меню и бережно положил их ей на колени. Поднялся.

— Я прогуляюсь немного.

— Конечно.

Она и сама была рада, что осталась одна. Подождала, пока Брайан отойдет на достаточное расстояние, чтобы не услышал ее прерывистого дыхания. Внимательно вглядывалась в красочный лист. Желтые розы произвели на нее впечатление, особенно тронули ее сентиментальные слезинки росы на лепестках. Брайан, очевидно, был романтической натурой. Посмотрела на его удалявшийся силуэт: поэт, ищущий новые образы. Нужно было честно признаться в том, что этот список в желтых розах обладал притягательной силой. Водя пальцем, она не спеша начала изучать пункты первого раздела.

Первая услуга: «Держать руку — 2 пенса». Ниже в скобках дополнение: «Держать две руки — 3 пенса». Она оценила льготные скидки: стоимость услуги вполне оправдывалась удовольствием, получаемым взамен. Несмотря на указание дневника, ей показалось несправедливым снижать эту цену. Но что конкретно стоило два пенса:

каждое прикосновение к руке или все свидание? Неужели каждое новое прикосновение она должна будет оплачивать как отдельную услугу? Тогда все ее накопления испарятся на первом же пункте меню и она не сможет попробовать ни одного из следующих изысканных блюд. Решила выяснить этот вопрос, как только Брайан вернется. Подняла голову: вдалеке виднелась его спина. Он остановился и медленно повернулся. Заметив, что она смотрит на него, резко отвернулся и быстро пошел прочь в дальнюю часть парка. Он явно не спешил возвращаться. Да и она еще не была готова. Пока знала только, что будет настаивать на двух пенсах за держание рук на протяжении всего свидания. Это устроит ее дневник. Опустила руку ниже и открыла следующий пункт. Быстро пробежала взглядом по колонке цен, которые постепенно возрастали: дотронуться до локтя (через рукав) обойдется ей уже в 20 пенсов, шеи — 25 пенсов, щиколотки — 30, а ласка коленей была уже просто царской, ее стоимость взлетела до 50. Непонятно, почему колени были дороже щиколоток? Она бы поменяла некоторые цифры местами. Но, очевидно, указанные цены отражали большие аппетиты Брайана в получении выгоды от предстоявшей

сделки, а не ее собственные. Раздел заканчивался ласками коленей. Дальше шли не разрешенные пока для просмотра пункты третьего раздела. Она могла легко заглянуть туда: Брайан все равно ничего не заметил бы с такого расстояния. Но мисс Хоукинс и не пыталась нарушить их уговор: даже после прочтения двух безобидных разделов пульс бился учащенно и внутри полыхал пожар. Третий, самый вызывающий, следовало оставить на потом, чтобы, спокойно сидя у себя в гостиной, не торопясь прочесть пункт за пунктом и обсудить с Моурисом все за и против. Она подняла голову и крикнула, чтобы он мог услышать:

— Брайан, я готова!

Ее крик смутил его, и он был рад, что парк почти пуст. Снова подумал: надо было назначить более высокие цены. Ему совсем не хотелось возвращаться к скамейке и видеть ее раскрасневшееся от предвкушения его услуг лицо. Ее бурная реакция превращала список, его легальный бизнес, в нагромождение отвратительных непристойностей. Но это ее дело, соглашаться или нет. Вокруг полно клиенток.

Он вернулся, уже настроенный против нее и готовый к обороне. Сел рядом на скамейку.

— Ну что?

Она чувствовала его решимость и раздражение.

— Мне понравилось. Но что насчет двух пенсов за держание руки? Это цена за весь день?

— Я буду держать вашу руку, пока вы не захотите, чтобы я ее отпустил.

— Да, но я думаю, что это несправедливо, — заметила мисс Хоукинс робко. — Я думаю, все-таки два пенса за всю встречу.

Как это злило Брайана! Если она начинает цепляться к самым дешевым услугам, что будет дальше? Будет обсуждать каждый пункт? Он чувствовал, что лишается дохода.

— Я полагаю, это честная цена.

— Но я истрачу все деньги, находясь только на первом пункте. И почти ничего не останется на остальные. А я догадываюсь, что надо бы еще попробовать и другие блюда.

Мисс Хоукинс посмотрела вдаль, легонько толкнув его в бок. Брайан уже начинал сомневаться в правильности выбора ее как клиентки. Держи он ее руку хоть всю жизнь, это едва ли покроет недельное содержание матери в доме для престарелых «Петунья». Что же делать? Очень опрометчиво было бы лишиться сейчас единственной клиентки… Но и продаваться так

дешево — унизительно!

— Вот что, — начал он, зная, что держать две руки ему наверняка если и придется, то очень редко. — Считайте, что вы получили две по цене одной.

Она осталась довольна. Приказ дневника выполнен. Брайан взял меню, опять закрепил его в скоросшиватель и отдал ей папку.

— Теперь я должен идти. Вы можете взять это домой и изучить. Встретимся в понедельник после обеда.

Пусть у нее будет достаточно времени, чтобы распробовать все его блюда. Сейчас ему следовало удалиться. Он был уверен, что хитрость — непременный атрибут удачного бизнеса.

— Где мы встретимся?

Вообще-то вопрос был излишним — библиотека давно стала местом их свиданий. Но сейчас мисс Хоукинс чувствовала, что для их предстоящей встречи требуется более интимный уголок.

Он улыбнулся:

— Может, я приду к вам домой?

Она дала ему адрес.

— Я буду около трех часов дня.

— Чайник будет на плите, — подхватила она, невольно стараясь скрыть и отодвинуть истин-

ную цель их свидания.

Как обычно, они расстались на автобусной остановке. Мисс Хоукинс сжимала в руках скоросшиватель. Проходя мимо бара, подумала о джине с лаймом, но в ту же секунду запретила себе это. Не из-за боязни приступов дурноты — она была уверена, что в прошлый раз всему виной была мешанина. Ее больше пугала вероятность быстрого привыкания к постоянным алкогольным возлияниям. Очевидно, если бы Брайан не появился в ее жизни, это был бы вариант — провести пять лет, кружась в алкогольном тумане. Но сейчас у нее другие планы на будущее. Выбрав гораздо более дорогие услуги Брайана, она собиралась получить гораздо большее, ни с чем не сравнимое наслаждение.

Дома в гостиной встала на колени рядом со своим зеркальным другом, чтобы ему было хорошо видно то, что она держала в руках. Моурис все еще стоял на полу, у стены.

— Смотри, что у меня есть, — сказала она, раскрывая скоросшиватель. — Это секрет. Это только для меня. Но как-нибудь я покажу тебе.

И она повернула его лицом к стене. Открыла дневник и прочла громко указание на сегодня. Какое-то время повертела в руках красный фло-

мастер, продлевая мгновения торжества, потом аккуратно отметила красной галочкой каждый из приказов, добавив еще одну бару, где она выстояла и точно выполнила повеление дневника. Сняла пальто, положила папку на обеденный стол. Не разрешила себе расслабиться в кресле — знала, что ей понадобятся все силы для того, чтобы открыть и прочесть меню Брайана. Она будет сидеть на жестком стуле, чтобы оценить очевидно ошеломляющий третий раздел списка. Как прелюдию ожидавшего ее наслаждения, снова читала и перечитывала первые пункты соглашения, которые уже знала наизусть.

Итак, она готова приступить к основным блюдам меню желтых роз. Задернула шторы, включила маленькую настольную лампу. Вспомнила, что в буфете давно хранилась плитка молочного шоколада, купленная в день их первой встречи с Брайаном. Романтический полумрак, мягкий вкус шоколада и услаждающее чтение — все создаст ощущение большого праздника. Направила луч света прямо на список Брайана и открыла шоколад. Список услуг был перед ней. Закрыла глаза. Досчитала до десяти. Снова открыла глаза. Первое, что увидела, был терновый венец. Ее захлестнул прилив благодарности за

правильно и точно найденный символ. Все, что Брайан описал как свои услуги, было достойно и дышало целомудрием. Ей нечего было более стесняться. Терновым венцом Брайан обращал ее в свою веру и призывал и молил о вечной преданности. Мисс Хоукинс давно отошла от религии, но сейчас открывала для себя новую веру. Она будет читать список Брайана вслух, торжественно и размеренно, как молитву.

Глава 9

Если мисс Хоукинс думала, что была единственным апостолом своеобразной церкви Брайана, то глубоко заблуждалась: последние несколько дней ее верховный жрец не сидел без дела. Он искал разные пути для развития своего бизнеса. Посетил фонотеку в городском собрании, надеясь найти там состоятельную добычу. И не ошибся. По многочисленным стайкам женщин неопределенного возраста, кружившим по фонотеке, можно было заключить, что музыка соперничала с кошками и собаками в качестве непременных спутников одиночек. Он провел в собрании всего несколько минут, а одна дама уже приставала к нему с расспросами:

— Вы любите музыку?

По ее тону и выражению лица было абсолютно ясно, что ее меньше всего интересовали его музыкальные пристрастия. Это была просто пристойная форма заигрывания. Несмотря на очевидную заинтересованность в более близком знакомстве, Брайан четко ответил на поставленный вопрос, что да, он, разумеется, большой поклонник музыки и в ней нашел доброго и проверенного сотоварища, что часто случается с одинокими людьми. Тем самым он разом прояснил ситуацию. Дама двигалась к своей цели более решительно и не стала ходить вокруг да около.

— Я тоже живу одна. Может, мы могли бы как-нибудь послушать музыку вместе?

Ее напор обескуражил Брайана и в то же время избавил от мучительных объяснений по поводу его одиночества. Стоило еще чуть-чуть подбодрить его, и он готов был сказать, что его мать умерла или живет в доме для престарелых «Петунья».

— Пойдемте ко мне, — предложила она, неожиданно перейдя на шепот. — У меня есть кое-что особенное…

Она подмигнула ему. Инстинктивно Брайан отпрянул от нее и пошел прочь. Правда, немно-

го жалея. Нет, он нисколько не нуждался в ее услугах, но хотелось бы хоть одним глазком пробежаться по ценам ее списка услуг. Он был несколько разочарован открытием, что в его бизнесе уже работают другие, да еще так бесстыдно. Брайан надеялся, что мужчин, то есть прямых его конкурентов, значительно меньше и при подборе клиенток они ведут себя тоньше и деликатнее. Услышав спасительное постукивание удалявшихся шагов своей обольстительницы, обернулся и оценивающе осмотрел ее. Отекшие ноги, опухшие щиколотки, засунутые в короткие кожаные сапожки на опасно высоком каблуке. Ноги ясно говорили о занятии дамы и были результатом постоянного дефилирования по булыжным мостовым, тротуарам или, как сейчас, по сверкающему паркету присутственного места. Ее профессия не вызывала в нем никаких эмоций, сейчас он видел только стареющую женщину. Не проводя никаких параллелей со своим бизнесом и с собой вообще, он немного пожалел ее.

По пути домой Брайан решил зайти в супермаркет и сделать недельные закупки. Обычно он занимался этим по понедельникам, но, поскольку теперь был занят бизнесом, решил не терять время попусту. Без сомнения, мать одобрила бы

его предусмотрительность. Не забыть купить обещанную ей плитку шоколада. Брайан всю жизнь сам занимался ведением хозяйства. Миссис Воттс всегда раздражали домашние обязанности: она была выше этого. Хотя что она еще делала, кроме бесконечного перечитывания триллеров? Любила поесть и посмотреть телевизор? С тех пор как начались проблемы со здоровьем, она редко отваживалась выходить на улицу самостоятельно и обязала сына выводить ее на короткие прогулки ради необходимого для легких свежего воздуха. Она не любила прогулки, но боялась последствий безвылазного сидения для своего здоровья. Теперь она нуждалась в более серьезном уходе, но Дом на Закате, по их обоюдному мнению, не был для нее подходящим местом. Брайан часто задумывался, почему даже одно упоминание о Доме на Закате так ему ненавистно, ведь другие люди считают его вполне приличной богадельней. Удивительно, но они оба, и он и мать, были уверены, что это ниже ее положения. Он вынужден был признать, что не может заставить себя выбросить ее туда. Поэтому, когда соседи посоветовали ему это сделать, он упрямо и решительно отказался. Так случилось не от глубокой привязанности к матери — он не любил ее. Но не любил настолько,

что не мог дать ей ни единого повода обвинить его в этом и добиться тем самым триумфа мученичества. Она и так часто повторяла безо всякого повода: «Наверное, ты был бы рад увидеть меня мертвой, правда?» Да, тысячу раз да. Он был бы рад, если бы ее нытье прекратилось раз и навсегда. Но из Дома на Закате ему всегда слышались бы стенания страдалицы, а это совсем не входило в его планы. «Петунья» была единственно приемлемым решением. Он не только избавился бы от матери — она была бы еще благодарна ему за это. Надо найти больше клиенток. Очевидно, фонотека — не самая благодатная почва для этого. Брайан взял тележку и вошел в супермаркет.

Расположение отделов он знал до мельчайших подробностей, поскольку был постоянным покупателем этого магазина. Сколько Брайан себя помнил, его потребности, как и потребности матери, не менялись. Определенно у них было много общего. Он это понимал, и это безумно раздражало его. Итак, Брайан направился по обычному маршруту: от молочного отдела к фруктам, от мяса к овощам, размеренно и целенаправленно. Был только один отдел, который он предпочитал обходить, экономя на моющих средствах, всевозможных тряпках и средствах

дезинфекции. По иронии судьбы именно это постоянно требовалось для ухода за матерью. Как только он приближался к нужной секции, стыд заполнял все его существо, словно кто-то застиг его за выполнением женской работы. Сейчас он издалека присматривался к ценам на освежители воздуха, притворяясь, что проявляет просто интерес прохожего к тому, как женщины справляются с ведением домашнего хозяйства. Остановив свой выбор на самом большом и дешевом аэрозоле и озираясь по сторонам, он кинул банку в тележку, не затормозив ни на мгновение у ненавистного стеллажа. Сверху прикрыл освежитель замороженной курицей — самая постыдная покупка была сделана и спрятана. Следующей на очереди была туалетная бумага. Брайан не находил себе места. Естественные функции организма были хорошо известны каждому, но зачем демонстрировать эти потребности прилюдно? У стеллажей с грудами рулонов туалетной бумаги бродили покупатели, он не мог справиться с возникшим презрением и заставить себя присоединиться к ним. Необходимые рулоны громоздились в самом углу полки, как раз напротив варенья и мармелада. Он протянул руку за мармеладом «Двойная лаванда», который, на его опытный

взгляд, выглядел очень приличной покупкой, а другой рукой дотянулся до рулонов туалетной бумаги. Одновременно еще чья-то рука вцепилась в ту же упаковку. Кто-то должен был уступить. Для Брайана ничего не стоила такая пустячная жертва, но проделать это в самой постыдной секции супермаркета… Лицо, которому принадлежала помешавшая ему рука, теперь повернулось и посмотрело на него в смущении, показывая свою полную незащищенность. Брайан вовсе не хотел любезничать в этой секции и тут же двинулся прочь к кассе без бумаги, но с ощущением гордости за себя и преисполненный чувством явного превосходства. На сегодня с покупками было покончено. Он был поглощен собственным одиночеством, чтобы сразу заметить лавандовый рулон, возвышавшийся прямо перед ним в тележке. Теперь он увидел содержимое тележки его недавней соперницы. Двести граммов масла, небольшой кусок баранины, немного сыра, чай и сахар. Логическим завершением композиции покупок одинокой женщины — это уж он умел определять безошибочно — была банка кошачьего корма. Брайан старался вспомнить ее извиняющееся лицо, на которое лишь мельком взглянул при их коротком молчаливом

столкновении. Сейчас перед ним была ее спина, возможно заинтересованная в его списке услуг… Очередь двигалась быстро, и покупательница впереди уже выкладывала свой набор рачительной хозяйки перед кассиром. Она повернулась назад, чтобы передвинуть свою тележку, заметила его взгляд и опять застенчиво улыбнулась. Он должен был в ответ успокоить ее. Ей не за что извиняться: у нее, как и у всякого другого, есть потребности, которые она предпочитает скрывать, но что делать, если все содержимое нужно выложить на всеобщее обозрение перед кассиром. Он чувствовал, как будто предлагает ей свой пиджак для укрытия и защиты.

— Не правда ли, чудесный день сегодня? — проговорил он, дословно повторяя фразу мисс Хоукинс при их первой встрече. Неожиданно его наполнила странная признательность к мисс Хоукинс. Он точно знал сейчас: сколько бы у него ни было клиенток, она навсегда получила привилегии первой из них. Тем более что она, как, впрочем, и его мать, не ведая того, стала вдохновительницей и зачинательницей его бизнеса. А это стоит одной-двух дополнительных скидок.

— Да, несомненно, — ответила обладательница рулонов, наполняя свою сумку покупками. Ее ла-

коничный ответ прекращал дальнейшую беседу.

Брайан попытался возобновить разговор:

— Прекрасная погода для прогулки.

Она приняла это за приглашение и тут же его отвергла:

— Я должна пойти домой покормить кошку.

Он был сбит с толку: ведь он и не думал приглашать ее. Его раздражала такая бесцеремонность отказа. Необходимо было расчистить путь к достойному отступлению.

— Я вовсе не о себе говорил. Это так, общее замечание. Я имел в виду людей вообще.

— Но мы и есть люди, — снова отрезала она, причисляя его тем самым к неопределенной общности всех и никого.

Он не нашел, что ответить. Лучше было бы расстаться на этом, но он чувствовал огромную потребность в реванше. Он должен отомстить этой женщине и поставить ее на подобавшее ей место рабыни. Да и потом, она могла бы стать для него идеальной клиенткой. Он заметил, что она свернула за угол, делая вид, будто упаковывает покупки. Брайан почти наверняка знал, что на самом деле она дожидается его. Быстро расплатился. Они одновременно закончили упаковку покупок и вместе вышли из магазина.

— Мне в эту сторону, — сказала она, показывая налево.

— Мне туда же.

Хотя путь к его вычищенному и обеззараженному дому лежал в противоположном направлении. Они шли рядом молча.

— Позвольте, я помогу вам? — Брайан был твердо намерен возобновить диалог.

— Очень мило с вашей стороны.

Она с готовностью передала ему сумку. Сумка оказалась весьма увесистой, несмотря на скудность ее покупок. Он быстро оглядел все свертточки и заметил большую коробку шоколада. Да, определенно, она живет одна. Они повернули за угол супермаркета и оказались на неожиданно тихом продолжении суматошной Главной улицы. Пройдя примерно половину утопавшей в зелени улицы, она остановилась.

— Здесь я живу.

Он протянул ей сумку.

— Может, зайдете на чашечку чая? — Желанное предложение прозвучало. — Вы же устали и так помогли мне, — добавила она быстро, считая, что в таком виде приглашение выглядит пристойнее.

— Я помог бы вам в любом случае. Но я никогда

не откажусь от чашки чаю.

Она открыла входную дверь. На вешалке он тут же заметил мужской зонт, что разрушало его построения — под любым предлогом следует посетить ванную, содержимое которой безошибочно откроет правду. Там в стакане одиноко стояла зубная щетка, валялись всякие женские мелочи, и ни единого признака мужского присутствия. На обратном пути он ненароком заглянул в открытые двери: это были две благоустроенные спальни и гардеробная. По всем признакам она была хозяйкой добропорядочного семейного дома с длинной историей. Мебель в гостиной отполирована до блеска, но немного потерта и обветшала от многолетнего использования. Птенцы, наверное, уже давно выпорхнули из родительского гнезда.

Подтверждая его догадки, она сказала:

— Я живу в этом доме около сорока лет. Мои дети уже выросли. Они теперь в Канаде.

— А ваш муж?

— Я вдова. Уже четырнадцать лет. Устраивайтесь поудобнее. Я поставлю чайник.

Пока она отсутствовала, он огляделся по сторонам, чтобы получше узнать ее — так будет легче подобрать к ней ключ. На серванте были выстав-

лены в ряд фотографии в рамках: две свадебные, наверное детей. Линию замыкал портрет в серебряной рамке. С него смотрел мужчина средних лет в форме военного офицера. Скорее всего это и был безвременно ушедший дорогой супруг.

В углу на вращающейся полке лежали журналы. Судя по названиям, в этом доме увлекались спиритизмом и учениями о загробной жизни. Послышался скрип приближавшейся тележки с чаем, и он вынужден был прервать свои расследования и вернуться на место. На тележке он увидел точно такой же чайный сервиз, как у матери. Чашки с голубым ивовым рисунком. Наверное, оба сервиза и куплены были примерно в одно и то же время, много лет назад. Теперь такой китайский фарфор стоил очень дорого. Мать редко разрешала им пользоваться, она хранила его для гостей, но с тех пор, как к ним перестали приходить, китайский фарфор лишь пылился на полке в кладовой. Брайана обрадовал неожиданный знакомый в чужом доме: это сближало. Она налила чаю.

— Ваш супруг? — спросил он, кивнув в сторону портрета.

— Да, это Джордж. Эта фотография была сделана на полковом обеде всего за неделю до его смерти.

Он был кадровым военным.

— Наверное, очень достойный человек. — Брайан надеялся, что, узнав больше подробностей о ее муже, поймет, стоит ли ему продолжать атаку.

— Да, несомненно. Хотя у него были небольшие причуды.

Брайан приободрился.

— Причуды?

— Ну да, он был педантом. Все вещи должны были быть строго на своем месте, как солдаты в строю. Он иногда вставал со своего кресла, чтобы на миллиметр подвинуть сбившуюся диванную подушку.

Достаточно занудно и многообещающе, подумал Брайан.

— Как же вы справлялись с этим?

— Так было, и все. У меня ведь тоже есть свои капризы.

Все было пристойно, пока они обсуждали своеобразие ушедшего в мир иной Джорджа. Но открыто проявлять интерес к капризам и шалостям сидевшей перед ним дамы было уже слишком интимно. И хотя ему не терпелось выяснить все подробности, он решил пока не настаивать. Они сидели в тишине. Он — не решаясь расспрашивать, она — не желая откровенничать.

— Как вас зовут? Если вы не возражаете против вопросов.

— Виолетта. Виолетта Макинс. А вас?

Брайан спешно подыскивал в закоулках своей памяти подходящее имя. Он понимал, что занятие его нелегально и ему следует на всякий случай подстраховаться.

— Феликс. Я знаю, глупое имя, — сказал он, обдумывая подходящую фамилию. — Хоукинс, — как будто бы само слетело с его губ. — Феликс Хоукинс.

Его первая и пока единственная клиентка была бы польщена таким доверием.

— Вы пенсионер?

Своим вопросом она наделяла его неким статусом человека, принадлежащего к определенному классу. Если бы она спросила, работает ли он, то тем самым намекнула бы на его преклонный возраст и возможные жизненные неудачи.

— Нет. У меня небольшой бизнес.

— Да? — Она ждала от него уточнений.

— Я продаю услуги.

— Интересно, — сказала миссис Макинс вежливо. — Что это за услуги?

— Мои собственные.

— Я не совсем вас понимаю.

Что за черт, не стоит больше с ней встречаться, раз она так разборчива. Лучше попытаться найти других клиентов. Но, с другой стороны, он был готов к абсолютной откровенности, только бы найти подходящие слова для правильного и достойного описания его занятия. На самом деле он же ничего не продает, если даже после продажи у него все еще остается это. Похоже на описание занятий девушки по вызову…

— Это трудно объяснить, — наконец выдавил он. — Ну хорошо. Например, если вы хотите что-нибудь, я продам вам это.

— Например, что?

Он опять задумался, неохотно переходя к подробностям.

— Ну что ж. Давайте я объясню вам так: я имею дело только с женщинами.

Они сидели несколько минут без движения в опустившейся оглушающей тишине. Потом он быстро допил свой чай на случай, если она укажет ему на дверь.

— Многообещающе, — произнесла миссис Макинс мягко. По ее тону было понятно, что она более чем заинтересована. — Может быть, еще чаю? — Она наполнила его чашку. — Я раньше никогда не встречала представителей вашей

профессии.

— О, нас сотни, — заверил ее Брайан, надеясь, что большое число членов профсоюза сможет гарантировать легальность занятия. — Я знаю лично по крайней мере человек шесть.

— Но как вы находите клиентов?

Брайан неожиданно услышал в ее голосе интонации представительницы светского общества, свысока наблюдающей за его недостойными, грязными делишками. Она говорила так, словно от нее зависела выдача официальной лицензии на его непристойный, низкий бизнес. На самом деле Виолетта ясно показывала, что несомненно заинтересована в его товарах, но старается как-то классифицировать их.

Брайан спокойно дожевывал второй кусок кекса.

— Я встречаю их случайно, — сказал он и добавил, чуть рискуя: — Как, впрочем, встретил и вас.

Она рассмеялась веселым смехом своенравной аристократки, и Брайан стал догадываться, какие маленькие шалости она имела в виду.

— У вас есть список услуг?

Дама ориентировалась молниеносно, и Брайан едва мог поверить своему счастью. Он вынул

из внутреннего кармана сложенный лист. Этот экземпляр был декорирован домами и предметами домашнего обихода. Этим он подчеркивал защищенность и неприкосновенность домашнего очага в своем бизнесе. Он стыдливо раскрыл список. Она взяла очки, но не надела, а лишь придерживала перед глазами, словно показывая ему, что пользуется ими редко. Он наблюдал за ней, пока она читала. Она то вздыхала, как благовоспитанная дама, то горделиво похохатывала. Брайан уже осторожно подсчитывал свои доходы. Она дочитала список до конца. По направлению ее взгляда он понял, что более всего ее заинтересовал последний, самый дорогой раздел списка.

— Я могу оставить это у себя?

— Вас это заинтересовало?

— Да, конечно. А вам можно доверять?

— Думаю, да. Я мог бы назвать вам имена моих постоянных клиенток, но анонимность является частью моего бизнеса. — Он вздохнул, довольный собой.

— Хорошо, в таком случае я заинтересована. В небольших услугах, — добавила она быстро. — Я не знаю пока, понадобятся ли мне все остальные. — Она вздохнула, возможно, сожалея о своем поспешном согласии. — Я уберу чай? Тогда

мы сможем приступить. Я закрою шторы, если вы не против.

Брайан растерялся. Он не был готов к столь стремительному развитию событий: горделивая вдова Макинс была нетерпелива, а он не знал, как себя вести. Полное отсутствие опыта. Попытался успокоить себя тем, что можно начинать в любой момент, но чувствовал, что слишком взволнован, чтобы сразу ринуться в бой.

— Я бы с удовольствием, но у меня уже назначена встреча с клиенткой на сегодня, а она живет далеко от вас.

Она не скрывала своего разочарования.

— Я сожалею, — прибавил он. — Но мы могли бы договориться на другой день.

Он вынул свой ежедневник и открыл его, прикрывая рукой его пустоту.

— Как насчет завтра? Примерно в это время? Я буду у вас столько, сколько вы пожелаете.

Он был горд собой: как удачно найдены нужные слова. Ни одного упоминания об услугах, ни единого намека на похоть. Все было более чем пристойно. Он не сомневался: услуги требовались, услуги были необходимы, чтобы дальнейшие события развивались гладко и по намеченному им плану.

— Завтра было бы чудесно.

Она проводила его до дверей.

— Я подумала… — сказала она, — вы не могли бы завтра войти с черного хода? Понимаете, если это станет регулярным, соседи будут интересоваться…

— Да, конечно. Я в любом случае поступил бы так.

— Хорошо, хорошо, тогда… — ее надменный тон незаметно исчез, — тогда до завтра.

Он закрыл за собой калитку и быстро пошел вниз по улице. Если она наблюдала за ним из окна, то видела, что он торопится. Немного расстраивался, что не обслужил ее сегодня: вдруг к завтрашнему утру ей в голову придут более благочестивые мысли? И какие у него вообще были гарантии? Во-первых, ему необходима практика и, во-вторых, конфиденциальность. Все его дело зависело от того, насколько он сумеет понравиться и ублажить клиенток. В какой-то момент Брайан подумал, что стоит вернуться к Виолетте, сказать ей, что ошибся и перепутал время встречи. Но это выглядело бы непрофессионально и могло натолкнуть на мысли о его неосмотрительности и ненадежности. А он хотел продолжать начатое дело. Сейчас он пойдет до-

мой. Спокойно устроится в своей спальне, чтобы детально обдумать, как правильно вести зарождавшийся бизнес. На первый взгляд, это был удивительно простой и выгодный для мужчины способ существования. Он только не знал, сколько же их в действительности в деле. А ведь всего несколько минут назад он был так убедителен с миссис Макинс…

Дома он вынул покупки.

— Ты наконец вернулся? — Миссис Воттс кипела от негодования.

Он с отвращением посмотрел на лужу у ее ног. Она же была довольна: выполнила данное самой себе обещание доставить ему пару неприятных мгновений, когда он вернется домой. Желание наконец избавиться от нее становилось навязчивой идеей. Слава богу, что у него появилось множество всяких планов и сегодня выдался удачный день. Хотя Брайан все еще нервничал и сомневался, получится ли у него заработать таким образом. Он взглянул на мать с нескрываемым отвращением.

— Ты нарочно! — закричал он.

Он, конечно, имел в виду лужу на полу, и она радовалась его нараставшему раздражению. Миссис Воттс уже пообещала себе, что повторит

этот фокус в один из дней, когда он снова будет на работе. На это удовольствие потребовалось всего лишь два стакана воды — небольшие затраты для такого впечатляющего эффекта. Брайан вернулся с тряпкой в руках. Вытирая лужу, он подсчитывал в уме возможный доход от бизнеса. Если найдется еще хотя бы две таких клиентки, как миссис Макинс, и они воспользуются всем списком, то он сможет позволить себе «Петунью» столько, сколько вообще проживет старая стерва. Расчеты вдохновили его.

— Да, наверное, ты не можешь ничего поделать с этим? Да, моя дорогая? — сказал он, положив руку на ее колено. Его неожиданная доброта только разозлила ее — все меньше оставалось поводов для дальнейшей перебранки.

— Ты, наверное, обрадуешься, когда меня не станет? Да? — Она опять использовала давно выцветшие штампы прежних баталий.

— Что же я буду делать без тебя? — вторил он матери, как по-заученному.

Таким образом, он подписал перемирие, хотела миссис Воттс этого или нет. Она смотрела, как он вытирает пол, и пыталась хоть от этого получить минимальное удовлетворение. Его недавнее раздражение, судя по всему, совершенно исчезло.

— Я купил тебе шоколад.

Это была финальная декларация о перемирии, а наполнившая рот слюна и вовсе обезоружила ее.

Глава 10

К понедельнику шарф мисс Хоукинс прибавился еще на метр. Чем яснее она осознавала новые, возбуждающие перемены в ее жизни, тем больше ее злило всякое промедление на этом пути. Сейчас все ее сознание снова заполнили картинки приютского прошлого, и больше всего омрачали настроение воспоминания о матроне. Мисс Хоукинс вязала и вязала. В перерывах между бесконечными лицевыми она вновь и вновь перечитывала список услуг Брайана, а потом опять возвращалась к спицам. Утром в понедельник аккуратно сложила вязание, так как в этот день у нее были другие неотложные дела. Собиралась к приходу Брайана испечь бисквит, к тому же сегодня ей хотелось сервировать чайный столик по-особенному. У нее уже была припасена бутылка дешевого портвейна: надеялась, что в ответственный момент глоток вина придаст ей храбрости. Может быть, и Брайану тоже понадобится бодрящий напиток, ведь они оба

начинающие. Поставила бутылку и два бокала на столик чуть в стороне, чтобы это не очень бросалось в глаза. День еще только начинался, когда она уже закончила предварительные приготовления. Пора было получить указания дневника на сегодня. Хотя предстоявший день и так обещал быть насыщенным, она ждала от своего повелителя более серьезных, решительных приказов, которые заставят ее рисковать. Давным-давно дневник перестал быть для нее тихим ежедневником, дававшим простые руководства по продолжению жизни. Приказы, требовавшие отваги, и сам дерзкий тон повелений постоянно вели ее по краю невозможного. Сегодня все обстояло еще сложнее. То, что должно было произойти через несколько часов, само по себе находилось за пределами ее привычных представлений, и простые слова «справилась с задуманным» были уже вызовом всей прежней жизни. Но, несмотря на это, она чувствовала, что ее повелитель достоин и ждет более рискованных и отчаянных поступков.

Снова перечитала меню Брайана и подвела суммарный итог цен первого раздела. Если она закажет каждый пункт по одному разу, то ее траты в целом составят чуть больше двух фунтов.

Она продолжала относиться к этим расходам как к инвестированию, правда не по общепринятым правилам, но Брайан убедил ее, что это весьма приятный способ вложения капитала. Согласно уверениям Брайана, риск потерь почти отсутствовал или был минимальным, тем более что мисс Хоукинс отчаянно стремилась использовать любой шанс. Она становилась все бесстрашнее, с каждым днем отодвигая границы невозможного. Два фунта были суммой, которую она едва могла себе позволить, но ей хотелось большего риска. Она решилась: вклад будет в два раза больше означенной суммы, даже если ей придется перейти ко второму разделу меню, который она читала-то с пылавшими щеками и уж тем более не представляла себя участницей действия. Открыла дневник и написала: «Брайан приходил на чай. Истратила четыре фунта». Потом закрыла дневник на замок золотым ключиком и спрятала его на полке в кладовке.

Пора было начинать непосредственные приготовления к встрече. На чайный столик мисс Хоукинс поставила свой лучший китайский чайный сервиз, блюдо с разнообразными пирожными и свежеиспеченный бисквит. Опять подумала о портвейне: на столе бутылка выглядела все же

нарочито, убрала ее на нижнюю полку столика. Не хотела, чтобы Брайан заподозрил, что портвейн куплен специально по случаю их первого делового свидания. Распечатала бутылку и выпила немного — надо было взбодриться. Вкатила столик в гостиную, включила все светильники, задернула шторы, прячась от утреннего солнца. Сняла Моуриса со стены и унесла в спальню, по дороге шепотом извиняясь перед ним за доставляемые неудобства. Спрятала одинокие, грустные усы зеркального друга под кровать. Снова вернулась в гостиную, положила открытое меню на каминную полку, перед кушеткой, которая должна была стать основным местом действия. Присела на нее, чтобы понять, будет ли виден список. Немного отодвинула кушетку и отошла к дверям, в последний раз проверить, все ли в порядке. С ее точки зрения, комната выглядела очень романтично: наверняка это должно способствовать успеху их начинания. Сделала еще пару глотков портвейна для храбрости: нервозность все возрастала. Сейчас ей хотелось, чтобы все произошло как можно скорее и скорее закончилось и она могла бы наконец поставить победную галочку в дневнике. Открыла сумку и проверила деньги. Все четыре фунта мелкими купюрами

и монетами были на месте, ими она собиралась расплачиваться. Мисс Хоукинс специально ходила в банк, чтобы разменять банкноты: ведь, если у Брайана не найдется сдачи, он наверняка вынужден будет предложить ей некоторые услуги в рассрочку. Основной принцип ее жизни гласил: не покупать ничего, за что ты не можешь заплатить. Собрала деньги в аккуратные небольшие стопки на маленьком столике у кушетки. Она сядет как раз с этой стороны, так что деньги будут все время под рукой и в то же время скрыты от его глаз.

К двенадцати все было готово. Мисс Хоукинс приняла душ и надела свое лучшее платье. Она преднамеренно осталась в домашних тапочках, чтобы разбавить официальный, деловой вид и придать некоторый оттенок повседневности необычному событию. Маленькими, нервными глоточками она отпила еще немного портвейна — теперь в бутылке осталась только половина живительного напитка. Внутри все трепетало. Ее недавняя общая нервозность теперь сконцентрировалась на качестве испеченного ею бисквита. Чтобы немного снять напряжение и успокоиться, она отрезала кусочек, обмакнула его в портвейн и нашла, что получилось весьма неплохо. Делать

ей было больше нечего, оставалось только ждать прихода Брайана. Устроилась на выбранном месте на кушетке и принялась медленно и внимательно читать вслух первые два раздела меню, как будто находилась на приеме у офтальмолога. Заключительный раздел списка Брайана оставался закрытым. Сегодня ей не понадобятся эти услуги. Определенно не сегодня, а может быть, и никогда. «Никогда, никогда», — повторяла она себе. Даже если когда-нибудь она и захочет, эти блюда не для нее: она не сможет заплатить и половину их цены. Хотя она и отдавала себе в этом отчет, чтение этих запретных пунктов действовало на нее возбуждающе. Они манили и искушали ее. Взяла папку и открыла запретный раздел. Вжалась в угол мягкого плюша кушетки и начала громко читать. Каждое последующее предложение было все более притягательно, чему соответствовали все возраставшие цифры в колонке цен. Последнее, заключительное и самое изысканное блюдо относилось к явно царским удовольствиям и стоило пятьдесят фунтов. Чтение горячих блюд окончательно выбило ее из колеи, да еще убийственные цены: через плотные домашние тапочки она заметила, как дрожат пальцы ног. Да, она вся дрожала в нетерпеливом

желании. Снова перечитала третий раздел, стараясь убедить себя, что этого вполне достаточно. Уговаривала себя, что, читая, она как будто произносит молитву и переход от слов к действиям вовсе не обязателен. В самом деле, в этом нет никакой надобности, даже если бы Брайан предложил ей этот раздел бесплатно. Но усерднее всего она молилась сейчас о том, чтобы дневник никогда не повелел ей вкусить эти яства.

Мисс Хоукинс уже очень давно была далека от религии и не жила строго по заповедям, но она продолжала свято верить в существование небесного рая и вечного ада. Она твердо знала — это было накрепко вбито в ее голову еще в приюте, — что осквернённую девственницу, не вышедшую замуж, несомненно, ожидает адский огонь в преисподней и приговор этот обжалованию не подлежит. До сих пор хорошо помнила напутственную речь матроны перед первым рабочим днем на кондитерской фабрике «Твое удовольствие». Это был их последний день в сиротском приюте. Все девочки волновались и стояли сбившись в стайку, словно маленькие, плохо обученные птички накануне первого перелета. Перед ними простиралось пьянящее море свободы и сладостей, и зачем им теперь были

мудрые предостережения матроны: они были почти свободны, и навсегда. Наставница обращалась к своим воспитанницам в последний раз. Но и сейчас, в двух шагах от своего освобождения, приютские выпускницы все еще по привычке, дрожа от ужаса, слушали ее горькие и мрачные слова о ненависти, неверии и адском огне.

— Никогда не забывайте, откуда вы пришли, — грозила она им. — Вы пришли ниоткуда, и это легко запомнить. У вас не было отцов, ваши матери тоже не в счет — они все падшие женщины, падшие для Господа.

— Моя мать не такая, — воспротивилась этим обвинениям Хоукинс, хотя никогда не видела своей матери и даже не знала ее имени. — Моя мать была хорошей женщиной, — продолжала бесстрашная выпускница.

Матрона понимала, что, к сожалению, эта девчонка уже больше не принадлежит ей и время воспитания водой и хлебом безвозвратно ушло. Что она могла теперь? Только плюнуть напоследок в сторону непокорной…

— Я вижу, Хоукинс, по какой дорожке ты пойдешь. Ты закончишь свои дни так же, как и твоя беспутная мать, на улице, в болезнях и нищете. Но вы, остальные девочки, — она повернулась

спиной к Хоукинс, — я надеюсь, что вы послушаетесь моего совета.

Хоукинс смотрела не мигая на побагровевшую накрахмаленную шею матроны.

— Когда бы вы ни встретились с мужчиной, — быстро проговорила она, — скрестите и сожмите свои ноги до тех пор, пока не окажетесь у алтаря. Или, я обещаю, гореть вам в вечном аду. Аминь.

Все содрогнулись от этих слов. К Хоукинс напутствия не относились, но всю свою последующую жизнь на сладкой фабрике, под скамейкой, под лавочкой или у кассы, ее ноги всегда были плотно сдвинуты и закрыты на замок.

Мисс Хоукинс посмотрела на свои колени и с испугом заметила, что они как будто завязаны рифовым узлом. Задрожала от страха и гнева. Кинулась к вязанию и вязала, снова прогоняя матрону прочь. Ей хватило сантиметров двенадцати желтовато-зеленой полосы, чтобы утопить злобный призрак. Брайан должен был вот-вот прийти. Отложила шарф и выпила большой глоток портвейна.

Раздался звонок. Расцепила ноги и поправила платье. Подождала, пока звонок не повторился. Щеки пылали, ее всю трясло — все выдавало ее волнение и нетерпение. Медленно встала и по-

шла в прихожую, стараясь представить себе, что она никого не ждет и искренне удивлена, кто бы это мог быть и зачем. Когда мисс Хоукинс открыла дверь, ее лицо выражало недоумение. Перед ней стоял Брайан, покручивая в руках шляпу.

— Здравствуйте, — сказал он, нисколько не смущаясь.

Его движения были порывисты и решительны, он был настроен по-деловому.

— Можно войти? — спросил он бодро, как будто не хотел терять драгоценное время. Или его ждала уже другая клиентка? И в самом деле, другая клиентка уже был найдена с легкой руки и по наилучшей рекомендации Виолетты Макинс. Его первый опыт с Виолеттой прошел как нельзя лучше. Она сосредоточилась на первых двух разделах списка, но Брайан был уверен, что нужно только немного терпения и времени и разбуженная жадность заставит ее попробовать и основные блюда меню. Аппетит, с которым добродетельная вдова поглощала пока только закуски, был поистине неуемным. Свидание так вдохновило ее, что она тут же дала Брайану имя своей подруги, которую сама посвятила в детали его бизнеса. Та выразила непременное желание видеть Брайана у себя дважды в неделю, как и сама Виолетта. Поэтому

Брайан надеялся на успешное продвижение и при тактичном и быстром накоплении клиенток и хорошей репутации уже готов был перейти к партнерским отношениям с ними. Сейчас перед ним была мисс Хоукинс. Он понимал, что она не из той расточительной породы клиенток, что должна принести процветание его бизнесу, но, несмотря на это, чувствовал к ней странную и сильную привязанность. Брайан был в деле всего неделю, но уже легко мог разглядеть невинность — мисс Хоукинс трепетала непорочностью. Он прошел за ней в гостиную.

— Я поставлю чайник, — сказала она, убегая в кухню, чтобы не видеть его реакции на задернутые шторы, портвейн и кушетку в укромном уголке.

Брайан сел; обстановка его вполне устраивала. Сразу заметил полупустую бутылку портвейна и решил, что пару пунктов меню подарит мисс Хоукинс. Если бы она узнала о его внезапной щедрости, это нисколько не обрадовало бы ее. Сегодня ей было предписано сделать вклад ровно в четыре фунта. Таков был приказ, и он не обсуждался. Залила кипящей водой чай и, переминаясь с ноги на ногу, ждала, пока чайные листочки заварятся. Приближался момент, когда уже нельзя

будет оттягивать свидания. С другой стороны, она стремилась побыстрее завершить сегодняшнюю встречу и отметить приказ дневника. Вернулась в гостиную с чайником.

— У вас очень уютный уголок, — сказал Брайан.

Ему, конечно, больше нравилась гостиная Виолетты. Вероятно, старинное серебро, семейные фото в рамках — все это делало дом живым и говорило о богатом прошлом, перетекавшем в настоящее. Гостиная мисс Хоукинс выглядела пустой и одинокой, а главное — абсолютно бесплодной. Здесь не могло быть никакой истории, никаких завещаний и никаких продолжений. Так было всегда: эту гостиную без лица всегда можно было переделать или забыть в одно мгновение без сожалений и лишних сантиментов.

— Здесь очень удобно для одного человека, — ответила мисс Хоукинс. Она вспомнила о Моурисе под кроватью и, к своему ужасу, почувствовала себя участницей адюльтера. — Возьмите сахар.

Он отрицательно качнул головой:

— Мне и так сладко.

— Но тогда, может, бисквит, — настаивала она, уже отрезая ему кусочек.

Эти церемонии и чай — отсрочка основного

действия. Вся эта прелюдия была очень важна и нужна мисс Хоукинс, но не ее гостю. Брайан с пониманием относился ко всем этим неловким хитростям: по своему, пусть и короткому, опыту он уже знал, что предварительная подготовка — очень хорошая приправа для основных блюд его меню.

— Давайте присядем, — предложил он, похлопывая по плюшу.

Заметил аккуратные стопки мелочи на столе. Примерно оценил приготовленную сумму и был удивлен ее решимостью: его стареющей пояснице придется сегодня потрудиться. Наконец она устроилась рядом с ним. Колени автоматически сомкнулись.

— Вам очень идет ваш наряд, — подбодрил он ее.

Комплименты были бесплатным, но весьма действенным дополнением в его бизнесе.

— Благодарю вас.

Она в самом деле была признательна ему за то, что он все еще видел в ней прежде всего женщину, а не просто клиентку — потребителя услуг.

— Вы уже решили, с чего мы начнем? — спросил он и поставил чашку на стол. Он был на удивление решителен и готов приступить немедленно.

— Я не отказалась бы от глотка портвейна, — трусила она. Не разжимая сомкнутых коленей, дотянулась до бутылки. — Может быть, и вы?

— Спасибо. Думаю, достаточно чая.

— О, я тоже могу обойтись, — добавила она быстро: похоже, он был смелее и опытнее ее. — Вы ведь раньше не занимались этим? — спросила она, желая еще раз удостовериться в их обоюдной невинности и неопытности.

— Конечно нет, — ответил он, вспоминая полезные уроки Виолетты. — Я просто не очень люблю портвейн. Это дамский напиток. Так что он для вас.

Она послушалась и наполнила рот портвейном. Потом сделала большой глоток и съежилась на кушетке. Больше не было ни одного повода для отсрочки деловой части свидания.

— Я думаю, начнем с первого раздела. Я подсчитала, и это все составляет один фунт. И я предпочла бы заранее оплатить.

Она взяла маленькую кучку и передала деньги Брайану. Он не глядя, поскольку уже давно пересчитал монетки со своего места, положил первый гонорар в карман брюк.

— Может, погасим свет?

Виолетта тратила гораздо больше денег в

темноте, да и чувствовала себя значительно раскованнее.

Мисс Хоукинс снова была благодарна ему за чуткость.

— Да, конечно, — сказала она, поднимаясь с кушетки. — Сейчас я все сделаю.

Она выключила все светильники, еще плотнее задернула шторы, не давая просочиться ни единому лучику. В полнейшей темноте ощупью вернулась к своему месту. Почти свалилась на кушетку рядом с ним, надеясь, что темнота поможет ей забыть о нарушении всяческих мыслимых приличий. Но в кромешной тьме она не видела раскрытого меню на каминной полке.

— Теперь я не вижу списка.

— Не переживайте. Я помню наизусть.

— Я тоже, наверное, — хихикнула она.

— Итак, начнем и пройдемся по первому разделу.

— Но только по первому, — добавила она, все еще защищаясь. — Дальше посмотрим.

— Все будет прекрасно, — напутствовал Брайан. — Иначе и быть не может, правда?

Она была готова. Пусть будет так.

Он взял ее руку, но не как прежде, когда показывал эту услугу в качестве примера, дразня ее.

Теперь он обхватил всю руку, как научила его Виолетта, пожимая и поглаживая каждый миллиметр кожи, с особенным усилием надавливая на ладонь. Мисс Хоукинс почувствовала боль, но это даже понравилось ей. Она была готова платить вновь и вновь, приближаясь к краю своей боли и его жестокости. Он переходил от пункта к пункту, ненадолго останавливаясь на каждом и приглашая мисс Хоукинс к новым заказам. Она же хотела повторения пройденного. Заплатила снова К своему ужасу, почувствовала возбуждение в тех частях своего тела, которые упоминались только в запретном третьем разделе. Ей требовалась экстренная передышка, чтобы глотнуть немного воздуха Сказала Брайану, что потратила ровно половину намеченной суммы. Снова предложила ему портвейна, но на этот раз сама решила воздержаться от проверенного стимулятора — иначе все ее небольшие сбережения на черный день были бы уничтожены одним махом. Отодвинулась подальше от Брайана и вдруг заметила, что колени ее свободны и не стиснуты. В памяти опять всплыли угрозы матроны о вечном проклятии. Но она истратила всего лишь два фунта — едва ли эта сумма достойна даже легкого поощрения ее повелителя. Да и вечное

проклятие, если оно существует, наверняка стоит значительно дороже. Но на всякий случай она пообещала себе, что не зайдет слишком далеко. Снова придвинулась к Брайану, чтобы он на бис повторил второй раздел.

Взяла третью горстку монет, стыдливо ожидая возобновления услуг второго раздела. Брайан видел, что она хочет повторить заказ. Он помнил о другой клиентке, назначенной на сегодня, поэтому в темпе пробежался по пунктам. Его успех превзошел самые смелые ожидания, когда в конце он услышал восхищение и дрожь в ее голосе: «Еще, еще». Она уже держала в руках последнюю горстку монет. И он снова повторил второй раздел, на этот раз медленнее: неловко было так, в открытую, жульничать и наживаться на ней. Снова подойдя к завершению второго раздела, он сказал:

— На сегодня все. Я должен возвращаться домой, к матери. Надеюсь, вы довольны?

Мисс Хоукинс с усилием стиснула непокорные колени. Она уже решила, что в следующий раз, когда он будет ее обслуживать, она непременно свяжет их. Конечно, сам Брайан мог бы сделать это — связать ее ноги, туго, очень туго, до пронзительного и сладостного ощущения боли. Это

будет дополнительная, не предусмотренная в меню услуга, поэтому она будет бесплатной.

— Да, мне очень понравилось, — сказала она, вставая. — Вы сможете прийти в следующий понедельник?

— С удовольствием. Я и сам получил удовольствие. Как и вы, надеюсь?

Он как будто напоминал себе, что и он новичок в этой игре, и невинное заигрывание было очень кстати.

— С каждым разом будет лучше и лучше, — пообещал он.

— Замечательный способ вкладывать деньги, — продолжила мисс Хоукинс. — Как вы распоряжаетесь моими деньгами?

— Не волнуйтесь, Джин, все в порядке.

Брайан назвал ее по имени, и это было самым убедительным из всех возможных доказательств его преданности и искренности.

Мисс Хоукинс смотрела, как он выходил из ворот, и помахала ему на прощание. Ей не пришло в голову проводить его через черный ход, как это сделала осторожная Виолетта. Мисс Хоукинс попросту не стыдилась всего, что только что произошло в гостиной. Ведь это было невинное откровение — почти исповедь, а даже матрона

сочла бы, что это полезно для души. Мисс Хоукинс закрыла дверь и вернулась в свою исповедальню. Она сидела в темноте, снова переживая сегодняшние безумные покупки. Еще утром, до свидания с Брайаном, собиралась пригласить Моуриса на обед, но сейчас неожиданно почувствовала, что ничего не хочет рассказывать ему. Не хочет делиться своим свиданием ни с кем, потому что оно принадлежит только ей. И еще, она была абсолютно обессилена. Лучше всего сегодня пораньше лечь спать и увидеть романтический сон. Но вначале ей предстояло получить победную, радостную красную галочку. Открыла дневник. Да, она потратила, как ей и было предписано, сумму большую, чем следовало по всем разумным расчетам. Сделала отметку о выполненном приказе с нескрываемым удовольствием. Убрала чайный столик, раздвинула шторы, впуская в комнату слабый свет уходившего дня. Медленно и аккуратно разделась, как всегда с закрытыми глазами, но ощущая свое тело по-новому и с глубокой нежностью дотрагиваясь до него. Уютно свернулась между простынями. Рогоносец Моурис так и остался лежать под кроватью.

ЧАСТЬ 2
Глава 11

Дневнику мисс Хоукинс исполнилось три года. Она перелистала тысячу исписанных страниц, усеянных кроваво-красными галочками ее послушания. Все это время она честно служила своему повелителю, и большая часть срока была уже позади. Только иногда она вдруг задумывалась о том, что будет делать, когда станет абсолютно свободна от обязательств. Старалась поскорее прогнать эти дурные и тяжелые мысли, потому что с самого начала знала: дневник — лишь временная отсрочка ее собственного, когда-то принятого решения. Ей все же придется самой что-то делать со своей жизнью. Сейчас она уже не была готова исполнить то свое прежнее решение. Ее жизнь совершенно изменилась за последние годы, и она научилась получать удовольствие. Это определенно нравилось ей, от былого страха не осталось и следа. Мисс Хоукинс теперь не чувствовала никакого греха в том, чтобы любить себя и доверять себе. Еженедельные свидания стали для нее привычным ритуалом, а Брайан

— единственным и постоянным духовником. Она, правда, терялась пока при мысли о возможном продолжении жизни без дневника. Правдой было и то, что она поклонялась и одновременно ненавидела маленькую зеленую книжку, повелевавшую ее жизнью, и понимала, что все больше и больше подчиняется воле тирана, без которого абсолютно беспомощна. Конечно, мисс Хоукинс могла пойти на некоторую хитрость и купить себе еще пять лет повиновения, но в этом была бы явная фальшь и искусственность. Ее настоящий и единственный дневник был получен от других, прежних ее повелителей, и от нее требовалось лишь повиновение и исполнение чужих приказов.

Так встречала мисс Хоукинс первый новогодний день четвертого года ее приговора. Пора наконец оглянуться назад и подвести итоги, что она бесконечно откладывала до лучших времен. За эти три года мисс Хоукинс сделала серьезные вклады в церковь Брайана — более тысячи фунтов. Она ни разу не притронулась к блюдам третьего раздела меню, скорее по моральным соображениям, чем из чувства самосохранения. До сих пор одно лишь чтение недозволенных удовольствий раздувало адский огонь ее вооб-

ражения. Ко всем непосредственным тратам прибавились еженедельные расходы на хороший домашний бисквит, непременную бутылку портвейна и свечи. После первых встреч Брайан предложил добавить немного света в их свидания. Он хотел быть уверенным в том, что точно выполняет заказанную услугу и она соответствует объявленной цене: ведь иногда разница была почти незаметной, а стоимость удваивалась. Мисс Хоукинс не получала ничего даром, а тени свечей и романтическая обстановка их встреч пробуждали в ней светлые ощущения исповеди и истинного откровения. Ко всем расходам «на удовольствия» давно прибавились и стали постоянными траты на шерсть: она продолжала бороться с бесконечными приступами гнева и тоски. Шарф, если сейчас это можно было так назвать, достиг уже трех метров.

Мисс Хоукинс сопротивлялась и откладывала, но теперь настало время сравнить холодные колонки цифр доходов и расходов. Доходы остались прежними, без изменений — пенсия и проценты, а сбережения с каждым днем таяли. Это огорчало ее. Как же Брайан поступил с ее вкладами? Он никогда и ничего не сообщал ей об этом, хотя тысяча фунтов была суммой, вполне достойной

внимания, к тому же уверенность в удачном помещении капиталов обрадовала и приободрила бы сомневавшуюся мисс Хоукинс. Она иногда сама обращалась к этой теме, но Брайан отделывался лишь улыбкой и односложными заверениями, что все в порядке. Мисс Хоукинс уже и вовсе не знала, богата она или бедна. Изредка, как бы между прочим, она касалась вопросов брака и замужества, не своего, конечно, а вообще, и Брайан никогда не высказал ни единого возражения. Он, безусловно, считал, что в один прекрасный день их руки соединятся без всякой предоплаты. И к чему же тогда были ее придирки и брюзжание по поводу неясной судьбы сбережений, если он был настроен в конечном счете на свадебный марш? Нет, она вовсе не хотела испортить такой чудесный финал. Она продолжала мучиться и сомневаться и ненавидела в такие черные дни и себя, и Брайана. Все свое нетерпение и отчаяние она завязывала в разноцветные узелки нескончаемого вязания.

Мисс Хоукинс снова отложила дневник в сторону и решила прекратить бесполезные раздумья и подсчеты. Приходилось признать, что у нее все равно нет достоверных данных и фактов для четких и правильных выводов. Посмотрела на часы.

Совсем скоро откроется «Пиратское оружие». За эти годы она стала завсегдатаем заведения. Теперь там ее ждал постоянный столик в углу у стойки. Никто из посетителей и не пытался занять это место, потому что оно принадлежало мисс Хоукинс. Первым делом она выкладывала на стол свою сумочку, книгу и, в периоды горьких воспоминаний и смутных предчувствий, спицы и разноцветные клубки шерсти. Вечный шарф уже давно стал притчей во языцех всех без исключения клиентов бара: он только подчеркивал неординарность и экстравагантность его хозяйки. И тем не менее, несмотря на то что никто ничего не знал о ней, все относились к мисс Хоукинс с большой теплотой. Никто и никогда не осмеливался задать ей лишнего вопроса, потому что она давно и сразу определила четкие границы дозволенного. Обычно мисс Хоукинс появлялась в баре к вечеру и заказывала свой постоянный напиток, но сегодня в связи с праздниками заведение принимало посетителей с самого утра. Этим утром мисс Хоукинс уже сидела за своим столиком, как всегда, потягивая непременный портвейн с лимоном. Она надеялась, что этот новый год принесет изменения в ее жизнь и подарит ей новую фамилию. Вдруг

ее лицо побелело: вспомнила, что перед уходом из дому забыла записать приказ дневника. Как она могла выйти из дому, не получив указаний повелителя? За прошедшие три года такого с ней еще не случалось. Не все повеления дневника были связаны с Брайаном: их круг был довольно широк. Как-то, например, ей было предписано искупаться в местном бассейне, и она впервые в жизни окунулась в воду в компании посторонних. Однажды дневник отправил ее на мусорную свалку, и ей пришлось рыскать там впотьмах до самой ночи в поисках названных хозяином сокровищ.

Сейчас ее охватила настоящая паника — она впервые пренебрегла волей своего повелителя.

Ее колотило, как заядлого наркомана, лишенного спасительной дозы. Залпом проглотила остатки портвейна с лимоном. Краем глаза заметила на себе пристальные взгляды веселившихся вокруг посетителей бара. Стремительно поднялась со своего стула и произнесла скороговоркой:

— Кажется, оставила включенной плиту.

Выбежала прочь, стыдясь себя, и понеслась домой, послушная зову своего маленького бумажного тирана.

Уже давно было заведено и стало непременным ритуалом начинать новый год празднично украшенной страницей. В дневнике была даже выделена специальная колонка «Новогодние обещания»; все предыдущие годы это место оставалось незаполненным. Мисс Хоукинс клялась и выполняла свои клятвы изо дня в день весь год. «Новогодние обещания» напоминали ей детскую забаву и развлечение, а она не играла в игры дилетантов: она ответственно и скрупулезно исполняла принятые обязательства. Перелистнула нарядную страницу — ее рука лежала теперь на девственно чистом листе нового года. Она чувствовала: нетронутая белизна взывает к новым драматическим переменам и событиям в неведомом будущем. Мисс Хоукинс старалась не задумываться над предстоящим приказом дневника: наверное, надо позволить себе все, что неожиданно придет в голову, каким бы причудливым или простым ни оказалось это первое в наступившем году приказание. Но она знала наверняка: это будет серьезный приказ, поэтому потребуются все ее мужество, храбрость и хитрость. Написала заглавными буквами вверху страницы, еще не осознавая, что фактически приказывает себе пройти через новые испытания:

«ЗАКАЗАЛА СВАДЕБНОЕ ПЛАТЬЕ». Только когда оторвала руку от бумаги, поняла, какую сложную задачу задал ей сегодня повелитель — заказать платье в праздничные дни, когда все закрыто и все на каникулах. Несмотря на то что приказ казался ей практически невыполнимым, стирать написанную строчку было уже слишком поздно. Внутренне была уверена, что ее решимость и желание исполнить любую волю повелителя сильнее всех препятствий. Застегнула пальто и снова вышла из дому.

Мисс Хоукинс опять шла к «Пиратскому оружию». Во-первых, хотела продолжить празднование Нового года еще одной порцией портвейна с лимоном, да и потом, ее стремительный побег предполагал скорое возвращение и она надеялась, что посетители бара ждут ее. Кроме всего прочего, теперь, после полученного сложного приказа, она, как никогда, нуждалась в дополнительной поддержке. Ей была просто необходима лишняя порция портвейна с лимоном и сигарета — ее верные и надежные спутники. Никогда прежде она не курила, но новые обстоятельства жизни многое изменили и в ее вкусах: теперь ей нравился портвейн, и сигареты тоже. Хотя она стремилась удержаться в рамках своей все-

гдашней рациональности и экономности, но, как выяснилось, пристрастие к алкоголю неудержимо влечет к курению… Разрешила себе и это удовольствие.

Опять вспомнила о своих незавершенных подсчетах, но, по крайней мере, статьи расходов были абсолютно ясны, и не было оснований урезать свой бюджет именно за счет сигарет. Заглянула в газетный магазинчик рядом с баром. Там было немного народу. Дожидаясь своей очереди, глазела по сторонам и читала небольшие рекламные объявления на стекле витрины. Предлагались комнаты внаем, стиральные машины на продажу, уроки французского от истинного носителя языка. Чуть ниже учителя французского миссис Дэйзи Черч сообщала о своих услугах по пошиву одежды. К сожалению, в объявлении отсутствовал номер телефона, но, судя по адресу, она жила совсем близко от магазина. Мисс Хоукинс обрадовалась нежданной находке и повторяла про себя адрес, пока не выучила его наизусть. Продавщица уже смотрела вопросительно на мисс Хоукинс.

— Я вас слушаю. Что вы хотите?

— Свадебное платье, — ответила мисс Хоукинс.

От неожиданности девушка сдавленно хмыкнула:

— С вас двадцать, и с Новым годом.

Проговорившаяся и смущенная, мисс Хоукинс в ответ задиристо хихикнула, притворяясь, что это всего лишь подготовленная шутка.

Продавщицу обескуражила экстравагантная и нелепая выходка покупательницы. Она быстро передала сигареты, чтобы поскорее выпроводить даму. «Сколько странных людей захаживает к нам!» Мисс Хоукинс стремительно вышла и тут же, у дверей, закурила. За эти годы вся ее прежняя осторожность и предусмотрительность улетучились без следа. Полученный ею сегодня приказ и вовсе не предполагал никакого благоразумия, поэтому и предосторожность больше ни к чему. Она шла решительным шагом, повторяя адрес портнихи между глубокими затяжками сигаретой.

Миссис Черч старалась не выказывать своего удивления, когда увидела немолодую женщину у своего порога. Уже давным-давно клиенты почти перестали наведываться к ней. Она все еще продолжала давать еженедельное объявление в газете: это ни к чему не обязывало и стоило недорого. Чаще всего клиенты попадали к ней по рекомендации, в основном приходили женщины нестандартных размеров и форм, которые не могли купить готовую одежду. Окинув мисс Хоукинс

профессиональным взглядом, миссис Черч определила ее стандартный четырнадцатый размер: перед ней стояла женщина, которая могла легко одеться в любом магазине. Если она пришла к ней, значит, хотела чего-то необычного, деликатного и интимного.

Миссис Черч пригласила свою посетительницу пройти в мастерскую. Комната встретила их затхлым запахом давно не проветривавшегося помещения.

— Я надеюсь, вы не очень спешите, — сказала миссис Черч, чувствуя настороженность клиентки. — Свалилось так много работы.

Я обшиваю свадьбу, она назначена через три недели, — тут же придумала она. — Три платья для подружек невесты и еще для матери невесты. Просто рук не хватает.

У мисс Хоукинс отлегло от сердца — она пришла по правильному адресу и попала к настоящему мастеру, именно это ей и было нужно.

— Да нет, я не так уж спешу. Я выхожу замуж через шесть месяцев.

Шесть месяцев она выбрала наугад и лишь для того, чтобы дать понять миссис Черч, что не собирается подгонять ее.

— Мои поздравления, — приняла игру портни-

ха. — Вы, конечно, уже были замужем.

— Это мое первое замужество, — горделиво отрезала мисс Хоукинс. — Не потому, конечно, что не было предложений, просто я всегда была слишком разборчивой.

Миссис Черч уже невольно сочувствовала ей.

— Какой цвет вы предпочитаете, дорогая?

«Неужели она не поняла меня?» — подумала мисс Хоукинс.

— Я впервые выхожу замуж, — твердо припечатала она, — поэтому хочу быть в белом платье.

Она и не думала скрывать хранимую долгие годы девственность, несмотря на то что упоминание об этом грозило ей потерей ласкового обращения «дорогая». Еще мисс Хоукинс точно знала, что в соответствии с расценками Брайана расставание с невинностью обошлось бы ей в значительную сумму. Часто искушение подступало к ней совсем близко, и каждый раз она находила в себе силы противостоять его оскорбительным атакам. В общем, она гордилась собой, и не было ни единой причины скрывать это от миссис Черч.

— О, замечательно, — ответила портниха. Ей явно не хватало энтузиазма для продолжения игры. — Вы уже решили, какой фасон выберете?

— Я бы посмотрела журналы!

Миссис Черч открыла шкаф и вытащила стопку старых журналов. Она положила их на рабочий стол и открыла на свадебном разделе. Мисс Хоукинс сразу заметила, что платья из этих журналов невесты надели лет десять назад. Миссис Черч, тут же уловившая опасность, поспешила уверить клиентку, что хорошо забытое старое сейчас опять входит в моду. Мисс Хоукинс остановилась на белом длинном наряде, стянутом в талии, с длинным шлейфом и детским воротником, как у Питера Пэна. Она решительно указала пальцем на это белоснежное облако.

— Мне нравится вот это.

Миссис Черч непроизвольно моргнула.

— А может, вот этот фасон подойдет вам больше? — предложила она, показав на солидную даму, больше похожую на мать новобрачной. — Или вот это. Это очень модно сегодня.

Она старалась как можно более деликатно убедить бедную женщину, что надо соответствовать возрасту. Ведь, несмотря на сохраненную чистоту и невинность, ее молодость давно отцвела. Но мисс Хоукинс уже приняла решение и не собиралась сдаваться.

— Я хочу именно это, — снова отчеканила

она. — Это мой день.

Как будто миссис Черч и впрямь собиралась отнять этот день у нее.

— И я хочу выглядеть как можно лучше.

— Да, разумеется. Давайте снимем мерки.

Мисс Хоукинс сняла пальто и покорно замерла. Никогда раньше она не шила у портнихи и теперь готова была отдать всю себя в руки мастера. Как и предполагала миссис Черч, у ее клиентки был стандартный четырнадцатый размер, а значит, никаких подгонок в выкройках не требовалось. Портниха уже подсчитывала вслух:

— Боюсь, вам необходимо купить довольно много материала. Только на юбку уйдет почти семь метров. Всего одиннадцать. Одиннадцать метров тяжелого белого атласа. Да, это будет великолепно.

Она старалась думать только о платье, не замечая модели. И оно живо предстало в ее воображении во всем своем королевском великолепии настоящего творения высокой моды.

— А что вы скажете о фате? — не унималась мисс Хоукинс.

Этот вопрос прервал мечтания миссис Черч и вернул ее на землю. Она все же вынуждена была возразить:

— Может быть, лучше остановимся на более скромном головном уборе?

— Я хочу диадему.

В миссис Черч снова проснулась жалость к несчастной: только бы не видеть всего этого своими глазами.

— Ну что ж, на ниспадающую фату понадобится четыре метра шелкового тюля. Сам венок вам нужно будет купить отдельно.

Мисс Хоукинс все устраивало, она была воодушевлена.

— О, я завтра же пойду за покупками, — сказала она, — и на обратном пути занесу вам материал. Я ведь живу совсем близко, и мне ничего не стоит зайти к вам в любое удобное для вас время.

— Но я освобожусь только через месяц, — сказала миссис Черч, снова вспомнив о своей безумной занятости.

— Да-да, конечно. Это неважно. Просто я хочу, чтобы у вас все было под рукой.

Пока мисс Хоукинс надевала пальто, миссис Черч старалась не смотреть на бедную молодящуюся женщину. Мисс Хоукинс переполняло счастье, она чувствовала себя почти девушкой на выданье и от этого выглядела еще более нелепо. Еще раз добрая миссис Черч попыталась предо-

стеречь свою клиентку от глупостей.

— А какое платье было на вас, когда вы шли под венец? — спросила мисс Хоукинс.

— Примерно такое, как выбрали вы. Но мне было восемнадцать.

— Возраст живет в нашем сердце, моя дорогая, — улыбнулась мисс Хоукинс. — У вас был ваш день. Я жду моего.

— А в чем будет жених? — позволила себе еще один вопрос миссис Черч.

Она заметила, как изменилось выражение лица невесты.

— Он будет в цилиндре и во фраке, разумеется, — ответила мисс Хоукинс после некоторого раздумья, припоминая героев Фреда Астера из старых фильмов.

Миссис Черч было абсолютно ясно, что никакого жениха не существует и одинокая женщина запуталась в своих мечтаниях и придуманных образах. Увидит ли она ее когда-нибудь снова?

Мисс Хоукинс вернулась домой и закурила. Внутри все ныло, и не было никакого ощущения успеха. Даже красная галочка в дневнике не могла унять охватившую ее серую тоску. Она понимала, что возражения миссис Черч по поводу выбора платья и расспросы о костюме жениха

лишь раскрыли ее собственную неуверенность в достоверности и реальности событий, которые она так деловито создавала и старательно приближала. Чтобы заглушить обрушившуюся волну злобы, ей требовалась «вязальная терапия».

Она глубоко затянулась сигаретой, зажав ее зубами в уголке рта, и зажмурила правый глаз, чтобы дым не ел глаза и не мешал процессу. Вспомнила невесту из журнала и легко представила себя на ее месте. На душе отлегло, и она уже легко думала о завтрашнем походе за тканью. Июнь и впрямь был самым подходящим временем для торжественной церемонии, и дневник к этому времени обязательно приведет ее к алтарю. Она раздумывала, где же они устроятся потом. Ей не нравилось у Брайана, ее квартирка представлялась ей более уютным семейным гнездышком. Мисс Хоукинс разрешила себе немного портвейна и со стаканом в руке пошла по комнатам, намечая необходимые изменения в привычной обстановке, чтобы ее будущему мужу было комфортно здесь. Вошла в спальню. С кроватью все в порядке: она и так предусмотрительно двуспальная.

Мисс Хоукинс невольно поежилась при мысли о новых, незнакомых супружеских обязанностях. Гардероб, конечно, маловат, но в комнате есть пу-

стая стена, там можно поставить точно такой же. Всем остальным пространством она щедро поделится с Брайаном — например, отдаст ему две нижние полки для белья. Немедленно бросилась освобождать только что подаренное Брайану пространство. Через полчаса все было устроено, она была рада столь быстрым и удачным переменам. Прошла мимо кухни. На кухне, естественно, как и прежде, будет командовать она, поэтому изменений не потребуется. Так же, как и в гостиной, ну, если только ему захочется принести какие-то свои памятные или необходимые вещицы. Подошла к гостевой, всегда пустующей комнате с узкой кроватью: теперь она может иногда им понадобиться, когда захочется отдохнуть друг от друга. Мисс Хоукинс догадывалась, что хороший брак время от времени нуждается в некоторых передышках. Да, из всего этого выйдет уютный семейный дом, и все, что нужно, — освободить пару полок для одежды. Да, еще мать Брайана. Ну что ж, если она не утопит себя в своем «недержании» в течение года, придется расстаться с нею. Этот вопрос, очевидно, следует обсудить с Брайаном. Она находила все больше и больше тем для совместного обсуждения и понимала, что лучше отрепетировать серьезный разговор

заранее. Сегодня же пригласит Моуриса на обед. Да, непременно. Но сначала надо очистить гостевую комнату от ненужного старья и хлама. У Брайана будет много личного пространства здесь, в этом его новом доме, и он поймет, как много свободы приобрел, став супругом. Он получит еще некоторые привилегии, ведь она займется домашним хозяйством (почему-то первое, что пришло в голову, — стирка и штопка его носков). Но не следует слишком увлекаться и взваливать все на себя. Пока, до свадьбы, все останется по-прежнему, на своих местах. Ее мысли снова устремились к светлому, летнему, счастливому дню, дню ее свадьбы, — она и не заметила, как настало время ужина. С уборкой комнаты придется повременить, она ведь пригласила Моуриса.

Мисс Хоукинс накрыла на стол, нежно повесила Моуриса на стену. Уже очень давно они не сидели друг напротив друга, и она чувствовала свою вину перед ним. Зажгла свечу в центре стола и пригласила Моуриса вместе с ней отметить знаменательное событие. Села и улыбнулась ему.

— Желаю тебе самого счастливого нового года.

Он кивнул в ответ и улыбнулся, желая ей того же.

— Моурис, — начала она, — я хочу поговорить

с тобой о моем будущем.

Она знала, что не должна спрашивать его ни о чем, потому что невольное молчание верного друга разобьет хрупкую иллюзию его присутствия и она не сможет обманывать себя и дальше в том, что обедает не одна.

— Я… Брайан меня немного огорчает, — продолжила мисс Хоукинс.

Она надеялась, что если она выскажет, выпустит все горькие слова наружу, то это успокоит душу и не будет больше мучить и сверлить ее.

— Мои вклады, — проговаривала она каждый слог, — на сегодня это больше тысячи фунтов, и я так и не знаю, что он сделал с ними. Он сказал, у меня есть счет… Ты сам ведь это слышал несколько лет назад. Он ведь сказал, что это вложение капитала, инвестиция, правильно? Ведь так? — наконец договорила она.

Посмотрела на Моуриса — он помнил.

— Но он больше ничего никогда не говорил об этом. А я боюсь спрашивать. А я боюсь спрашивать, — дважды повторила она и прислушалась в глупой надежде услышать хоть какой-нибудь ответ в эхе. — Я боюсь, что только разозлю его своими расспросами.

Вдруг она почувствовала, что не может больше

терпеть и удерживать в горле то, что давно уже рвется наружу. Встала и так, чтобы Моурис не мог подслушать, еле-еле прошептала сдавленным голосом:

— Я не уверена, что они вообще существуют, мои деньги. Я думаю, он все истратил.

Мисс Хоукинс и сама едва себя слышала. Слеза беззвучно ползла по щеке. Снова села и подняла глаза на Моуриса — он тоже плакал.

— Я завтра же поговорю с ним! — прокричала она зеркальному другу. — Я выясню все про каждый пенни. Мой дневник прикажет мне сделать это!

Крик перешел в визг:

— И тогда я должна, я обязана буду сделать это!

Принятое решение немного успокоило ее, хотя она понимала, какими болезненно непредсказуемыми могут быть последствия этого выяснения. Она дрожала от боли и унижения и чувствовала, как внутри растут ненависть и недоверие к человеку, ради которого она сегодня заказала себе подвенечное платье. Ради этого человека она сегодня переделала свой собственный дом, чтобы ему было в нем тепло и уютно. Но она вовсе не хотела ненавидеть его. Кроме всего прочего, именно он доставляет ей так много удовольствия.

Опять посмотрела на Моуриса.

— Ну и что? — сказала она. — Даже если я плачу за это? Что из того? Я в своей жизни столько платила и не получала взамен ничего.

Она хотела рассказать ему об этих бесполезных тратах. В жизни ей досталось так мало удовольствий, платными они были или нет.

— Да ладно, какое это все имеет значение?

Сейчас ей нужен был прямой и честный совет друга, в это мгновение она почти верила, что может в самом деле его дождаться. Хотя продолжалось это всего мгновение, она была благодарна. Моурис, казалось, был здесь. Но ведь никто, кроме нее, не мог его увидеть? Она снова посмотрела на Моуриса: нет, она совсем его не понимала.

— Мы будем держать наши соображения и догадки в секрете. Ведь так, Моурис? Завтра мы возьмемся за него.

Он молчал: его молчание было знаком одобрения и поддержки. Она решила сейчас же отрепетировать завтрашний разговор.

— Брайан, — сказала она, глядя в глаза напротив, — как вы распорядились моими сбережениями?

Моурис надменно дернул носом. Это не предвещало ничего хорошего. Наверное, она задала

слишком прямой вопрос, поэтому и получила прямой отрицательный ответ. И тема была исчерпана.

Попробовала снова:

— Брайан, на прошлой неделе я читала в газете, что многие люди вкладывают деньги в социальное строительство.

Взглянула на Моуриса, дабы убедиться в том, что начало получилось более подходящим. Да, это было неплохо, и он улыбнулся.

— Как же нам лучше поступить? Я, конечно, могу оставить тебя здесь, в комнате. Моурис, ты же знаешь. Но я боюсь, что это будет нервировать Брайана. Но потом, потом я все расскажу тебе в подробностях. Каждое слово. Я тебе обещаю.

Она улыбнулась ему, стремясь скрыть предательское желание поскорее избавиться от него, убрать своего единственного друга из комнаты, положить его лицом на пол, под кровать, подальше от глаз и из головы.

— Я собираюсь поговорить с ним завтра после обеда, — продолжила она. — Мы могли бы потом снова поужинать вместе.

Она поднялась из-за стола и, не глядя на него, нежно сняла со стены.

— Я поговорю с ним завтра, обязательно, — сно-

ва заверила она, ни к кому не обращаясь.

Она чувствовала в себе силу и решимость. Теперь дневник мог отдать ей такой приказ, и она готова была его выполнить. Ей незачем было напоминать себе, что каждый день отличается от другого и простой дневник не может давать приказы и торопить события. Мисс Хоукинс окончательно запуталась и перестала понимать, что же значит для нее маленькая зеленая книжка. Только одно она знала наверняка: она стала абсолютно зависима от дневника, и его тирания пугает ее.

Глава 12

— Ты хочешь избавиться от меня? — начала атаку миссис Воттс. Неплохое начало для первого дня нового года, как, впрочем, и для любого дня в году.

— Если ты не хочешь ехать, — без раздражения ответил Брайан — у ее ног стояли уже собранные чемоданы, — никто тебя не заставляет. Ты же мечтала о «Петунье». Теперь все счастливо устроилось благодаря моей работе: ты можешь жить в довольстве всю свою жизнь. Но если ты не хочешь, — повторил он спокойным тоном,

снимая пальто, — все останется на своих местах, и мы будем жить как прежде.

Она, конечно, хотела ехать. Очень хотела. Она так волновалась, что не спала всю ночь, а утром ее постель была мокрой. Брайан выставил пока матрас за окно проветриться, он уже решил, что, как только вернется домой, сожжет его.

— Как ты будешь без меня? — Она продолжала ныть. — Как ты будешь справляться один?

Он готов был немного подыграть ей в предвкушении скорого освобождения.

— Я буду скучать по тебе.

Он улыбнулся. Улыбка вышла фальшивой. Ее губы так же фальшиво растянулись в ответ. Ну не могла же она прямо сказать, что пора наконец надеть пальто: это выдало бы ее нетерпение и едва сдерживаемое желание отправиться в «Петунью».

— Я думаю, надо идти, — покорно сказала она, — ты ведь уже за все заплатил.

Брайан не сдвинулся ни на сантиметр. Он не пошевелится до тех пор, пока она не выдавит, что сама хочет этого.

— Об этом можешь не волноваться. Я внес только предоплату и могу получить все обратно.

Она была загнана в угол.

— Но там уже ждут меня. Особенно миссис Винтерс, она очень расстроится, если я не приду. Я не хочу заставлять ее страдать.

— Надеюсь, она справится с разочарованием и переживет это, — отрезал Брайан.

Это была явная победа: он сел, расстегнул пиджак, сбросил ботинки, как будто собирался провести весь день дома.

Миссис Воттс была обезоружена.

— Но все-таки нам надо идти, — прошелестела она.

— Почему?

— Потому что ты уже все устроил! — в бессилии выкрикнула она.

— Я так же легко могу все «разустроить», — пожал он плечами.

Она рыдала. Слезы были настоящими, она больше не играла.

— Так ты действительно хочешь ехать или нет?

Он продолжал безжалостно добивать поверженного противника.

Она молча кивнула в знак согласия. Он надел пальто.

— Я пойду за такси, а ты подожди меня с сумками внизу.

Он вышел на улицу и пошел к перекрестку с Главной улицей. По улице шел уверенный в себе человек, точно знавший, куда и зачем он идет по жизни. И это было действительно так: Брайан просчитал свое будущее до мельчайших подробностей. Не в пример мисс Хоукинс он регулярно контролировал свой дебет и кредит: все данные были известны и выверены. Его доход немного сократился, но теперь у него было уже достаточно клиенток, чтобы обеспечить насущные потребности. И самое главное, он был уверен, что сможет держать мать в «Петунье» до конца ее дней.

Мистер Воттс преуспел за последние несколько лет. Работал столько, сколько считал нужным. Увеличивать обороты своего процветавшего бизнеса не мог и не стремился — это истощило бы его силы и, как следствие, понизило бы качество предоставляемых услуг, что было бы губительно — ведь его дело полностью зависело от рекомендаций клиенток. После его случайной удачной встречи с миссис Макинс он больше не нуждался в частых посещениях библиотек и супермаркетов в поисках клиенток. Она рекомендовала его знакомым, а те, в свою очередь, посоветовали его меню своим знакомым. Его клиентура напоминала теперь сладкую и разросшуюся гроздь

винограда. Он честно служил им всем, аккуратно приходя в назначенный час и уходя через заднюю дверь.

За последний год несколько его клиенток покинули этот мир, одна из них — буквально у него на руках, в объятиях стоимостью три фунта. Брайан заботливо уложил ее на кушетке и поправил сбившееся платье. Потом, как наемный убийца, крадучись выбрался через черный ход. Это событие потрясло его и на некоторое время выбило из колеи. Он отсиживался дома и посылал обеспокоенным клиенткам сообщения о своей внезапной простуде. Зато, вернувшись к своим занятиям, не мог не заметить, как возрос аппетит вынужденных поститься гурманов. Некоторые из особенно изголодавшихся дам прямо обезумели от счастья вновь обретенного удовольствия. Благодаря этому случаю он открыл для себя необходимость временных перерывов в четком рабочем расписании, например под видом непродолжительной болезни. Определенно, это того стоило — доходы росли: милые дамы очень привязались к нему. Постепенно разделы меню расширились. В этом ему очень помогла миссис Макинс, научив, как она любовно говорила, «маленьким причудам» своего покойного

благоверного. Оказалось, «причуды» не были ни маленькими, ни бесполезными, и Брайан добавил в список предоставляемых услуг раздел «деликатесов». Теперь большинство его дам легко обходились без первых двух вступительных разделов, поскольку стремились распробовать «горячие блюда». «Закуска» в этом случае не требовалась. В то же время, благодаря дешевым предложениям первых двух «холодных» разделов меню, его бизнес был защищен в случае потери самых рьяных чревоугодниц. Итог первых лет работы вдохновлял создателя бизнеса: он сумел скопить кругленькую сумму. Брайан позволил себе пару новых костюмов и ежедневный шоколад для матери. И еще, к миссис Макинс мистер Воттс приходил с цветами. Он был глубоко признателен ей — она очень способствовала расширению его небольшого предприятия. Прежде он никогда не поверил бы, что так много дам нуждаются в подобного рода услугах и готовы с радостью платить за получаемые по списку удовольствия. Интересно, миссис Макинс чувствовала то же самое, что и все остальные клиентки? Он по-настоящему привязался к ней. Милая Виолетта, она ни разу не намекнула на свое привилегированное положение, ни разу не попросила комиссион-

ных за оказанное содействие и оплачивала его работу наравне со всеми остальными. Одно-единственное удовольствие, которое не значилось и никогда не могло появиться в списке, она получала бесплатно: он целовал ее и делал это от души и по собственному желанию. Эти поцелуи окрашивали их отношения какими-то совсем другими, нежными и интимными красками и давали ощущение настоящей близости, к которой так стремились и которую не получали все остальные прилежно обслуживаемые клиентки.

В работе он был скрупулезно честен и обходителен — предоставление такого рода услуг стало профессией, вне ее он вел открытую жизнь добропорядочного человека. Только мисс Хоукинс была исключением. Мысли о ней не давали ему покоя и терзали душу — она была обманута им во всем. Поэтому он всегда появлялся у нее в одном и том же костюме их первой встречи и скрывал свою отточенную большой практикой виртуозность, тем более что ее простые заказы и не требовали мастерства. Но визиты к ней повторялись с завидным постоянством, и так незаметно и нежно он вытряхнул из нее больше тысячи фунтов. Каждый раз, приходя к мисс Хоукинс, Брайан чувствовал себя не в своей тарелке не от осознания

аморальности занятия как такового, а от явного жульничества по отношению к ней. Иногда она задавала робкие вопросы о капиталовложениях, которые он сделал для нее, но каждый раз он уходил от этой темы, отделываясь туманными объяснениями. Когда-нибудь, он знал и страшился этого, когда-нибудь она перестанет быть столь застенчива и наберется храбрости, чтобы потребовать полного отчета.

Конечно, он в любой момент мог бросить ее. Да и потом, неоспоримое преимущество его бизнеса состояло именно в том, что жульничество было практически недоказуемо и ненаказуемо. Ну кто из обманутых «любительниц сладкого» обратится в полицию? Все так. Но, несмотря на все успокоительные отговорки, Брайан искренне сочувствовал ей, своей первой клиентке, и сожалел, что она так и не продвинулась дальше скромных желаний прилежной школьницы. Едва ли он решится когда-нибудь рассказать ей, что ее деньги ушли вместе с его матерью в «Петунью», откуда уже не было возврата и тем более процентов. Ведь первоначальный взнос обеспечивал лишь возможность помещения туда матери и был обязательным и безвозвратным. Только в случае смерти часть этого взноса засчи-

тывалась в счет похорон. В самом начале Брайан собирался поместить деньги мисс Хоукинс, как и обещал, под выгодные проценты, но, когда из «Петуньи» пришел счет на оплату зарезервированного места, ему пришлось забыть о данном обещании — это была единственная крупная сумма в его руках. Доходы от остальных клиенток уходили на еженедельные нужды, и бедная мисс Хоукинс навсегда лишилась своих сбережений. Иногда, правда, Брайан немного добавлял от себя к заказанным ею блюдам — этого требовала его ноющая совесть. Но и нарушать правила рыночных отношений он тоже боялся, чтобы не давать ей бессмысленной надежды. К тому же теперь у него была Виолетта, а это совсем другое.

Пока ждал такси на углу, проверил свой ежедневник. Как он и опасался, именно на сегодня было назначено свидание с мисс Хоукинс. Хорошо бы она не надумала отмечать с ним Новый год: не хотелось опять вводить ее в лишние траты.

Он поймал такси и вернулся к дому. Мать ждала его у подъезда, как несчастная беженка, опершись коленями о сумки. Ее глаза горели, под ногами темнела небольшая лужица. Брайан поднял сумки. Она пошатнулась. Он подал ей руку. Вдруг мать сделала нечто неожиданное: ее

пальцы скользнули по рукаву его пальто, и она вложила свою руку в его ладонь. Никогда в жизни он не держал ее руки, и сейчас ему казалось, будто холодная, скользкая змея заползает ему в рукав. Он схватил мать за локоть и почти затолкал ее в машину. Такси тронулось. Она ни разу не оглянулась… Она прожила в этом доме больше сорока лет — и ни разу не оглянулась. Как будто у нее не было никакой истории и воспоминаний, никаких неудач и провалов. Ее не будет мучить ностальгия. Через пару недель она забудет обо всем, даже цвет обоев на стенах своего бывшего дома: они просто выцветут в ее памяти окончательно.

В «Петунью» они должны были прибыть как раз к ланчу. Все было устроено и продумано. Брайану удалось найти для матери комнату в пристройке к основному зданию. Здесь было немного дешевле, условия те же, даже своя ванная, только чуть длиннее путь в столовую, от которой пристройку отделяли несколько зеленых газонов. В этом здании уже жили четыре постоялицы — неплохая компания. А одна из них, миссис Винтерс, проявляла явное желание сблизиться с его матерью. Она не вызывала в нем симпатии, очевидно, и остальные дамы предпочитали избегать ее. Мис-

сис Винтерс с нетерпением ожидала прибытия миссис Воттс.

Такси въехало в ворота «Петуньи» и остановилось у входа в пристройку. Их встретила санитарка и проводила в комнату миссис Воттс. Брайан не успел бросить на кровать сумки, как в дверях появилась миссис Винтерс. Это была сухая, суровая дама. Ее морщинистое лицо неловко растянулось в принужденной улыбке. Казалось, она родилась с этими морщинами несчастья и нелюбви на лице, а годы только огрубили и углубили их. Ему страшно хотелось поскорее сбежать.

Как только Брайан начал распаковывать вещи матери, миссис Винтерс почти вплотную подошла к кровати и впилась немигающим взглядом в содержимое чемодана, стараясь подробно разглядеть имущество и определить статус своей будущей наперсницы. Брайан вынул пару нового нижнего белья, недавно купленную на легальные доходы, и два платья в цветочек. Все вещи в чемодане были переложены листами тонкой цветной бумаги, которую Брайан обычно использовал для оформления меню. Изысканно упакованные сумки матери больше походили на багаж новобрачной, и миссис Винтерс, очевидно,

тоже с удовлетворением отметила это.

Послышался звонок.

— Это зовут к ланчу. Сегодня среда, значит, будет печенка.

В ее голосе звучало удовольствие от предвкушения обещанного блюда, но лицо сохраняло холодное, суровое выражение.

Санитарка была уже у дверей, пригласила Брайана остаться на ланч. В «Петунье» так было принято — в день прибытия новых постояльцев приглашать к трапезе их близких. У Брайана была назначена клиентка на четыре часа дня, и он от нечего делать мог себе позволить попробовать угощение повара фешенебельной богадельни. Он принял приглашение, и санитарка поспешила сообщить в столовую о присутствии на ланче гостя.

— Хотите посмотреть мою комнату? Это следующая дверь, — не отставала миссис Винтерс.

Миссис Воттс было любопытно увидеть комнату новой соседки, и она дергала Брайана за рукав. Они последовали за миссис Винтерс в ее жилище. Комната была стандартной, такой же, как и у матери, но, оказавшись внутри, Брайан ясно ощутил, что суровая миссис Винтерс живет здесь не одна. Да, похоже, она жила здесь с Ии-

сусом Христом: Его присутствие было везде, Его светлый лик смотрел на пришедших отовсюду. Над изголовьем кровати Он провозглашал, что Он и есть любовь, на прикроватном столике Он истекал кровью на распятии. На каминной полке Он был младенцем в яслях, окруженным коровами и сеном из папье-маше. У телевизора, как бы противостоя всему, что было ниже Его, под Ним, Он возвышался в позе учителя и пророка. Его рука была простерта к заблудшим грешникам. Но все же главной фигурой всей святой композиции была керамическая Богородица, прикрытая сверху полиэтиленовым пакетом, который миссис Винтерс убирала обычно только в дни празднования Рождества. Сегодня она сделала исключение, чтобы показать гостям предмет своей гордости. Дело здесь было не просто в красивом лице Богоматери. Миссис Винтерс легонько дотронулась до святой, и от поворота руки Девы Марии заиграла мелодия «Священной Ночи». Миссис Винтерс дождалась окончания «Тихой Ночи» и опять накрыла Богоматерь пакетом. Все это походило на кусочек Диснейленда, чем, видимо, и гордилась миссис Винтерс. Сейчас она оглядывалась вокруг, пытаясь найти для демонстрации что-нибудь подходящее из своей светской жизни. Подо-

шла к туалетному столику, где стояла большая групповая фотография, похожая на фотографию выпускников какого-то учебного заведения. Суровая сухая женщина в центре, окруженная со всех сторон детьми с застывшим страхом на лицах.

— Это мои приютские сиротки. — Миссис Винтерс гордилась собой. — Приют Святого Сердца. Я работала там старшей воспитательницей. Они звали меня матроной.

Неожиданно в ее голосе заскрежетал металл, а на лице появилась блуждающая улыбка. Было непонятно, как одно уживалось с другим. Миссис Воттс была под впечатлением от всего увиденного — бесконечные обращения к Иисусу абсолютно соответствовали ее представлениям о добродетели.

— У меня было сорок девочек и мальчиков. И все они выросли богобоязненными христианами. Я проработала там больше тридцати лет. — Улыбка смялась и увяла на ее лице, голос затих. — После ланча я расскажу вам о них.

Столовая «Петуньи» была похожа на ресторан гостиницы средней руки: отдельные столики, и на каждом из них вазочка с запылившимися букетиками петуньи, очевидно очень выносливого цветка. Вновь прибывших проводили к постоян-

ному столику матери Брайана в углу зала с видом на зеленый газон. Столик был накрыт льняной скатертью и такими же салфетками и сервирован серебряными приборами. Миссис Воттс довольно хихикнула от такого избытка роскоши. Брайан же испугался появления лужи. Конечно, в их старом грязном жилище это было обычным делом: старые скомканные тряпки всегда валялись на всякий случай в гостиной. В их квартирке это выглядело вполне естественно и не раздражало глаз. Но случись это здесь, на толстых, мягких коврах, посреди такого великолепия, он был бы посрамлен, как ее сопровождающий и невольно ответственный за ее недержание. Он опустил глаза вниз, на ковер. К счастью, под ногами было сухо. Успокоенный, Брайан огляделся вокруг: за столиками сидело человек сорок, в основном женщины. Непаханное поле для его бизнеса. Но эта бредовая мысль тут же покинула его: все дамы были слишком стары даже для услуг первой, щадящей категории его списка. В начале своей карьеры он был бы рад и такой добыче, но сегодня, на волне успеха, «мастер» не разменивался по пустякам. Неожиданно опять вспомнил о мисс Хоукинс — коричневый гороховый виндзорский суп предательски потек по подбородку. Если

она сегодня вернется к неприятному разговору, придется снова соврать. Скажет, что ее деньги надежно вложены. Если бы он мог немного поднатужиться и подзаработать, чтобы отдать ей все и отделаться от нее раз и навсегда! Но все эти «если бы» были пустыми мечтаниями — Брайан знал, что просто физически не может позволить себе больше ни одной дополнительной клиентки, даже если это будет клиентка первой категории. Его дело было успешным, но достаточно утомительным: одни разъезды чего стоили. Он брал теперь с клиенток плату за проезд, но и это не спасало. А тысяча фунтов означала годы невинных поглаживаний рук и ног… Он уже был слишком профессионален для детских заигрываний. Надо срочно избавиться от навязчивых мыслей о мисс Хоукинс, да еще миссис Винтерс лезет с пыльными рассказами о своем мрачном прошлом.

Миссис Винтерс разошлась не на шутку:

— Это были счастливейшие дни в моей жизни.

Ее ледяное лицо перечеркивало и опровергало каждое слово. На самом деле это было честным признанием одинокой и несчастливой матроны, потому что, уйдя на пенсию, она вдруг почувствовала себя еще более одинокой и покинутой.

— Должна признаться, я больше любила дево-

чек. Они были очень полезны в хозяйстве.

Если бы она была откровенна сейчас, как перед Господом на смертном одре, то должна была бы признаться, что не любила никого: ни девочек, ни мальчиков. Девочек просто ненавидела меньше. Но за все эти годы она придумала и давно надела на себя маску любящей и доброй второй матери несчастных сироток и уже сама почти искренне верила в этот добродетельный образ.

— Я ведь и сама сирота, поэтому лучше других чувствовала их и знала их проблемы. Им больше повезло, чем мне: я росла в работном доме. Я вовсе не стыжусь этого, потому что тяжело работала и всего добилась сама.

Постепенно миссис Винтерс перешла на крик. Да, она была отталкивающе неприятна, как раз под стать его матери.

— Конечно, конечно, дорогая. Это видно.

Миссис Воттс спешила выразить уважение и подтвердить свое соответствие суровой дочери долга.

— Мне кажется, то же самое можно сказать и про меня. Не правда ли, Брайан?

Ее глаза запрещали ему противоречить, да он и сам боялся непредвиденной лужи и с готовностью согласился.

— Я ведь тоже приютская.

Мать врала. Или нет? К своему удивлению, Брайан понял, что никогда прежде ничего не слышал о ее детстве. Она всегда кляла годы своей семейной жизни и тяжкую ношу, которую несла с момента его появления на свет. Как ни старался, он не мог представить себе мать в детстве, ребенком, не важно, сиротой или нет. Сейчас он жадно слушал ее воспоминания о настоящем или выдуманном детстве. Когда она упомянула о приюте, он заподозрил ее в явной лжи из желания оказаться с миссис Винтерс в одной лодке в бушующем море жизни. Но она назвала адрес приюта, где-то на севере Англии, и сделала это довольно бойко и без запинки. Она оставила школу в четырнадцать и, как все остальные девочки, пошла в прислуги. Выполняла разную работу, но никогда не поднималась выше судомойки. Миссис Винтерс чуть запрокинула голову и подняла подбородок не в знак презрения к низким занятиям: она не одобряла пассивность и отсутствие всякой инициативы у миссис Воттс. Миссис Воттс уловила это неодобрение и уже клялась, что все так случилось не по ее вине, а из-за вражды и козней главной экономки. Миссис Винтерс будто окаменела, как она каменела всякий раз в

бытность матроной, когда сталкивалась с ленью и своеволием. Бедная миссис Воттс поняла, что ошиблась уже на старте, и заторопилась перейти к беспроигрышным воспоминаниям об ужасном замужестве. Этот рассказ пришелся по душе суровой миссис Винтерс, что сразу стало понятно по ее смягчившемуся скрытой улыбкой голосу и застывшему ледяному лицу.

— А потом появился он, и это окончательно меня убило.

Это был заключительный аккорд в истории загубленной жизни миссис Воттс. На Брайана она даже не взглянула. Для убитой миссис Воттс выглядела достаточно здоровой и бодрой и так вошла в роль, что продолжала излагать подробности своих злоключений до тех пор, пока миссис Винтерс не решила покончить с этим и вернуться к своим воспоминаниям.

— Я всегда старалась вразумить своих воспитанниц по поводу брака и всего, что с этим связано, — быстро проговорила она. — Я не переставала напоминать им обо всех опасностях, которые подстерегают их, когда они уйдут от меня. Я старалась научить их, как избежать беды.

Глядя на суровую миссис Винтерс, с трудом верилось, что ее советы по поводу семейной жизни

почерпнуты из собственного жизненного опыта. Чем она могла поделиться с ними, кроме общепринятых предрассудков и предубеждений? Ее нельзя было назвать отвратительной, но что-то непреодолимо отталкивающее сквозило в каждом ее жесте и слове. Нет, не противный запах и не явное уродство. Она, очевидно, была чистюлей и для своего возраста хорошо сохранилась. Но воздух вокруг нее был пропитан мрачной злобой, и можно было только догадываться о последствиях, грозивших тому, кто осмелился бы приблизиться к ней и вынудить ее защищаться. Брайан и не собирался. Он был счастлив разом избавиться от них обеих: обе фурии теперь оказались заключены в крепкие тиски горечи мрачных воспоминаний.

После ланча он проводил мать в ее комнату. Миссис Винтерс последовала за ними. Она всячески оберегала неприкосновенность своей личной жизни, но эта привычка не распространялась на других. Когда Брайан прощался, она уже входила в комнату миссис Воттс.

— Я приеду к тебе. Как-нибудь на следующей неделе.

— Только если сам захочешь.

Он совсем не хотел видеть мать, так же как не

хотела и она. Теперь миссис Воттс была устроена роскошно на всю оставшуюся жизнь, и единственное, чего она хотела теперь, — стереть все воспоминания своей предыдущей жизни, все, что было до «Петуньи».

— Я обязательно буду на следующей неделе.

Он совершенно не знал, как поставить точку и уйти. Хотя, наверное, присутствие миссис Винтерс значительно облегчало его положение: можно обойтись формальным «до свидания». Он и подумать не мог о том, чтобы поцеловать мать на прощание, и дотрагиваться до ее холодной, змеиной руки он тоже не собирался. Подошел к ней сзади и неуклюже клюнул во вдовью кучку поредевших волос на затылке, которую заметил впервые в жизни. Пошел к двери. Мать даже не взглянула на него: она аккуратно и сосредоточенно устанавливала пресс-папье из цветного стекла на каминной полке. Брайан боком обошел и миссис Винтерс, стараясь не коснуться ее. Когда они наконец заметили его отсутствие, он уже был на улице и садился в такси.

Дома Брайана встретила визитная карточка матери в виде скомканной тряпки. «Это последнее, что от нее осталось здесь», — думал он, вытирая пол. Эта мысль согревала его. Потом он выбросил

мерзкие, вонючие тряпки вместе с матрасом в мусорный бак на улице.

Следующий час он посвятил генеральной уборке квартиры. Подметая под кроватью, наткнулся на ее тапочки. Он уже потянулся за ними, чтобы отправить их вслед за матрасом и тряпками, но внезапно остановился: ему показалось, будто он хоронит мать заживо. Он вдруг понял, что ему недостает ее надоевшего присутствия, что он скучает по ней. Сел на пружины голой кровати и постарался сосредоточиться на неожиданных, незнакомых ему чувствах. Он уговаривал себя, что ей лучше там, где она теперь. И это ведь благодаря его заботам она будет хорошо накормлена и под присмотром. К тому же у нее впервые в жизни появилась подруга… Все эти годы он ухаживал за ней и содержал ее на то, что зарабатывал всеми доступными ему способами: легальными и нелегальными. Но, несмотря на все доводы и уговоры, он все еще чувствовал внутри странную щемящую боль. Если бы он смог глубже проникнуть в причины внезапной ноющей тоски, то понял бы, что виной всему не долгожданное расставание с матерью — просто ее истрепанные тапки были точь-в-точь такими же, как убогие тапочки мисс Хоукинс. Брайан не сразу понял, что пла-

чет. Почему? Он не знал. Да и какая разница. Он оплакивал все свои обиды и обиды, нанесенные другим. Он плакал по любви, которой всегда был лишен. Впервые в жизни Брайан Воттс осознал, что прежде всего он — человек.

Глава 13

Мисс Хоукинс проснулась преисполненная решимости совершить задуманное — поговорить с Брайаном. Несмотря на некоторые неясности и сомнения, ей хотелось верить, что ее деньги надежно помещены. Но Моурис… Он все же сомневался из-за туманности объяснений: она была просто обязана успокоить его.

По дороге на кухню заглянула в почтовый ящик. Там лежало письмо. Оно не было похоже на стандартные конверты со счетами, а других писем ей ждать было неоткуда. Внутри заныло от нехорошего предчувствия. Зажав конверт во влажной руке, пошла в гостиную, чтобы открыть его, когда почувствует под собой надежный плюш кушетки. На обратной стороне конверта прочла адрес своего банка — в желудке уже урчал страх. Быстро вскрыла письмо — не было смысла откладывать плохие новости. Оно было

от ее менеджера из банка. Он деликатно сообщал, что его заботит ее быстро уменьшающийся депозит, поэтому он настоятельно приглашает при первой же возможности обсудить с ним этот вопрос в банке. В постскриптуме он поздравлял ее с Новым годом и желал всего наилучшего, хотя по тону письма было ясно, что он мало верил в радужные и счастливые перспективы наступающего года лично для нее. Волна ненависти к Брайану снова поднималась и накатывала на нее. Мисс Хоукинс уговаривала себя, что ничего неожиданного не произошло — она же была в курсе своего пошатнувшегося бюджета и таявших сбережений. Но теперь и менеджер заметил то, что давно нервировало ее, и это были уже не просто ее личные сомнения и переживания. Заварила крепкого чаю в надежде, что он взбодрит и хоть немного ее успокоит. Самое главное — не позволять себе думать о худшем: она все еще надеялась, что Брайан выполнил свои обещания. Быстро оделась и решила немедленно отправиться в банк, чтобы к полудню, к приходу Брайана, быть во всеоружии. Накалявшиеся отношения с банком требовали серьезных действий, поэтому она открыла дневник и написала: «Разобралась с Брайаном. (О моих капиталовложениях)».

Менеджер был искренне рад тому, что она так быстро откликнулась на его призыв. Но его радостная учтивость выглядела неубедительной. Мисс Хоукинс была готова к разговору. Села за стол напротив него. Менеджер медленно перелистывал страницы тонкой папки.

— Буду с вами предельно откровенен. Меня заботит состояние вашего счета. Особенно постоянно убывающие накопления.

Он поднял на нее глаза, ожидая объяснений.

— У меня были большие расходы.

Она старалась держаться.

— Эти расходы уже давно стали постоянными.

Он достал бумаги, фиксировавшие ее экстравагантные траты, — все было расписано по пунктам. Напротив колонки расходов — лишь одна строчка ее смехотворного дохода. Банкир немилосердно продолжал перелистывать похожие друг на друга, как близнецы, страницы. Мисс Хоукинс казалось, что она на скамье подсудимых: в ней поднималась и росла тупая агрессия. С какой стати ее личные накопления и траты стали предметом беспокойства менеджера? Выбирая выражения, она как можно более вежливо сказала ему об этом.

— Я беспокоюсь о вас и вашем будущем. Если

так будет продолжаться, вы и сами не заметите, как останетесь без гроша.

Это было правдой и не требовало комментариев. Они молча посмотрели друг на друга.

— Может быть, вы объясните мне, куда уходят ваши деньги? — спросил он почти ласково. — У вас долги или обязательства? Все останется между нами. Это абсолютно конфиденциально, не беспокойтесь по этому поводу.

— Нет! — Голос ее срывался. — Я не должна ни пенни ни одной живой душе. Я просто трачу деньги, у меня расходы.

— Я понимаю. Но сколько это будет продолжаться?

— Я даю мои сбережения моему другу. Он вкладывает их для меня.

Теперь она пыталась убедить менеджера в том, во что так долго старалась поверить сама.

— Если не секрет, куда он их вкладывает? Это биржа или акции? — В его голосе слышалось подозрение.

— Я не очень в курсе. Сегодня днем я увижусь с ним и все выясню. Он сказал, что удачно вложил деньги. Я не сомневаюсь.

Ее лицо говорило об обратном.

— Но где же ваши доходы, мисс Хоукинс? —

спросил мягко менеджер.

— Я спрошу его.

— Вы сообщите мне?

Она кивнула в ответ, хотя не знала, сможет ли сообщить ему хоть что-нибудь. Допрос был закончен. Она поднялась и пошла к выходу. Уже в дверях банкир вдруг снова окликнул ее:

— Он и в самом деле ваш настоящий друг, этот джентльмен? Вы доверяете ему?

Мисс Хоукинс залилась румянцем — это и был невольный ответ.

— Ну что ж, будем на связи, мисс Хоукинс.

Он еще взывал к ее здравому смыслу, потому что и в самом деле искренне сочувствовал ей. За долгие годы работы в должности заведующего отделением банка в разных частях страны он достаточно перевидал таких вот обманутых стареющих дам. Обычно их надували и оставляли нищими «настоящие джентльмены», знавшие толк в игре на бирже. Сценарий всегда был один и тот же. Банкир начинал замечать неожиданно таявшие сбережения стабильного и надежного клиента и назначал встречу. (Точно такую же, как состоявшаяся только что.) Затем каждую неделю он подводил итог, и так до тех пор, пока уже и считать-то было нечего. Дальнейшие

встречи с клиентами становились бессмысленны. Прямые и жесткие вопросы и увещевания по поводу денег только окончательно добивали и так уже измотанную жертву. Всю эту грустную историю он знал наизусть. Дама сделала ставку на последний глоток любви. Ее акции неминуемо падали. Несчастная, в отчаянии силясь удержать ускользавшую надежду на возможное продолжение отношений, отдавала все. Она была разорена. Сейчас на счету у мисс Хоукинс еще оставалось пятьсот фунтов. Если ее траты останутся прежними, то он непременно увидит ее уже в течение ближайших трех месяцев. Дальше не имело смысла думать на эту тему и продолжать прокручивать в голове и так ясную историю; он набрал телефон жены.

Мисс Хоукинс накрыла столик для чая, не забыв поставить стаканы и бутылку портвейна. Разрешила себе внушительный глоток сладкого успокоительного. Когда раздался звонок, все вопросы, словно вражеская армия, собрались на кончике ее языка, готовые ринуться в атаку. Когда она открыла дверь, войска униженно отступили. Брайан опять был в своем видавшем виды костюме их первой встречи. Это было лишним доказательством того, что он выполнил данные

ей обещания и деньги явно не утонули в его кармане. Конечно, он был беден, как и она. Она жалела его.

— С Новым годом! — улыбнулась она.

— И вас тоже с Новым годом!

— Кажется, это будет хороший год, — сказала она безо всякой надежды.

— Вы говорите так всегда, каждый год.

Он, конечно, знал, к чему она ведет каждый раз. И каждый раз он делал вид, что не понимает ее намеков. Он сидел на кушетке, пока она суетилась на кухне с обычными приготовлениями перед встречей. Его глаза бездумно скользили по комнате. До отвращения знакомые стены. На столике ненавистный бисквит, не покидающий его желудок от встречи до встречи. Бутылка густого, сладкого портвейна, который, видимо, стал для нее обязательным атрибутом перед расставанием с кучкой серебряных монеток. Сахарница с сукразитом, будто засиженная мухами, вся в желто-коричневых каплях чая. Брайан вдруг с нежностью вспомнил сухой херес, сладости и все милые штучки на столике Виолетты. Да, бедная мисс Хоукинс не знала вкуса ни в чем, в ней попросту отсутствовал класс. На глаза ему попались жалкие горстки монет — все, что она могла поз-

волить себе из своих ничтожных накоплений. Почему-то все это смущало и нервировало его. Под бутылкой портвейна увидел пятифунтовую банкноту. Очевидно, мисс Хоукинс решилась перейти к другой категории — радостное и неожиданное событие. Он уже представлял себе перспективы ее движения по всем позициям меню — там ведь было достаточно блюд, возбуждавших аппетит. И кто знает, может, она смогла бы стать его лучшим клиентом. Поднялся — задернул шторы. Зажег свечи на столике. Он был к ее услугам.

Прежде чем уйти с кухни, она еще раз прочитала приказ дневника, который и так вертелся у нее на языке. Кусочек бисквита и глоток портвейна чуть отодвинули сложные вопросы назад, к горлу. Вернулась в гостиную. Брайан будто услышал эхо ее еще не успевших вырваться наружу слов. Невольно поежился.

— Я хотела бы вас кое о чем спросить, Брайан.

Вот оно. Нужно выиграть немного времени. Он попросил еще сахара. Болтая ложкой в жидком чае, подумал, что разумнее самому начать неприятный разговор — тогда он сможет контролировать ситуацию и затуманит ее глупую голову.

— Но прежде, пока я не забыл, я хотел сообщить

вам о ваших сбережениях.

Она чуть не выронила из рук чашку. Ее благодарности не было предела!

— Я купил на них акции жестяной компании. Мой друг, большой профессионал на бирже, рекомендовал вложить деньги именно в эти ценные бумаги. Они очень устойчивы и надежны и к тому же поднимаются в цене.

На самом деле он и понятия не имел о том, что так усердно сейчас расхваливал.

Теперь мисс Хоукинс уже было значительно легче перейти к следующему вопросу, и она решилась:

— А я могу забрать мои деньги, если захочу?

— Да, только не сразу, — ответил он спокойно. Ему требовалось время. — Видите ли, это такой вид акций… Деньги вкладываются минимум на пять лет. Поэтому я смог купить их по более низкой цене. Но через пять лет, — он дал себе еще несколько мгновений, — они — ваши, с процентами.

Он чувствовал, что несет, вероятно, какую-то чепуху, но ведь она тоже не разбирается в запутанных биржевых играх.

Вполне удовлетворенная объяснениями, мисс Хоукинс принялась за чай. По крайней мере,

приказ дневника она выполнила, или он сам собой выполнился. Ей хотелось продолжить расспросы и выяснить полное название ее жестяных акций, чтобы сообщить, как и обещала, банкиру. Но слишком давить на Брайана она боялась: это было бы похоже на пристрастный допрос в полиции. А ей вовсе не хотелось лишать себя предстоявшего удовольствия.

— Так о чем вы хотели меня спросить? — Теперь он чувствовал себя уверенно.

Она замялась. На глаза попался приготовленный пятифунтовый банкнот.

— Я думала… я хотела бы перейти к услугам третьей категории. — Она глупо хихикнула, зарделась и расплескала чай. — Теперь я уверена, что могу себе это позволить.

Чай был выпит. Глоток бодрящего портвейна, и они перешли к деловой части свидания. Несколько услуг достались мисс Хоукинс бесплатно — того требовала ноющая совесть Брайана. Но он знал, что все равно у нее никогда не хватит средств, чтобы удовлетворить свой все больше разгоравшийся аппетит.

— Кто знает, — сказала она мечтательно, — если мне повезет, может быть, я когда-нибудь смогу отведать все, что вы предлагаете.

Сказав это вслух, она и так уже была удовлетворена. О, какое это было наслаждение! И это удовольствие она получила абсолютно бесплатно. Снова повторила волшебную фразу и задрожала. Когда Брайан уйдет, она снова сможет произнести эти чудодейственные слова. Если заклинание не сработает и она не получит те же ощущения, то повторит все слово в слово Моурису: он-то непременно выслушает ее. Сейчас она искренне жалела банкира — бедняга, он ничего не понимал в жизни.

Брайан собрал деньги. Он планировал зайти домой и переодеться, чтобы потом пообедать с Виолеттой. Когда отсчитывал ей сдачу, мисс Хоукинс сказала, стараясь не смутить его своим великодушием:

— Не стоит. Это вам подарок к Новому году. Не вкладывайте в жестяные акции. Оставьте это себе на новый костюм.

Он брел по улице, чувствуя, что она смотрит ему вслед. Ее взгляд жег ему спину, он чувствовал себя подлецом.

Мисс Хоукинс отметила галочкой выполненный приказ дневника. В тишине еще темной гостиной она произнесла вслух волшебные слова только что открытого ею заклинания. К своему

ужасу, не почувствовала ничего. Оставалась надежда на Моуриса: он был приглашен сегодня на обед. Но прежде она должна была купить материал для свадебного платья. С удовольствием представила раздраженное лицо банкира, когда он получит подтверждение ее новых трат. Подождала, пока Брайан подальше ушел от ее дома, надела пальто и вышла.

«Жесть», — произнесла она про себя… И снова — «жесть». Жаль, что это слово — всего один коротенький слог, который как будто приуменьшает сделанные вклады и будущие доходы. Она была теперь практически уверена в значимости скромного товара, лишенного внешнего лоска. Шла по улице и, к своему удивлению и радости, замечала теперь, что все вокруг просто нуждается в жести. Когда она подошла к магазину, то была уже абсолютно убеждена, что мир исчез бы в одно мгновение, потеряв этот, в один коротенький слог, материал. Брайан, разумеется, сделал очень правильный и разумный выбор. «Жесть», — произнесла она еще раз, входя в магазин, — и ее акции выросли в цене.

Она не собиралась экономить на материале. Ей нужен самый лучший. Миссис Черч велела купить тяжелый белый атлас и шелковый тюль.

В магазине решила обойтись без объяснений: выбор материала скажет сам за себя — для подвенечного наряда. Продавщица и сама непременно увидит в ней, мисс Хоукинс, желанного и важного покупателя.

Поднялась в отдел тканей. К ее разочарованию, абсолютно все продавцы были мужчины. Более того, они выглядели разбитными юнцами, и их нахальная, юношеская уверенность нервировала ее. Оглядевшись по сторонам, она выбрала самого зеленого из них в надежде, что он еще не успел набраться высокомерия молодых хозяев жизни.

— Я могу помочь вам, мадам?

— Я ищу тяжелый белый атлас и шелковый тюль.

Он странно подмигнул ей и ушел. Но тут же вернулся, так что она даже не успела осмыслить его поведение и понять, пытался ли он ее оскорбить. Он положил отрез перед ней на прилавок. Она робко коснулась пальцами блестящего материала.

— Это ведь для свадебного платья? Да? — Он как будто проверял свою догадливость.

Мисс Хоукинс почувствовала, как краска залила ее щеки.

— Да, вы правы.

Продавец был разговорчивым неискушенным парнем, к тому же новеньким здесь. Ему и самому было любопытно поболтать с покупательницей.

— Ваша дочь выходит замуж?

Мисс Хоукинс опять не поняла, оскорбляет он ее или нет. С одной стороны, он не видит в ней потенциальной невесты, с другой — милосердно предлагает ей роль благородной матери. Мисс Хоукинс благодушно решила, что, по крайней мере, рамки приличия соблюдены.

— Это лучшее, что у вас есть?

— Этот белый сатин как раз для свадебных платьев.

Она была рада, что лишена выбора и ей не надо мучиться сомнениями.

— Я возьму одиннадцать метров.

Так велела миссис Черч. Теперь следовало заняться шелковым тюлем. Она наблюдала за тем, как продавец отмеряет ткань. Он дал ей чуть больше.

— Это на счастье, — и снова как будто подмигнул. Аккуратно упаковал. — С вас тридцать семь фунтов.

— Вы принимаете чеки?

— Конечно.

Она выписала чек, повторяя про себя магиче-

ское слово «жесть» и посмеиваясь над банкиром. Мальчик взял чек и отнес его к соседнему прилавку, где стоял заведующий секцией. Тот взглянул на чек и дал понять, что сам разберется с этим. Мисс Хоукинс бросило в дрожь, хотя менеджер держался учтиво.

— Извините, мы не принимаем чеки на суммы свыше тридцати фунтов без проверки. Если вы подождете минутку, мадам, я тотчас свяжусь с вашим банком.

Она кивнула, стараясь сдержать нараставший в ней страх. Менеджер ушел куда-то вглубь зала, а ей уже представлялось, как ее арестуют прямо здесь, в магазине, рядом с упакованным белым атласом. Может, надо бежать отсюда как можно быстрее? Глаза искали самый короткий и безопасный путь для бегства. Она оправдывала себя тем, что в общем уже выполнила приказ дневника — поступок совершен, и она имеет полное право покинуть магазин. Но без материала миссис Черч не начнет шитье, а значит, она, мисс Хоукинс, не выполнит предыдущий приказ.... Она решила остаться и ждать. Посмотрела вокруг себя теперь надменно и уверенно, как будто ничего не произошло. Казалось, что в ушах жужжат провода, соединяющие любезного продавца и

что-то лопочущего банкира. Скорее всего он, ничего не знающий и не разбирающийся в жести, в итоге просто повесит трубку. Она негодовала от возмущения, что кто-то может сомневаться в ее платежеспособности. Но продавец вернулся, вежливо улыбаясь.

— Все в порядке. — Он протянул ей сверток.

Куда теперь было девать все свое негодование? Ей удалось превратить его в чувство собственного достоинства, и с высоко поднятой головой она гордо покинула магазин.

По дороге домой зашла к миссис Черч. Портниха любезно сообщила, что может начать работу раньше, поскольку предыдущий заказ отменен.

— Они передумали. Ну что ж, лучше раньше, чем позже.

Это было явно дурным предзнаменованием, и мисс Хоукинс подумала, не сменить ли портниху. Но миссис Черч так любовно и нежно поглаживала материал, что было бы жестоко и несправедливо ей отказать. Они договорились сделать первую примерку на следующей неделе. Мисс Хоукинс с наслаждением еще раз взглянула на свой будущий подвенечный наряд — он обещал счастье. Надо непременно рассказать обо всем сегодня за обедом Моурису.

На углу улицы, в газетном киоске, она увидела заголовок вечерней газеты: «Фулбрайт на свободе». Эта фамилия много лет назад мелькала в газетах в связи с какими-то ужасами. В чем там было дело, она точно не помнила и купила газету, чтобы освежить в памяти те события. Вернувшись домой, повесила Моуриса на стену, заботливо смахнув с него пыль носовым платком. Зачем ему лежать в одиночестве до обеда, он может смотреть на нее, пока она будет читать.

Первые же строчки напомнили ей ту страшную историю. Это было связано с ее личными воспоминаниями и переживаниями: тогда она получила должность старшего кассира и стыдилась своего воодушевления по этому поводу. Ведь как раз в то самое время несчастная жертва Фулбрайта приняла жестокую смерть. У них случилась ужасная ссора, так говорил потом Фулбрайт в суде. Он толкнул свою жену в огонь и смотрел, как она, умирая, корчилась среди пылавших поленьев. Он был приговорен к тридцати годам тюрьмы, но многие тогда требовали его повесить. Она точно помнила, как в тот день пробиралась после работы домой окольными путями, потому что везде были пикеты желавших собственноручно вздернуть злодея. И вот он на

свободе. В статье сообщалось, что в заключении он вел себя примерно и заработал максимальное сокращение срока.

Он отсидел двадцать лет. Невольно подумала о себе и о своем пятилетием приговоре. Когда приговор был только вынесен ей, она и подумать не могла о сокращении срока. Но она ведь тоже проявила себя «примерным заключенным» — беспрекословно и точно выполняла все до единого приказы дневника, о чем красноречиво свидетельствовали усыпанные красными галочками страницы зеленой книжки. Ей определенно было положено сокращение срока — она заслужила это. Начала подсчитывать, но неожиданно для себя остановилась, как будто кто-то ее одернул. Это был страх, леденящий ужас оттого, что она вдруг окажется свободна. Что она будет делать со своей свободой и пустыми днями без приказов? Она не могла позволить себе освободиться. Хотя бы до тех пор, пока не окажется в надежных семейных кандалах. Это означало отсрочку освобождения до ее замужества с Брайаном. Тогда произойдет простая замена властелина: место ее зеленой книжки займет Брайан, и она сможет продолжать жить, выполняя ежедневные обязанности. Но ей трудно было бороться с искушением немного

увеличить свой срок. Общий срок ее приговора составлял изначально шестьдесят месяцев, минус треть — сокращение срока, — оставалось сорок месяцев. Очевидно, она подошла совсем близко к окончанию срока. По ее подсчетам — она старалась слегка ошибаться в сторону увеличения, — ей оставалось еще месяца два.

— Этого достаточно. Этого вполне достаточно, — сказала она Моурису. — К этому времени мое платье уже будет готово.

Странно, но ее больше заботило платье, а не тот, кто будет стоять рядом с ней в торжественный день. Она не беспокоилась из-за Брайана. Понятно, что только его природная скромность мешала ему сделать наконец давно ожидаемое предложение. За несколько предстоящих недель она настроит его на нужный лад, и, когда придет время, дневник отдаст окончательный приказ.

— Моурис, я приглашаю тебя на свадьбу. Ты будешь нашим самым дорогим гостем. В этой комнате мы устроим прием. Дома ты будешь чувствовать себя уютно.

Решила составить список приглашенных: это ведь ее забота — организовать торжество. Она постарается как можно меньше беспокоить Брайана. Перед ней лежал чистый белый лист, но ни

одного имени в голове. В ее жизни были приют и фабрика. Она ума не могла приложить, кого пригласить. Приготовленный карандаш так и остался торчать у нее в зубах. Единственный гость — бедный Моурис. Хотелось взять спицы, но решила пересилить себя, пока не напишет хоть одно имя. Она усердно перебирала в голове все знакомые ей имена. Были же служащие бухгалтерии, с которыми она проработала больше сорока лет… Они вполне подошли бы в качестве гостей. Но она не помнила ни одного из них. Неожиданно всплыло имя мистера Коннелла, управляющего. Он придет. Мисс Хоукинс решила, что наведается на фабрику за неделю до свадьбы и, увидев лица, вспомнит имена — так и заполнится пустой список. Вероятно, будет присутствовать и мать Брайана. А может быть, у него найдется пара друзей, которых он захочет пригласить? Хотя она сомневалась: он наверняка был так же одинок, как и она. Наверное, ей нужно будет приготовить еще и свадебный завтрак. Может быть, миссис Черч поможет ей в этом? Неожиданно найденное реальное имя реального человека вдохновило ее. И если существует мистер Черч, то пусть и он приходит. Комната постепенно заполнялась. Хватит ли места? На свадьбе, конечно, не будет

бедной Моррис, ведь ее имя и бледная тень жили только в воспоминаниях. Впервые в жизни мисс Хоукинс очень захотелось, чтобы матрона была все еще жива. Если бы удалось найти мучительницу и доказать, что ее страшные пророчества не сбылись и ее воспитанница все-таки не погибла в нищете и одиночестве! Мисс Хоукинс не могла дольше сдерживать бурливший внутри гнев — ей требовалось вязание. Чтобы унять раздражение, хватило всего нескольких рядов. Она положила спицы и взглянула на зеркало.

— Моурис, я решила: ты поведешь меня под венец, ты выдашь меня замуж.

Он был всем для нее — мужем, братом, а теперь отцом. Всем, чего она не знала никогда. Бедный Моурис — единственная родная графитовая душа в зеркале на стене.

Глава 14

Прошел месяц, свадебное платье мисс Хоукинс было готово. Сегодня она должна была его забрать. Утром пришло еще одно письмо из банка. Это было повторное приглашение. Очевидно, предыдущее затерялось и не дошло до адресата. Менеджер по-прежнему взывал к ее рассудку: ес-

ли траты продолжатся в том же режиме, то очень скоро они превысят все кредиты и ничто уже не спасет ее от перерасхода. Банкир приглашал ее для разъяснения ситуации, если она не в отъезде. Она предпочла не заметить раздражения в вежливом тоне письма, как, собственно, и самого письма. Притворилась, что его не было вовсе, как и предыдущего, забытого. Внимательно прочла письмо и схоронила в надежном потайном месте, да так удачно, что тут же забыла где. Проверила чековую книжку в сумочке, оделась и вышла из дому. Только на полпути к миссис Черч неожиданно вспомнила, что не получила на сегодня обязательный приказ дневника. Всполошилась и повернула обратно к дому. Последнее время, наверное от осознания неумолимо приближавшегося окончания срока приговора, она все острее чувствовала необходимость полного и беспрекословного повиновения зеленой книжке.

Мисс Хоукинс вошла в квартиру, открыла дневник на сегодняшнем дне… и не поверила своим глазам — на странице была запись.

В голове отсутствовали какие-либо воспоминания по этому поводу. Но почерк, без сомнения, ее. С нараставшим страхом и удивлением прочитала приказ: «Продала часть мебели». Волосы

встали дыбом. Она была в ужасе. В свете полученного сегодня и уже забытого письма приказ был абсолютно логичным. Но сама идея распродажи имущества — разорение ее дома, пусть даже частичное — казалась ей дикой и невозможной. Постаралась собраться с мыслями и успокоиться. Конечно, вынести это невозможно, но… если только не принимать в расчет, что все эти утраты свершатся ради и во имя ее будущего семейного счастья и благополучия. С другой стороны, так или иначе, сознательно или нет, но приказ написан и получен, а значит, требует выполнения. Поэтому выписала на маленькую карточку объявлений второстепенные предметы, с которыми можно расстаться в первую очередь. Сверху на карточке указала свое имя и адрес. По дороге к миссис Черч зашла в газетный киоск и оплатила недельную печать своего объявления. Сегодняшний мистическим образом появившийся приказ, казалось, давил ей на плечи и сжимал грудь. В отчаянии она вновь и вновь заставляла себя вспомнить все с самого начала: проснулась, умылась, оделась, увидела и спрятала письмо. Но где пробел? Когда это было? Могла забыть, как записывала… Но сам приказ, означавший начало опустошительного разрушения, был более чем

просто запоминающимся. Старалась припомнить, как стояла у стола с ручкой в руках, но не могла. Все было нереально, как будто и не было. Она оцепенела от предчувствия надвигавшейся беды. А что если нависшая над ней скорая свобода угрожает свободе ее собственной воли? Куда ее заведет ворвавшееся этим утром в ее жизнь без спросу, с черного хода непонятное и непредсказуемое нечто? Надо собраться и последить за собой как бы со стороны, контролируя каждый шаг, а особенно мысли. Но как это сделать? Одно дело — наблюдать за пишущей рукой или идущими ногами — контролировать формальное, физическое. Другое — приставить стражу к своей голове. Ее трясло. С радостью заметила, что стоит уже перед домом миссис Черч.

Платье, задрапированное глубокими складками, было разложено на покрывале кровати, сияющая диадема красовалась в головах. Мисс Хоукинс расплакалась. Портниха приняла это на свой счет как комплимент.

— Чудесно получилось, не правда ли? Примерьте, дорогая.

Но не красота подвенечного наряда была причиной слез мисс Хоукинс. Ее пугала вдруг проступившая пустота и фальшь пышного наряда. Как

будто кто-то нашептывал ей в ухо: «Оно не станет надежной обителью». Ей не удавалось уговорить себя примерить наряд. Что она почувствовала бы, нежно укутанная белыми сатиновыми складками, на самом деле завернутая в саван?

— Я, к сожалению, не успеваю надеть его, — только и смогла выдавить она.

— Значит, я не увижу его на вас. — Миссис Черч была разочарована.

— Я приглашу вас на свадьбу. — Мисс Хоукинс отчаянно цеплялась за жалкие остатки своей мечты.

— А когда она состоится?

— В следующем месяце. Я пришлю вам приглашение.

Вынула чековую книжку и выписала чек на требуемую сумму, не удосужившись продублировать запись на корешке книжки — все равно денег уже не было и точные подсчеты ни к чему.

Миссис Черч любовно сложила и завернула наряд. Она немножко расстроилась, но совсем чуть-чуть. К ее радости и удивлению, все вышло очень удачно и придало ей уверенности, что она может найти и других клиенток. Она оказалась вторым человеком, кому мисс Хоукинс открывала широкую дорогу в бизнес.

Дома мисс Хоукинс снова проверила дневник — запись была по-прежнему там. Поставила красную галочку рядом. Почти без удовлетворения — она все еще сомневалась, что сама написала утренний приказ. Развернула платье. Может, платье разожжет тлеющие угольки надежды на то, что, теперь она точно знала, было ее мечтой и всего лишь иллюзией? Неожиданно она услышала собственный голос, взывавший к Моурису:

— Ты хочешь посмотреть на мое платье?

Странно, но она была сейчас рада тому, что до сих пор верила в реальность его существования. Если есть Моурис, то все свершится, как она задумала. Он отведет ее к алтарю, где ее будет ждать Брайан. И миссис Черч будет стоять рядом с ней, и банкир, успокоенный и поверивший в жесть, тоже окажется в церкви и будет смотреть на нее из бокового прохода.

Побежала в спальню. Глаза закрыты, только пальцы нащупывают маленькие перламутровые пуговки от шеи до талии. Приоткрыла глаза, надела диадему. В руках маленькое зеркало, чтобы не видеть себя в полный рост, только голову. Все готово. Отодвинула зеркальце на длину вытянутой руки. Горькие сомнения, заполнившие ее всю, разбились вдребезги и улетучились в

одно мгновение, когда она наконец увидела то, о чем так отчаянно мечтала. Это — настоящее, совершенное наслаждение. Она больше не сомневалась — она будет невестой, и да свершится задуманное!

Уверенно повернулась к большому зеркалу — хотела теперь увидеть себя во весь рост. То, что она увидела, восхитило и поразило ее. Она помнила, как миссис Черч отговаривала от неподобавшего ее возрасту фасона, боясь, что это будет выглядеть смешно. В зеркале перед мисс Хоукинс предстала счастливая в расцвете молодости невеста, которая не поблекла от долгого ожидания. Сквозь девственную чистоту ярко светилась твердая надежда на будущее, что всегда было привилегией молодости. Она простила ушедшие годы, пропавшие в унынии, без единого события, она готова была забыть все разочарования и горести детства. Простила и отпустила все. Все, кроме одного.

Мисс Хоукинс плотно закрыла глаза, до боли, силясь уничтожить в памяти голую лампочку в ванной, ласкавшую своим мягким светом тень закрученной веревки, перетянувшей горло нежеланной взрослой жизни. Девочка Моррис… Опять все вернулось к ней. Это не прощалось. И никогда

не простится.

— Я надеюсь, матрона мертва, — прохрипела она. — Я надеюсь, она в аду. Я надеюсь, вся она, каждая частичка ее тела медленно горит в огне. Медленно корчится в языках пламени перед тем, как быть уничтоженной раз и навсегда. Убить, убить!

Слова с шипением вырывались из ее горла. Они пожирали и смаковали невидимую добычу, с неослабевавшей силой и ненавистью они извергались снова и снова. И снова смаковали.

— Убить, убить! — кричало в зеркале кипенно-белое платье.

В ужасе она открыла глаза. Что за дьявол бился и извивался в ней? Может, он давно уже прокрался внутрь ее тела? Может, это он написал приказ, пока она не видела? Засмеялась в голос. Она должна была оставить себе хотя бы малюсенькую надежду на то, что почти ускользало от нее.

— Я — невеста. Я выхожу замуж и через несколько недель буду миссис Брайан Воттс. Моурис, я иду.

Ее тюлевый шлейф прошелестел в гостиную.

— Тебе нравится?

Он улыбнулся.

— К сожалению, тебе не видно все. Я встану

сейчас на стул.

Придвинула стул прямо к зеркалу и встала перед Моурисом в полный рост, надеясь, что ему хватит воображения и он сможет представить себе всю ее. Его усы касались ее талии и, казалось, чуть поникли.

— Ну, не дуйся, Моурис. Мы по-прежнему останемся друзьями. Ты будешь приходить на обед, как всегда. Но Брайан тоже будет здесь жить.

Ее иллюзии опять обретали твердую почву… Налила немного портвейна и выпила за свое счастливое будущее.

Раздался звонок. Она никого не ждала. Может, это Брайан? Он пришел просто так, без приглашения, без дела, бесплатно. Пришел подарить ей свои услуги и себя навсегда. Значит, не случайно она примеряет сегодня свадебный наряд? Она знала, сердце ее не обмануло: именно сегодня он пришел просить ее руки. Бросилась в спальню — переодеться. Нельзя так дерзко предвосхищать события и пугать его своим предвидением. Как долго расстегиваются все эти пуговки… Звонок прозвенел снова. Потом еще раз.

— Я уже иду!

Платье оставила на кровати и прикрыла сверху одеялом. Брайан не должен знать, что она дога-

дывалась. Бегом в прихожую. Изобразила на лице крайнее удивление и открыла дверь.

— Вы продаете мебель?

Вот появился первый судебный пристав.

Брайан подводил итоги. Оторвался от учетной книги и снова окунулся в удушающую, мрачную атмосферу своей квартиры. Его мать как будто и не покидала их берлогу: все здесь было неизменно и оставалось по-прежнему серым и унылым. Ему, конечно, следовало поскорее выбираться отсюда. Но у него не было достаточно денег на покупку новой квартиры. Он видел только одно решение этой проблемы. Если бы он мог бесплатно обслуживать миссис Макинс! Если бы она согласилась, став его супругой, смириться с его нелегальными, непристойными доходами! Брайан снова пересчитал свой недельный доход с учетом потери лучшей клиентки. Выходило неплохо. И Виолетта, наверное, не захочет, чтобы он удалился от дел. Больше всего его радовало то, что она относилась к его бизнесу как к легальному и достойному занятию. Виолетта была уверена в необходимости таких услуг и удивлялась, почему его бизнес до сих пор не зарегистрирован официально. По поводу их отношений она тоже неоднократно намекала, что хотела бы иметь постоянного

спутника жизни. Сам Брайан до сих пор не был готов к принятию такого решения — мешало его неустойчивое материальное положение. Была еще одна загвоздка — бедная мисс Хоукинс, вбившая в свою несчастную голову, что она является единственной претенденткой на статус миссис Воттс. Он должен был сознаться хотя бы себе, что сам приложил к этому руку, бесстыдно пользуясь ею и развеивая ее сомнения. На первых порах Брайан не считал получаемые от нее деньги и старался избегать любого выяснения отношений. В итоге все неясности и недоговоренности твердо убедили мисс Хоукинс, что она на верном пути к замужеству. Даже тогда, когда он превратил ее деньги в мифические «пустые жестянки», ее уверенность в семейном будущем ничуть не поколебалась. Полунамеками и недомолвками она бесконечно подводила его к решающему разговору. Сегодня она наверняка опять заведет разговор о деньгах или потребует веских доказательств прибыльности ее несуществующих акций. Ему определенно надо поскорее избавиться от нее. Но ее вклад в его благосостояние пусть небольшой, но стабильный. Как ни странно, Брайан испытывал угрызения просыпавшейся иногда совести и где-то в глубине души надеялся, что, прокутив все

свои сбережения, она сама спокойно оставит его, без принуждения и с миром. Сейчас его увертки и туманные обещания лишь отдаляли день их окончательного объяснения.

Он запретил себе думать о бедной мисс Хоукинс и решил перейти к более приятным размышлениям о том, что он в состоянии получить от Виолетты в качестве приданого к их совместному будущему. Ему очень нравилась ее гостиная, это он ясно почувствовал еще на первом их свидании. Он с легкостью представлял себя удобно устроившимся на мягкой кушетке с бокалом хереса в руке. Такие картинки возникали в его мозгу совершенно естественно и без долгих репетиций. За время их знакомства военная форма Джорджа выцвела и незаметно куда-то исчезла, его пожелтевшая фотография в серебряной рамке ждала достойной замены. Оранжерея, примыкавшая к гостиной, уже виделась ему студией, где бы он снова мог вспомнить свое благородное увлечение живописью… Несчастная мисс Хоукинс… Сегодня же надо поговорить с Виолеттой.

По такому торжественному случаю Брайан надел свой лучший костюм в тонкую полоску — он нравился Виолетте. Он предложит Виолетте свою свободную руку бесплатно и навсегда. По дороге к

ней купил большой букет красных роз. Теперь он стоял у ее двери, держа перед собой красный щит беззащитных цветов. Позвонил. Она его не ждала, но была явно ему рада. Он понял, что застал ее врасплох: она была не причесана и без макияжа. В первые мгновения Брайан и сам смутился. Но обаяние уютной гостиной вскоре поставило все на свои места.

— Феликс?! Я не ждала вас.

За эти годы он успел привыкнуть к своему вымышленному имени. Все клиенты знали его под этим именем, и только мисс Хоукинс не уставала повторять каждый раз простецкое «Брайан». Его имя было единственной правдой, которую она знала о нем. Ему, конечно, было больше по душе звучное «Феликс» — оно соответствовало его теперешнему состоянию и положению. Но рано или поздно ему придется открыть прозаическую фамилию Воттс хотя бы для Виолетты — он с уважением относился к серьезным документам, и в брачном свидетельстве все должно соответствовать действительности.

Он протянул ей букет.

— Но день рождения у меня не сегодня!

— Все равно. Сегодня особенный день. Я должен что-то вам сказать.

Красные розы и костюм в полоску красноречиво говорили о том, что он собирался сказать ей. С некоторых пор она предполагала такое развитие их отношений, но все же это было неожиданно. Ей хотелось бы и выглядеть иначе в такой торжественный момент.

— Угощайтесь. Херес. — Она налила ему бокал. — Я буду через минуту. Только переоденусь.

У него появилась минутка повнимательнее приглядеться к новым владениям. Требовались кое-какие изменения. Застекленная веранда, вся заваленная какими-то старыми коробками и ящиками, нуждалась в тщательном ремонте и восстановлении. Виолетта должна найти новое место для склада. Оглянувшись по сторонам, заметил явную брешь в портретной галерее — Джордж в серебряной раме и другие фотографии ее прошлой жизни как будто растворились в воздухе. Неужели Виолетта ожидала от него предложения руки и сердца или это естественный ход неумолимого, разрушительного времени? Брайан надеялся, что Виолетта сохранила изысканные серебряные рамки — его портреты неплохо смотрелись бы в них. Послышались приближавшиеся шаги хозяйки — он вернулся к своему хересу.

Она была в платье, которого он прежде никогда

не видел. Оно мягко облегало ее на удивление юную и стройную фигуру. Он ведь и не знал, какая она. Обычно во время их встреч на ней был надет свободный домашний халат, так называемая рабочая одежда, больше подходившая для их занятий. Теперешний ее вид ясно говорил о другом, совсем не деловом поводе свидания. Виолетта улыбалась, что внушило ему некоторую уверенность и смелость. Она опустилась на кушетку, но не рядом с ним, а на некотором расстоянии.

— Так что же вы хотели мне сказать?

— Я пришел предложить вам бесплатные услуги.

Она вопросительно подняла брови, сомневаясь, правильно ли поняла его.

— Почему мне? Вы можете себе это позволить?

— Вы знаете, что у меня есть и другие клиентки, — начал он. Он немного сник из-за отсутствия энтузиазма с ее стороны. — Нам вполне хватило бы на жизнь.

Теперь она была уверена, что поняла все верно.

— Нам?

— Я прошу вас стать моей супругой.

Она взяла его руку и положила ее на свою неприступную юбку.

— О, Феликс. Я не могу не признаться, что ждала этого. Я давно надеялась на это.

— Значит, вы согласны?

— Я с радостью и гордостью поменяю свою фамилию на Хоукинс.

Его бросило в пот.

— Что-то не так? Вы так неожиданно побледнели.

— Это из-за Хоукинс. У нас нет ни одной жестянки.

— Извините, чего?

Он вдруг осознал, что перед ним Виолетта, а значит, он невиновен и просит пощады не у того судьи.

— Нет-нет, ничего. Просто вспомнилась строчка из старой песни.

Хорошо, что вовремя взял себя в руки и не проговорился. Он рассказал ей о своем вынужденном псевдониме и предложил на будущее честную и чистую фамилию Воттс. Да, она поняла и приняла все — условия его бизнеса таковы. Конечно, она очень привыкла к благородному Феликсу: ей хотелось бы, чтобы он по-прежнему оставался для нее Феликсом — в этом имени столько экзотики. Он не смог противиться ей и разрушить красивый образ.

— Миссис Виолетта Воттс. — Она пыталась привыкнуть к новому имени.

— Вам это подойдет.

Она улыбнулась:

— Думаю, я привыкну. Еще есть один вопрос, касающийся нашей женитьбы.

— Все, что угодно, дорогая.

— Я хочу продолжать платить.

— Но почему? Зачем? Ведь я же буду вашим мужем на абсолютно законных основаниях.

— Я хочу платить, — повторила она упрямо. — Вам не кажется, что в этом есть что-то забавное?

Нет, он не видел в этом ровным счетом ничего. Но и не расстроился вовсе. Это означало лишь одно: женитьба никак не отразится на его доходах. Виолетта — женщина одна на миллион! Таких еще поискать!

— Конечно, если вы так хотите. Но я думаю, доходы пойдут в наш общий бюджет…

— Нет. Это по-прежнему будут ваши деньги. Ну, дорогой мой, поймите, мне *надо* платить…

Она произнесла это тихо и очень уверенно. Ну что ж, ее странные прихоти — вид весьма доходного и невинного сумасшествия. Он был абсолютно согласен с ее условиями.

Они назначили свадьбу на Пасхальную неде-

лю. Виолетта так решила — это было выгодно и удобно. Она что-то говорила о льготных налогах в это время. Но Брайан, никогда не плативший ничего за свой нелегальный бизнес, не знал, как это может быть связано с ним. Теперь Виолетта раскрыла свои карты. Оказывается, у нее самой было небольшое дело. Ей принадлежало несколько квартирок по соседству. Она сдавала их внаем, и все это вместе с военной пенсией Джорджа составляло ее скромный, но достойный бюджет.

— Я совершенно не в курсе, — ответил Брайан, давая ей ясно понять, что не рассчитывает на ее деньги в их будущей семейной жизни. Но подспорье неплохое, и он теперь с легким сердцем может оставить свое занятие. Опять пришло в голову, что теперь мог бы легко отделаться от мисс Хоукинс и навсегда забыть о ней. Больше никогда не входить в ее мрачное жилище, больше никогда не глотать тягучий, приторно сладкий портвейн… Любопытно, что она сделала бы, если бы он никогда больше не появился у нее? Ну да, она, без сомнения, опять притащилась бы к нему домой, как это уже было однажды… Нет, нельзя бросать ее до женитьбы. А потом он просто переедет, не оставив ей нового адреса. И она никогда уже не сможет отыскать его… Через

несколько недель бесплодного ожидания она придет в библиотеку и будет слоняться там в поисках его. Она будет мучиться от накапливающейся злости и обиды, совсем перестанет спать в своей холодной одинокой постели, размышляя о пустых жестянках. И однажды она очнется от своих безумных иллюзий и все поймет и пойдет в полицию. Брайан поежился. Все, что у нее было, — его имя, старый адрес и визитка. Этого вполне достаточно для начала расследования. Но она не посмеет. Она не посмеет, не решится рассказать в полиции о сути их обмена. Она умрет, прежде чем выдавит из себя хоть слово об этом. Он был уверен в ее наивности и непорочности. До Пасхи у него есть еще двенадцать рабочих недель. Двенадцать ненавистных визитов к мисс Хоукинс… И шестьдесят фунтов дохода — ведь впереди его ждет медовый месяц.

— Мне хотелось бы остаться жить в этом доме, — сказала Виолетта, как будто ожидая возражений Брайана. — Очень глупо покупать сегодня другой дом за бешеные деньги.

— Но я непременно возьму на себя часть расходов по ведению хозяйства. Я настаиваю на этом.

— Конечно. Ну как если бы вы стали моим квартирантом. Давайте я покажу вам дом. Ведь

все эти годы вы видели только одну комнату. И ванную. Пойдемте?

Она взяла его за руку и начала экскурсию. Сначала холл, потом вверх по лестнице, они вошли в ее спальню. Когда-то, в первый свой визит к ней, он уже заглядывал сюда мельком, но совершенно не запомнил размеры и обстановку. Комната оказалась значительно меньше, чем показалась тогда, — почти все ее пространство занимала двуспальная кровать.

— Небольшая комната — для одного человека, — проговорила она извиняющимся тоном. — Но я очень люблю ее уютное очарование.

Он подумал, что выберет на кровати место с правой стороны, как привык спать у себя. Близко к двери — удобно приходить и уходить. К тому же лампа стояла именно у этой стороны кровати, а он любил иногда почитать перед сном. Он уже почти уютно устроился, когда Виолетта прервала его сладкие мечты.

— Пойдемте, я покажу вам вашу комнату, — сказала она, немного смущаясь.

Она вывела его обратно на лестничную площадку, поворот, и они уже входили в еще меньшую комнатку. Узкая односпальная кровать, высокий комод и небольшой стол.

— Джордж называл ее своей «зимней квартирой».

Оказывается, у них были разные комнаты и спали они отдельно… Но это даже нравилось Брайану. Раньше в своей квартирке он устраивался на ночь в гостиной, прячась от назойливых упреков матери, но она и тут доставала его и по сто раз за ночь будила грубыми тычками в бок из-за нервировавшего ее громкого храпа. Теперь он мог храпеть всласть — их комнаты находились на достаточном расстоянии, чтобы даже громкие ночные трели не были слышны. А может, Виолетта и сама ночью пускалась в песнопения, поэтому и устроила для себя уютную светелку?

— Без сомнения, очень удобно, — вслух подтвердил Брайан.

С полки высокого комода она достала два ключа.

— Это ваш. — Она передала ему один из них. — А это — мой. Я воспользуюсь им, как только мне понадобятся ваши услуги.

— Я очень счастливый человек.

Он действительно чувствовал это. Его жизнь совершала удачный поворот, но ощущение глубокого счастья никак не зависело от его будущей жены. Она же приняла его слова полностью на

свой счет — ей льстило такое откровенное признание. Она, разумеется, тоже очень счастлива, что так неожиданно встретила его тогда в супермаркете.

— Знаете, Феликс, вам ведь теперь совершенно не обязательно продолжать работать. Нам вполне хватит того, что есть.

— Но мужчина должен чувствовать себя мужчиной. Мужское достоинство, знаете ли.

— Разумеется, да. Но теперь вы можете работать изредка, не так упорно и усердно. Вернетесь к живописи.

Как раз подходящий момент для разговора о переделке оранжереи под мастерскую.

— Но где я смогу рисовать?

— Здесь. Очень удобное местечко для мольберта, и потом здесь очень светло и солнечно — окна выходят на юг, целый день солнце.

— Мне больше подходит север. — Он думал о прохладной застекленной веранде. — Может, лучше найти что-нибудь подходящее с противоположной стороны? Может, оранжерея? Это было бы идеальным местом для моей мастерской.

Он видел, как она напряглась. Его предложение ее совершенно не устраивало.

— Боюсь, что не выйдет. — В ее голосе опять по-

слышались холодные, отталкивающие нотки. — Оранжерея была любимым местом Джорджа. Он часто отдыхал там, раскладывая пасьянс. Все дорогие ему вещи хранятся там.

— Ну что ж, забуду и мечтать об этом.

Брайан был спокоен. Ее твердый отказ ничуть не испугал его — он знал свое настоящее место и статус. Но про себя отметил и то, что ей по-прежнему дороги вещицы ее ушедшего в мир иной благоверного, и то, как она рьяно охраняет от любых посягательств его место.

Они снова спустились вниз. Брайан чувствовал, что настал его черед для солидного вклада в их совместное будущее. Он решил, что весьма достойно проявит себя, если займется организацией медового месяца. У него накоплено достаточно средств для недельной романтической поездки, а если она не прекратит оплачивать его услуги, то счастливая неделя может превратиться и в две.

— Куда бы вы хотели отправиться?

— Куда-нибудь в теплые края. Я обожаю солнце.

Неделя под жарким солнцем на Пасху обойдется в кругленькую сумму, и это не считая билетов.

— Мы могли бы отправиться в Марокко. Мой кузен занимается организацией туров. Он на-

верняка устроит для нас бесплатный перелет и свадебный подарок в виде приличной скидки.

Эта женщина может все! Он чувствовал, что ему начинает везти по-крупному. Все так, если бы не раздражающие, неотступно скребущие его душу мысли о мисс Хоукинс. В такие моменты безоблачного счастья он ненавидел ее. В конце концов, он добросовестно отработал большую часть ее денег. Она же не может рассчитывать на то, что он их вернет ей. Так или иначе, он не в состоянии сделать это. Если только рассказать ей всю правду и предложить отработать все ее «пустые жестянки»? Но, чтобы полностью расплатиться, ему придется несколько лет обслуживать ее бесплатно… И даже если это устроило бы ее, он не готов пойти на это. Он не сможет заставить себя честно и с душой оказывать ей свои услуги. Конечно, мисс Хоукинс никогда не догадается, что он ненавидит работу с ней: она слишком наивна и не искушена в делах сердечных. Бедная мисс Хоукинс. Он жалел ее, жалел и ненавидел одновременно. Нет, он решил окончательно и твердо: он бросит ее навсегда сразу же после свадьбы с Виолеттой.

— Марокко — это было бы чудесно, — прервал свои темные мысли Брайан.

Перед ним была Виолетта, в плотно облегавшем стройную фигуру платье, ее блестящие, жаждущие глаза, лицо, полное обещания счастья… Его захлестывала волна желания, непреодолимого желания сейчас же слиться с ней.

— А я могу воспользоваться вашими услугами? — Он взял ее руку.

— А мне ничего не нужно сейчас.

— Но мне нужно.

В нем пульсировало и билось желание, которого он никогда не знал. Она посмотрела ему в глаза.

— Ну, тогда мы меняемся ролями, — сказала она, мягко улыбаясь. — Если так, то вы становитесь покупателем.

Истинное наслаждение — логическое продолжение их товарообмена.

— Ваши цены конкурентоспособны?

— Они в точности соответствуют вашим. — Она весело рассмеялась.

Так миссис Виолетта Макинс, будущая миссис Воттс, вступила в дело. Результатом ее деловой активности могло стать уменьшение его дохода по крайней мере вдвое. Брайан тут же решил впредь обуздывать свой разыгравшийся аппетит, иначе ему грозило полное банкротство.

Пока Виолетта обслуживала его, Брайан пришел еще к одному важному выводу. Все необыкновенным образом перевернулось с ног на голову — он вдруг оказался получателем услуг своего собственного бизнеса и впервые испытал ни с чем не сравнимое наслаждение покупателя удовольствий.

Сделка свершилась.

— Я тоже хотел бы иметь ключ от вашей комнаты.

Она снова широко улыбнулась:

— Я дам его вам в первую брачную ночь.

Итак, их семейная жизнь вставала на прочную финансовую основу и, судя по всему, в будущем станет зависеть от щедрости обоих партнеров. Контракт был подписан. Каждый из них осознавал опасности, таившиеся в таком договоре, ведущем скорее всего к обоюдному воздержанию.

— Один раз в неделю, в воскресенье, — бойко предлагала Виолетта, — наши услуги будут абсолютно бесплатны.

Это был разумный и предусмотрительный ход. Она знала по собственному опыту, что желание вскоре утихнет, а в итоге, возможно, пропадет совсем.

Брайан с готовностью принял предложение Виолетты, хотя не понимал ее мотивов. Его устраивало, что по крайней мере один день в неделю не будет стоить ничего.

— Вы согласны предоставить мне все заботы по организации нашей свадьбы?

Это предложение он тоже принял с радостью. Прежде всего, у нее есть определенный опыт в таких делах — однажды она уже это проходила.

— Я надеюсь, вы позволите мне взять на себя все расходы?

— Мне кажется, Святой понедельник — очень подходящий день.

Он кивнул, внутри опять все заныло от раздражения. Понедельник — день мисс Хоукинс. Это будет первый понедельник за много лет, когда он не придет к ней… А пока каждый понедельник он будет служить ей старательно, кормя обещаниями об их совместном будущем и стараясь не нарываться на разговоры о «пустых жестянках». Он даже договорится с ней о свидании в Святой понедельник. Она будет, как всегда, трепетно ждать его звонка в дверь, потягивая свой бодрящий портвейн. На столе приготовленные, аккуратно сложенные горстки серебряных монет, задернутые шторы и мерцающие в темноте

свечи.

Он же в это самое время, да поможет кузен Виолетты, будет уже далеко от нее, на пути в Касабланку или куда-нибудь еще, и наконец навсегда избавится от ее свинцового бисквита и плюшевой кушетки.

Теперь ему пора идти.

— Завтра я приду к вам как обычно? Если, конечно, я вам понадоблюсь.

— О, я думаю, я закажу завтра у вас одно очень занятное блюдо. — Виолетта поддразнивала его.

Он поцеловал ее на прощание. Абсолютно бесплатно.

Дома Брайан вытащил на свет свою учетную книгу и снова проверил счет мисс Хоукинс. Пересчитал ее траты за три года. Выходило тысяча двести пятьдесят пять. С учетом предстоявших свиданий до свадьбы, по пять — каждый понедельник, получится — тысяча триста. Он и не помышлял вернуть ей эту сумму. Он даже получал странное удовольствие оттого, что знал точную сумму, которую бедняга никогда не получит обратно. Он заработал вдвое больше на остальных клиентках всего лишь за год с небольшим. Какие могут быть упреки в несправедливости при такой скаредности?

Глава 15

За последние несколько недель квартира мисс Хоукинс заметно опустела, лишившись большей части мебели. Она выглядела заброшенной и давно покинутой своими обитателями. Каждый раз, возвращаясь в разоренный дом, мисс Хоукинс задавалась одним и тем же вопросом: когда все это кончится? И утешала себя тем, что срок ее приговора скоро завершится собственноручно ею устроенным замужеством, которое освободит ее от всех проблем и напастей. Она отвлеклась от жести и сосредоточилась на мебели и на будущем, в котором Брайан будет заботиться и ухаживать за ней. Она не сомневалась, что только застенчивость мешает ему сделать ей предложение. Может, его нужно еще чуть-чуть подтолкнуть? Купила бутылку выдержанного портвейна — как заверил продавец, более крепкого. Надеялась на успех. Сегодня день их свидания — и она проверит, так ли хорош этот напиток.

Чайная тележка была уже продана — теперь непременный бисквит и бутылка портвейна украшали обеденный стол. Моурис неодобрительно следил за ее приготовлениями. Сняла его

со стены — ей вполне хватало своих собственных сомнений и осуждения, чтобы выносить еще и чужие. Чувствуя неловкость, отнесла в спальню, даже не взглянув на него — стыдилась самой себя. Стыд постепенно перерастал в дурманящую злость. Огляделась в поисках вязания. На месте его не оказалось. Обычно разноцветный змей, всегда готовый поглотить подступающие приступы гнева, грелся на банкетке у камина, расправив свой злобный хвост. Мисс Хоукинс охватила настоящая паника от страха невосполнимой потери и предательства. Не в силах двинуться с места, она в ужасе застыла посреди комнаты. Опять показалось, что в доме существует кто-то третий — невидимый манипулятор. Тот, кто написал приказы в дневнике, кто распродал мебель и теперь сломал ее последнюю соломинку — похитил ее пожирателя злости.

— Ау! — позвала она.

Но только эхо отозвалось в ответ из пустоты, оттуда, где раньше стояли гардероб и книжный шкаф. Она знала, что обязательно должна найти свой шарф, но почему-то побаивалась. Он ведь не потерян, он где-то здесь, но, наверное, уже изорван и растерзан еще более злобным и сильным противником. И если все его бесконечные

узелки распутаны и развязаны, то он теперь бессилен и бесполезен. Только на одно страшное мгновение она представила свое будущее без Брайана — серое существование в надвигавшейся нищете. Бросилась к дневнику, открыла его на сегодняшней странице. Нетвердой рукой написала: «Сделала предложение Брайану», до конца еще не осознавая смысла написанного. Но это было единственно возможное решение всех навалившихся проблем. Вернулась в гостиную, села прямо и твердо, надежно скрестив ноги. Старалась не думать о шарфе и не замечать черных дыр разорения вокруг. И главное, не размышлять над полученным только что приказом. Она не могла сознаться себе, а может, это и в самом деле было за пределами ее понимания: разворачивавшиеся вокруг нее непонятные хитроумные махинации, в которые она была вовлечена, — всего лишь отголоски запрятанного глубоко-глубоко внутри бесконечного и безнадежного отчаяния.

Прозвенел бойкий звонок — она испугалась. Может, не открывать дверь? Но если Брайан не войдет, то она не сделает ему предложение, а значит, ослушается воли дневника. Нельзя же сделать предложение тому, кого здесь нет! Звонок прозвенел снова, намного тише и слабее, без

прежнего напора. Если она сейчас же не откроет, он уйдет, и, возможно, навсегда. Эта страшная догадка заставила двигаться ее окаменевшие ноги. Она стояла перед входной дверью, почти задыхаясь. Брайан принял это за трепет еле сдерживаемого желания. Может, по прошествии стольких лет искушений она решилась пуститься во все тяжкие и окунуться в наслаждение? Они прошли в гостиную.

Брайан сделал вид, что не заметил оголившихся жалких стен вокруг. Его глаза тут же устремились к стопкам серебряных монет на столе, по высоте которых он понял, что бросок в неизведанное не состоится. Все как обычно, и можно вздохнуть с облегчением. С самого начала он не слишком торопил события, рассчитывая на длительный контракт с мисс Хоукинс. Зачем предлагать сразу самый дорогой товар, который год от года только прибавляет в цене?

Домашний бисквит, как обычно, неуклюже громоздился на столе. Одного взгляда на его свинцовую тяжесть хватило для появления обжигающей горечи во рту — начиналась изжога. Рядом вздернула нос новая бутылка портвейна с незнакомой этикеткой. Все в духе мисс Хоукинс. Только куда исчезли ее робость и застенчивость?

Она выглядела раздраженной. Брайан начинал опасаться, что эта встреча может перевернуть вверх дном их давно устоявшиеся отношения. А что если мисс Хоукинс припрет его к стенке, уличив в бесконечном вранье, и потребует названий компаний и рынков, где хранятся ее «пустые жестянки», или отчета по процентам? Но бежать было уже поздно.

— К сожалению, у меня сегодня мало времени. Матери нездоровится. Вы не против, если я приду завтра? Это было бы удобнее.

— Против. Завтра я буду очень занята. Весь день.

Она не могла отложить выполнение приказа и нервничала из-за пропажи шарфа и опустевшей квартиры. И Брайан начинал злить ее. Раздражение не способствовало тому, предстоящему предложению. Она плеснула себе немного портвейна и ушла на кухню готовить чай.

Прямо перед чайницей лежал открытый дневник. Могла поклясться, что закрыла его. Она делала так всегда, и это стало непременным ритуалом — открывать нужную страницу, чувствуя нарастающее где-то глубоко внутри возбуждение. Когда кроваво-красная галочка медленно начинала появляться на белом листе, ее уже захлестывала

волна наслаждения, постепенно поднимая на самый гребень, к кульминации совершенного акта. Перед ней был приказ, требовавший немедленного и непременного выполнения. Закрыла дневник и заперла его на ключ. Изобразила на лице улыбку и понесла в комнату чай.

Брайан задернул шторы и зажег свечи. Решила, что приступит к исполнению приказа чуть позже, после получения удовольствия от первых услуг. Если уж ей выпала участь подтолкнуть застенчивого Брайана, то ее слова будут звучать естественнее как результат оплаченной привязанности. Передала ему чай с бисквитом, но все выходило как-то скованно и напряженно. Брайан решил разрядить обстановку.

— Мне кажется, моя дорогая, мы должны отпраздновать нашу очередную годовщину. Вы и я. Давайте за это выпьем!

Он поднял чашку и улыбнулся ей. Наверное, вот-вот произнесет долгожданные слова… Она ждала, держа чашку у губ и улыбаясь.

— За моего первого и единственного покупателя.

Чуть отпила чаю и снова замерла в ожидании. Он похлопал по кушетке рядом с собой, приглашая ее. Села, сомкнув колени, надеясь на его

следующую попытку.

— Что пожелает моя повелительница сегодня?

В качестве поощрения положил руку на ее колено. Мисс Хоукинс подумала, что впервые за годы повиновения дерзко не подчиняется повелителю. Все может закончиться отказом Брайана, и тогда он уйдет навсегда. Отсутствие удовольствий она переживет, но неповиновение… С другой стороны, она должна и обязана начать неприятный разговор: опять он даже не касается темы ее доходов, а ей уже почти не на что жить. Она вдохнула побольше воздуха и убрала его руку с колена.

— Брайан, — начала она.

Он поперхнулся чаем, закашлялся, тем самым немного отодвинув угрожающее наступление. Но не может же он вечно кашлять. Ну хотя бы еще несколько мгновений передышки…

— Дайте мне пару минут, пожалуйста, — сказал он, запинаясь.

Мисс Хоукинс отодвинула его чашку, скрежеща зубами, — вряд ли ей хватит сил на вторую попытку. Когда кашель прекратился, предложила ему немного портвейна.

— Это смягчит ваше горло. Выпейте маленькими глотками.

Брайан был благодарен. Густой тяжелый на-

питок поможет ему продлить отсрочку и даст некоторое время, чтобы придумать объяснения тому, что она до сих пор не знает названия своих акций. Но она налила ему маловато портвейна, даже если тянуть его малюсенькими глоточками, хватит ненадолго. Да еще, как назло, она нависла прямо над ним, глядя, как он пьет. Наконец села. Но по выражению ее лица была понятно, что кашель никак не притупил ее решимости. Брайан дрожал.

— Брайан, — раздался ее голос снова.

— Да, моя дорогая.

— Мне кажется, так продолжаться не может.

Это было мгновение надежды. Может, она сама решила избавиться от него? Но если бы это было так, она не стала бы больше ему платить и не приготовила бы деньги. Что же это?

— Почему? Разве вы не получаете удовольствия?

— О, я получаю огромное удовольствие.

— Что же тогда? Почему мы не можем продолжать, как прежде?

— Мне хотелось бы перейти на более постоянную основу.

По крайней мере половина победной галочки послушания заработана…

— Но она и есть постоянная. Я ведь прихожу к вам каждый понедельник уже больше трех лет.

Ясно, что он не обратил внимания на намек. Опять нависла угроза отказа и неудачи.

— Я совсем не об этом.

— А о чем же?

Как только вопрос слетел с его губ, он тут же пожалел об этом. Он очень хорошо понял ее намек и очень хорошо знал, к чему она клонит и чего ждет. Теперь он сам дал ей карт-бланш, а она с готовностью приняла его.

— Брайан…

Снова это «Брайан», ужасно глупое, простецкое «Брайан», которое в ее интерпретации звучит еще глупее. Она звала его, как будто скулила от боли.

— Я предлагаю вам…

— Предлагаете что?

Эта была последняя, самая короткая остановка.

— Пожениться.

«Пожениться» эхом прокатилось и отозвалось изо всех зияющих дыр, и нечему было приостановить или заглушить нескончаемое «пожениться». Что она только что предложила ему? Что она могла вообще предложить, кроме собственной нищеты? Нищету на двоих? Расцепила колени. Приказ был выполнен. Галочка послушания за-

служена, и это все, в чем она сейчас была уверена. Она упрямо ждала ответа.

Он медлил. Взял ее руку, в голове было пусто.

— Ну что? Что же вы скажете? — не выдержала она, подбодренная его рукопожатием.

— Вы же понимаете, что я думал об этом… много раз.

Главное было начать, теперь будет легче развивать придуманные объяснения. Он даже получал от этого фиглярства какое-то извращенное наслаждение. Только надо быть очень внимательным и сосредоточенным, не забывая сохранять скорбное выражение лица.

— Просто ума не приложу, как это все устроить. Моя бедная мама… — Брайан старался не думать о матери, заботливо укутанной роскошью в «Петунье», со сливочным кексом в руке — сейчас было время ланча. — Я не могу оставить ее.

— Но можно устроить ее в дом престарелых.

Он грустно улыбнулся в ответ:

— При моих доходах это невозможно.

— Но есть государственные дома престарелых, — протестовала она.

— Нет, — ответил он сухо. — Я не могу опуститься до этого…

Он видел, как ее рот скривился от злости, и

пожалел, что сказал именно так. Вдруг она потребует сейчас же все свои сбережения назад, ведь, судя по всему, они стали абсолютно бесполезны?

— Но не отчаивайтесь, — добавил он быстро. — Я постараюсь что-нибудь придумать. Обязательно. Я обещаю.

Обещание Брайана не убедило ее, но она боялась быть назойливой.

— Вы уверены, что единственная причина в вашей матери? — только и смогла спросить она.

Невольно мисс Хоукинс подкинула ему новый повод для дальнейших отговорок, и он ухватился за него.

— В общем да. Но мне сложно все объяснить.

— Постарайтесь, — сказала она, осмелев.

Она была готова ко всему. Знала, что перенесет все и разрушит любые преграды. Но были обстоятельства, и это Брайан точно знал, которых никогда не сможет преодолеть мисс Хоукинс.

— Мы знакомы очень давно. Но… мы не знаем друг друга до конца.

Он не смог выговорить «интимно» — это прозвучало бы слишком дерзко и породило бы новое непонимание. Лучше не пояснять, а дальше ее дело понимать, как ей вздумается. Мисс Хоукинс отлично все поняла, но в свою очередь сделала

вид, что намек ей настолько неясен, что отрезала всякую возможность продолжения этой темы. Тут же перевела разговор в другое русло.

— Может быть, еще чашку чаю? — спросила она, уже наливая новую порцию.

Очень мешала его рука на колене. Ее радовало согласие Брайана, хотя претворение в жизнь принятого решения оставалось по-прежнему туманным и пугало ее. Но ведь это случится не сегодня. Дневник не приказывал все решить сегодня. Да и потом, у нее просто нет таких денег и откуда их взять, думала она, оглядывая жалкие крохи, оставшиеся от ее движимого имущества. Ее взгляд остановился на кушетке. Уверила себя, что смотрит на Брайана, ведь он там сидел. И мысли пустились по обычному и давно привычному пути.

— Я собираюсь потратить пять фунтов, — сказала она, будто ребенок в предвкушении покупок в магазине игрушек.

Эти пять фунтов она получила за золотую медаль, которую, сколько себя помнила, носила на шее. Это единственное, что отличало ее, спеленатую, от других таких же свертков, когда ее доставили в сиротский приют Святого Сердца. Для матроны это было лишним доказательством

того, что младенец был произведен на свет от первого попавшегося солдата простолюдинкой, шатавшейся по обозам. Медаль так и осталась висеть на шее девочки как напоминание о ничтожестве пустоты, из которой она появилась. Мисс Хоукинс не снимала ее и после выхода из приюта, храня этот единственный знак, оставленный ей несуществующей семьей. Так было до тех пор, пока однажды на сладкой фабрике бригадир на упаковке сливочной помадки не обратил внимания на эту медаль. Он решил провести расследование по поводу происхождения мисс Хоукинс.

Возникли неминуемые вопросы и противоречия в ее версии. Вскоре интерес бригадира с медали переместился на шею и остальные части тела подчиненной. Каждый раз, сталкиваясь с ней, он приклеивался сальным взглядом к ее шее и повторял завистливо и похотливо:

— Ценная вещица, ничего не скажешь.

Мисс Хоукинс сняла медаль не потому, что боялась носить дорогую вещь, просто хотела прекратить дальнейшие грязные приставания. С тех пор реликвия хранилась в маленькой коробочке на туалетном столике. Единственное свидетельство ее рождения. Теперь она не задумываясь с

удовольствием ее продала. С точки зрения матроны, родители гордились бы ею.

Сегодня она не получала такого удовольствия от их встречи, как раньше. Безумно хотелось закончить все поскорее, поскорее истратить все деньги, чтобы Брайан смог наконец уйти и она осталась бы наедине с дневником и победной галочкой. Все больше и больше убеждалась в том, что именно это и является самым огромным наслаждением в ее жизни. Наслаждение повиновения и освобождения, потому что тут же забывала о выполненном приказе. На самом деле мисс Хоукинс вовсе не хотела замуж за Брайана. Она была уже давно повенчана с дневником, своим тираном и благодетелем. Но дневник не мог помочь ей. Он не мог передвинуть мебель или взять на себя часть ее еженедельных расходов. Еще она знала, что скоро закончится срок его правления, и Брайан был единственным, кто мог заменить хозяина.

— Вы обещаете, что найдете решение? — снова спросила она.

— Решение чего?

Даже легковерной мисс Хоукинс стало абсолютно ясно, что Брайану вся эта затеянная ею женитьба едва ли представляется реальным

событием.

— Чтобы жениться на мне, — ответила она устало и бесстыдно.

— Конечно, конечно, я обещаю. Мы найдем решение. Не расстраивайтесь.

— А где же мы будем жить? — И не дожидаясь его ответа, тут же продолжила: — Мне бы хотелось, чтобы вы переехали ко мне. Нам, правда, понадобится еще мебель…

Черт ее возьми, она решила развлечься на всю катушку.

— Да, я совсем не возражаю, получится мило. А когда ваш корабль, груженный жестью, вернется и вы получите дивиденды, мы займемся обстановкой.

Он представлял себя уютно устроившимся в мягких подушках в доме Виолетты, далеко от причитаний мисс Хоукинс. Его переполняло презрение к этой жалкой провинциалке с ее безумными желаниями и идеями. Он потянулся и забрал оставшуюся горстку монет.

— Ну что ж, до следующего понедельника, — сказал он, поднимаясь.

— Может быть, у вас уже появятся приятные новости для меня.

— Ну, дорогая, так быстро ничего не решается.

Но не расстраивайтесь. Я что-нибудь придумаю.

Казалось, его уверения должны были успокоить ее, но что-то по-прежнему нервировало и мучило. Она и сама не могла объяснить причину своей взвинченности. Не то чтобы она не верила ему. Он, конечно, постарается найти решение, но самой угрожающей и большой проблемой было само существование его матери. Единственным выходом была бы ее смерть. Мисс Хоукинс страстно желала сейчас вспомнить хоть одну молитву. Тогда она смогла бы обратиться к Господу с просьбой и мольбой, чтобы Он дал матери Брайана уйти тихо и без страданий. Ведь Он же видел все и понимал, что ее дальнейшее пребывание в этом мире мешает счастью двух других людей. Она уповала на Его справедливый суд. Стоя на крыльце во власти печальных мыслей, без всякой надежды на избавление, она смотрела вслед уходившему Брайану. Прошло минут пять, прежде чем она вернулась в дом, чтобы грустно нарисовать победную красную галочку.

Дневник лежал на столе. Мисс Хоукинс даже немножко удивилась, что он оказался закрыт. Она ожидала увидеть обратное. Ее жизнь, превратившаяся в сплошную череду нереальностей, казалось, теперь не принадлежит ей и она боль-

ше не отвечает за происходящее.

Снова оглядела свой разоренный дом. Невозможно было поверить, что все это сделано ее собственными руками. На короткий миг вспомнила время, когда жила без Брайана: постоянно росший счет в банке, уютное, надежное гнездышко, в котором чувствовала себя защищенной от всех напастей, и молчавший дневник, закрытый на ключ. Тосковала по тем далеким, счастливым временам и сама не понимала, зачем и ради чего разрушено ее единственное убежище. Оставалось только убеждать себя в том, что удовольствия понедельников стоят всех ее потерь и трат. Но почему-то теперь все эти сомнительные удовольствия казались ей отвратительными и порочными. Значит, сбываются страшные пророчества матроны. Тень проклятой матроны и особенно ее проклятия снова погнали мисс Хоукинс в гостиную на поиски шарфа. Посреди комнаты в ужасе застыла: в голове пронеслось страшное — шарф пропал, его больше нет. И это совершил все тот же могущественный и злобный манипулятор, оставивший ее, абсолютно беззащитную и беспомощную, один на один с жалящими воспоминаниями о детстве. До отвращения не хотела искать шарф, ей ненавистны

были даже мысли об этом. Как же вернуть верного пожирателя зла, единственного союзника и помощника? Только сейчас она поняла, что зависит и от него так же, как от своего главного тирана и повелителя — дневника. И власть этих двоих над нею стала всепоглощающей. Дольше оставаться дома стало невыносимо. Необходимо вырваться наружу, поближе к людям, убедиться в существовании другой, нормальной жизни и почувствовать себя ее частью. Обессиленная, бросилась к гардеробу за пальто… Там, на пустой вешалке, словно огромный змей, обвивая обглоданные скелеты, свесившись во всю длину, висел шарф, чуть приподняв кончик своего бесконечного хвоста на ее туфлях. Там же, в шкафу, была Моррис. Это совсем не испугало мисс Хоукинс. Она понимала, что шарф стал бесконечным цветным саваном ее непохороненного горя. И Моррис вовремя появилась на примерку. Единственное, что опять мучило мисс Хоукинс, — то, что никак не могла вспомнить, как убрала шарф. В голове начинало стучать. Почему же не положила его на обычное место? Или он сам сделал это? Он сам влез туда и прижался к ее пальто, как будто тоже хотел выйти вместе с ней на улицу в поисках жертвы для переливавшейся всеми цветами

радуги накопившейся злобы. Улыбнулась, сама не зная чему, радуясь этому неожиданно сделанному открытию. Нежно и ласково сняла шарф с вешалки и сложила, восхищаясь его гордой величавостью. Может, распустить небольшую часть, чтобы еще долго можно было усмирять неожиданные приступы злости? Но ведь ей осталось потерпеть совсем немного, только до того момента, как Брайан отведет ее к алтарю и даст ей покой.

Подняла цветастого змея и аккуратно положила на дно большой корзины для покупок. Впредь шарф будет сопровождать ее везде. Перед выходом из дому заглянула в дневник. На сегодня она была свободна от приказаний и могла преданно служить себе. Пролистнула оставшиеся пустые страницы: вопреки всем правилам и грядущей неопределенности ее манил день полного освобождения. Оставалось меньше двух месяцев. На кухне сорвала цветок фиалки. Очень аккуратно положила его между страницами. Ко времени окончания срока приговора он подсохнет, его лепестки расправятся и разгладятся. Цветок фиалки станет прощальным посланием ее господину. Уже закрывая дневник, еще раз взглянула на день освобождения — Святой понедельник.

Глава 16

Каждый последующий понедельник мисс Хоукинс порывалась разыграть самую опасную и последнюю карту. Но зеленая книжка почему-то медлила и воздерживалась от опасного приказа. Кроме того, у мисс Хоукинс не было наличных, чтобы оплатить такого рода услугу. Но если однажды дневник предпишет пройти и это, она обязана будет выполнить приказ, а значит, и найти необходимые деньги. Следовало заранее подготовиться. Огляделась. В квартире оставалась единственная вещь, стоившая таких денег, — кушетка. Решиться лишить себя главного освященного долгими годами службы места свиданий — практически исповедальни?! И если она продаст кушетку, где же тогда свершится главное жертвоприношение? Где же она принесет себя в жертву? Она уже знала — это будет кровать с засунутым под нее Моурисом. Выхода не оставалось. Надо просто смириться. Больше всего она боялась самого действия, и куда меньше ее беспокоил выбор места и уж тем более деньги. Много раз она рисовала в воображении свое несчастное одинокое будущее в

случае отказа Брайана. Теперь почти не сомневалась: гореть ей в вечном огне преисподней, как и обещала матрона. Мурашки пробежали по ледяной спине. Она, всю жизнь свято хранившая целомудрие, накрепко сведя ноги, старалась не думать о даре, который собиралась принести на алтарь. Следуя логике матроны, она все равно давно уже была падшей женщиной. Долгие годы позволяла себе наслаждаться сомнительными удовольствиями, да еще потворствовала их превращению в грязные, продажные услуги. И какое теперь имеет значение, продвинется ли она чуть дальше по этой темной дорожке. Пыталась успокоить себя тем, что оставшаяся при ней невинность не более чем мусор, но не могла перешагнуть через известную с детства значимость предстоявшего поступка. Может, сохраненная добродетель и не откроет ей райские врата, но еще сможет спасти от огня чистилища? С другой стороны, Брайан почти наверняка женится на ней, и кто потом узнает, что было вначале? Бог не станет разбираться и не заметит этого. Много раз она прокручивала в голове все за и против ожидаемого приказа дневника. Эти мысли все больше возбуждали ее, что само по себе было греховно, и последний шаг уже ничего не менял.

Все равно она заслуживает только вечного проклятия. А значит, границ дозволенного больше не существует и ничто уже не сдерживает и не останавливает.

На кухне лежал открытый дневник. До освобождения оставалось три недели. Фиалка уже абсолютно высохла в бумажной неволе и была готова к выполнению своей миссии. Близость конца пугала мисс Хоукинс. Ей так много нужно успеть за оставшееся время. Вернулась к сегодняшней странице и четко, размашисто вывела: «Продала кушетку».

Тут же написала небольшое объявление о продаже, описав отличное состояние вещи и указав требуемую цену — 50 фунтов. Отнесла объявление в газетный киоск и вернулась подготовить кушетку к продаже, пока было еще время. Но сначала сняла Моуриса со стены и прислонила его к углу кушетки. Села рядом, сжавшись в комочек.

— Знаешь, Моурис, до моей свадьбы осталось всего несколько недель.

Взглянула на него, проверяя, хорошо ли он видит и слышит ее. Он смотрел прямо на нее. Недоверчиво.

— Это правда, — сказала она, разозлившись. — Подожди немного и все увидишь сам.

На нее смотрели, не мигая, злые глаза Моуриса. Его недоверие начинало раздражать ее.

Собиралась рассказать ему о кушетке и о том, почему продает ее, но сейчас он совершенно не заслуживал ее доверия. Но ведь кому-то надо было открыться? Она должна была произнести ужасные слова и выпустить их наружу. Может быть, признание облегчит ей душу и можно будет надеяться на отпущение грехов.

— Он должен будет взять меня в жены, Моурис, — снова сказала твердо и убежденно. — И ты знаешь почему. Знаешь? Потому что я собираюсь… — Она остановилась, запнувшись на богохульных словах, застрявших в горле. — Ну, в общем, ты знаешь, что я имею в виду.

Он продолжал в упор смотреть на нее, только усы поникли. Ей хотелось ударить его. Отвернулась, зарылась в подушки. Недоверие Моуриса было невыносимо. Лучше бы никогда ничего не рассказывала ему. А теперь он, вероятно, совершенно разочаровался в ней. Вдруг стремительно повернулась к нему и улыбнулась:

— Я же пошутила.

Он улыбнулся с облегчением. Она все придумала. Она, мисс Хоукинс, останется целомудренной девственницей до первой брачной ночи. А пока

услугами Брайана воспользуется совершенно другая женщина. И в жертву принесет себя та, другая. Она, мисс Хоукинс, будет лишь играть роль грешницы, которой предстоит гореть в вечном огне. И этой грешницей будет матрона, независимо от того, жива она или нет. Бог, конечно, узнает ее и разожжет для нее жаркое пламя. Мисс Хоукинс с радостью и удовольствием будет лишь исполнителем, действуя для матроны и от ее имени. Она была в восторге от найденного решения. Наклонилась к Моурису и обняла его.

— Как здорово! Ты понял шутку?

На следующий день, когда протирала оставшуюся в доме мебель, раздался звонок. Сняла фартук и открыла дверь.

— Вы продаете кушетку? — спросил незнакомец.

Она опешила. Совсем вылетело из головы, что вчера утром дала объявление.

— Да, — ответила тоскливо. — Проходите.

Незнакомец прошел за ней в гостиную.

Развязал шарф. Ее глаза наполнились ужасом, когда по показавшемуся из-под шарфа воротничку она узнала в нем священника. Духовника, к руке которого мечтала бы припасть и просить и умолять об отпущении грехов. Как она примет

деньги от Бога, чтобы купить себе билет в ад? Уже собиралась отказаться от своей дикой затеи и сказать, что передумала и не продает. Но ему явно понравилась кушетка: его пальцы ласково поглаживали мягкий плюш.

— Мы создаем небольшой центр для престарелых. Знаете, для одиноких, брошенных стариков. Нам нужно много удобных кресел, диванов. Нет лучшего и более благородного служения нашему Господу, чем помощь и поддержка немощных и одиноких.

Господи, если бы он только догадывался, что повидала эта несчастная кушетка и свидетелем каких языческих утех была, став их невольным участником! Мисс Хоукинс молча заклинала его не касаться кушетки.

— Она мне подходит, — сказал он с невыносимой невинностью. — Только стоит немного больше, чем мы можем заплатить. Может, вы отдадите ее чуть дешевле?

Она бы с радостью просто так отдала кушетку, чтобы очиститься во искупление. Но такие щедроты невозможны для нечестивца, стоящего на пороге новых прегрешений.

— Мне нужно пятьдесят фунтов, — произнесла она просто.

Он посмотрел на банкетку.

— Вы не хотите продать и ее тоже?

Банкетка была последним стулом в доме.

Но ведь шарфу больше не требуется теплое местечко для отдыха. Мисс Хоукинс была счастлива отдать ее бесплатно в придачу к кушетке.

— Очень добрый поступок с вашей стороны, — похвалил ее священник.

Безумным взглядом она обвела комнату в поисках еще чего-нибудь, что могло пригодиться центру.

— Может, вы хотите что-либо еще?

— Вы, наверное, переезжаете? — спросил викарий, заметив наконец пустоту квартиры.

— Да, — ответила она с воодушевлением. — Я выхожу замуж. И мы переезжаем жить за город.

— Примите мои искренние поздравления. Это счастливое событие. — И, не переводя дыхания, без остановки спросил: — А обеденный стол вы берете с собой?

— О нет. Конечно, возьмите его тоже. Он, наверное, пригодится.

Бог должен видеть и слышать все. Он замечает все и повысит ей кредит.

— Вы так добры, слишком добры.

— Это в честь моей свадьбы…

Она радостно и светло смеялась, представляя, как их обеды с Моурисом переместятся на пол.

Святой отец заплатил ей пятьдесят фунтов хрустящими пятифунтовыми купюрами. Машину за мебелью пришлют позже, после обеда. Он благословил ее за добродетель и пожелал счастья в замужестве. Мисс Хоукинс немного совестилась за небольшую, вынужденную ложь. Но она ведь отдала ему последнее, что оставалось в ее пустом доме. Сегодня у них с Моурисом состоится прощальный совместный ужин. Брайан придет через три дня. За это время она подготовит матрону к вечному проклятию.

В понедельник утром мисс Хоукинс проснулась от собственного крика. Во сне она не видела ничего: ни места, ни людей. Там не было ничего, кроме черной пустоты. Только звук. Это был колокольный звон. Сначала нежный, едва слышный. Ей приходилось напрягать слух, чтобы пробиться сквозь оглушительную тишину. Как бы в ответ на ее усилия звук начал нарастать, и ей послышалась знакомая мелодия свадебного перезвона. Счастливо улыбалась и вслушивалась, подгоняя колокольчики и подпевая им, не размыкая губ. Постепенно тихие звуки набирали силу, перерастая в громкий торжественный свадебный марш.

Лежала на спине и слушала. Нет, ошибки быть не могло. Она слышала, как весь невидимый мир благословляет свадебными колоколами ее свободу. Это утро принесет ей замужество, возможно не скрепленное печатью закона, но этот день станет днем свадьбы для нее и Брайана. Та услуга, которую он выполнит сегодня, и будет его клятвой верности и соединит их навеки. Она не сомневалась: колокола звонили в честь их свадьбы. Они звонили и звонили. Все громче, в нараставшем темпе. Теперь ее уже оглушали гул и грохот. Ее голова, казалось, превратилась в колокольню, и дикие звуки разрывали барабанные перепонки, пытаясь вырваться наружу. Она кричала и корчилась от боли. Быстро встала. Если бы она могла пропустить, не заметить этот наступающий день. Если бы время, сжалившись над ней, просто проглотило его. А следующим утром, проснувшись, она бы уже сама обнаружила себя у руин или на вершине безумных надежд. Знала, что ей предстоит совершить, знала, что нет альтернатив, и не могла найти в своем пустом и разоренном доме ничего, что хоть чуть-чуть подбодрило бы ее. Ничего не осталось, ничего… Значит, нечего и терять. Но унижение, последнее и самое чудовищное унижение, которое свер-

шится сегодня, будет принадлежать матроне. Эти мысли помогли ей заставить себя одеться и приготовить завтрак: сегодня ей понадобятся все силы. Потом быстро убрала квартиру. Это отняло мало времени — ее окружала чистота пустоты. Осталась только спальня — будущий священный алтарь. Долго меняла белые простыни и тщательно закрывала их покрывалом, маскируя свои хитроумные замыслы искренним усердием. Сомневалась: стоит ли перевернуть матрас? Наверное, это должен был сделать Брайан? Она с радостью оставила бы это ему. Ей уже нечего больше отдать. Теперь ей осталось лишь заплатить названную цену, плотно закрыть глаза, разбудить матрону и разжать свои все понимающие ноги. Захлопнула за собой дверь спальни. Дольше оставаться там не было сил.

На кухне лежал открытый дневник. Семь страниц до освобождения. Пустая страница сегодняшнего дня притягивала ее взгляд. Хоть немного оттянуть написание страшного приказа… Почти безразлично перелистывала она годы своего примерного поведения и абсолютного послушания. Если и в оставшиеся дни до окончания приговора она сумеет проявить себя столь же достойно, это сотрет сомнения, перевесит все потери и прине-

сет ощущение маленькой, но реальной победы. Даже если все вокруг полетит в тартарары ради этого. Решилась и взяла ручку, чтобы написать ужасный приказ. Самого приказа не боялась, но не могла найти подходящих слов. В ее лексиконе царила идеальная чистота, не запятнанная ни единым сомнительным словом или выражением, и в гудящей голове никак не складывалось ясное и чистое выражение того, что она намеревалась сделать. Как это описать? Выбрала простое: «Потратила 50 фунтов». Дневник, конечно, поймет, что она хотела сказать. Но, перечитав приказ, заметила некоторую неточность и лазейку для себя. Написанное просто обязывало ее истратить пятьдесят фунтов, где угодно и на что угодно. Мисс Хоукинс всегда строго относилась к себе и к выполнению своих обязанностей и не терпела нечестной игры. Поэтому сделала приписку: «Истратила 50 фунтов на услуги Брайана и заплатила только за один пункт». Осталась довольна: теперь все было предельно ясно и без всяких уловок. Еще раз прочла. Итак, приказ написан и требует исполнения.

Сомневалась, стоит ли печь непременный бисквит. Этот понедельник будет первым за долгие годы, когда она обойдется без обычной

приправы к свиданию. Да и чай теперь уже пить было негде, и негде поставить свечи, и не было алтаря, скрытого от солнечного света. Но к чему сегодня церемонии? Это будет простая услуга вне храма, без святыни и без бисквита. Бог вездесущ, и Он освятит и примет все и без ритуала. Она решила не печь пирог и не наводить порядок. До прихода Брайана заняться было нечем. Пошла в спальню за носовым платком, но боялась наткнуться на белизну простынь: вдруг они смутят ее решимость своей чистотой и непорочностью. Но ведь не было пути назад. Приказ был написан и не мог быть уничтожен.

Села на пол в гостиной и постаралась не думать о том, что принесет ей этот день. Но как об этом не думать? Сидела посреди абсолютно пустой комнаты, где были только стены и она — и ни одного предмета, за который можно зацепиться взглядом. Все ее неясные мысли кружились там, над покрытым белыми простынями алтарем. Она заставляла себя сконцентрироваться на матроне. Ее ненависти должно было хватить надолго, чтобы удерживать жуткий образ. Ей нужно было держать мучительницу, пока услуга не закончится, а сколько времени потребуется на это, она совершенно не представляла. Надеялась,

что все произойдет быстро и забудется легко. И тогда она сможет с чистой совестью поставить галочку в своей маленькой книжке. А потом, когда никто не будет подглядывать, перепишет этот приказ на страницу дня ее свадьбы, где ему и положено быть. Усиленно думала о матроне и впервые не могла сосредоточиться на своем давнем и надежном раздражителе. А вдруг ее темная тень притаилась где-нибудь в углу и мисс Хоукинс не сможет до нее дотянуться? Если матрона не появится, то все случится с ней, мисс Джин Хоукинс… И тогда она осквернит белоснежные простыни, и именно она будет кричать и молить Бога о снисхождении, клянясь Ему, что только выполняла приказ. Решила сейчас надеть подвенечное платье, чтобы хоть в собственном воображении все соответствовало предстоявшему действию. Она — невеста, и эти простыни — Богом данное право.

Медленно вошла в спальню и положила подвенечный наряд на кровать. Пока одевалась, включила радио. Ей повезло — играл орган, и эта торжественная и чистая музыка успокоила ее. Впервые за многие годы с тоской думала о своей матери, которую никогда не видела. Была почти уверена, что матрона ничего не могла

знать наверняка, ни тогда, когда кричала, что ее мать — падшая женщина, ни теперь, когда сама Джин надела свадебную фату. Ее будущее замужество казалось ей оправданием несчастной и несправедливой судьбы матери и истинным доказательством клеветы матроны.

В белоснежном платье и фате мисс Хоукинс медленно кружила по квартире под скорбные звуки органа. Так провела она остаток утра, привыкая к своему новому статусу и готовясь к неизбежным событиям. Все происходящее теперь виделось ей совершенно реальным и естественным. И она уже готова была согласиться с супружескими обязанностями, которые предстояло выполнить. Раздражало только то, что она почему-то должна платить за них.

Сняла платье и повесила, накрыв целлофановым чехлом. Потом, после свадьбы, когда платье уже выполнит свое предназначение, она, наверное, укоротит его, чтобы подходило для коктейльных приемов, где они будут танцевать с Брайаном. Диадему со шлейфом, пожалуй, следует сохранить на память и как пропуск на небеса.

Она была слишком возбуждена, чтобы думать о ланче. Расправила покрывало: на нем отчетливо виднелся след от свадебной диадемы. Вспомнила,

что не приготовила деньги за услугу Брайана. Взяла купюры викария и положила их на прикроватный столик около лампы. Там они не очень бросались в глаза. Сняла Моуриса со стены, совершенно не понимая, куда его деть. Под кровать положить не могла, потому что это было местом его наказания, а он ни в чем не провинился. Она, конечно, лгала ему и собиралась снова обмануть, но, на его счастье, вся эта ложь его не касалась. Лучше отнести его на кухню и поставить у стены в кладовке. Потом она постарается все ему объяснить. Наверное, надо сказать ему правду, и даже то, что вскоре он должен будет покинуть ее. Очень скоро она станет респектабельной замужней дамой, и, вероятно, ей придется расстаться с ним. Заботливо поставила его на пол лицом к стене.

— Мы обо всем поговорим вечером, — сказала коротко.

Прозвенел звонок и в одно мгновение разбил вдребезги все ее утренние иллюзии. Больше нельзя было прятаться от того, что должно было случиться сейчас. Ее дрожавшие колени опустились на холодный пол кладовки. Она молила Всевышнего о прощении.

Ее сердце бешено забилось, когда она увидела

букет в руках Брайана. Все будет хорошо, чего бы это ни стоило. Брайан знал, что пришел к мисс Хоукинс в последний раз, поэтому готов был усердно служить и предложить ей всего себя без остатка. Его покоробил вид совершенно пустой квартиры, но он постарался не показать, что заметил голые стены. Было ясно, что нищета совершенно поглотила ее.

— Я покупаю новую мебель, — начала она, прижимая к себе цветы: поставить их было просто некуда. — Мне так надоело старье. Ну, в любом случае, — пролепетала она, — новую жизнь лучше начинать с новыми вещами.

Она громко и глупо хихикнула в замешательстве, чуть не раздавив букет.

На мгновение он смутился: стыд вернулся к нему. Но лишь на мгновение. Стыд совершенно не подходил к настоящему моменту, и Брайан быстро и без усилий сменил его на гнев. Он готов был больно обидеть мисс Хоукинс за такую детскую доверчивость.

— Вы что-нибудь придумали насчет вашей матери? — спросила она.

— Да. Я решу эту проблему, не беспокойтесь. Вы абсолютно правы. Мы должны быть вместе, вы и я.

Ее сердце выпрыгивало от счастья и благодарности. Она так сжала стебли несчастных цветов, что сок потек по ее пальцам.

— О, Брайан, — только и могла пропищать она.

Его покоробило от этого завывания, он брезгливо поморщился: этот скулеж даже не походил на имя. Но Брайан был уверен, что имя Феликс мисс Хоукинс сумела бы так же испортить.

— Ну что ж, — сказал он бойко, — где мы сегодня займемся делом?

Только сейчас он понял, что смелая маленькая мисс Хоукинс решилась попробовать самые изысканные блюда и дойти, по-видимому, до конца меню. В таком случае свинцовый бисквит и тошнотворный портвейн ожидают его у постели. Она стыдливо взглянула на него, что подтвердило его догадку.

— Пойдемте, — печально пискнула она.

И он пошел за ней, мужественно несшей свое дрожавшее как осиновый лист маленькое тело. В какой-то момент Брайану стало жалко ее, и он уже был готов отказаться и проявить хотя бы напоследок благородство по отношению к ней. Но какого черта? Пятьдесят фунтов стоят пятьдесят фунтов, а впереди медовый месяц. Нет, он будет предельно нежен с ней и даст ей лучшее, на что

способен, и все это она сохранит в своей памяти.

Он действительно так думал, и, может быть, не его вина, что он оставлял ее в таком положении. Она лежала в полумраке, крепко закрыв глаза. Всеми силами старалась вызвать из темноты стыда хотя бы тень матроны. Беззвучно плакала от страха и безумной глупости обреченной на провал затеи. И молила, чтобы бедный Моурис, в ужасе приникший к стене в кладовке, не услышал ее крика боли.

— Почему вы не поставите цветы в воду? — спросил Брайан, когда они вернулись в гостиную.

Она не ответила, уронила изломанные стебли. Цветы так и лежали, рассыпанные на полу, а у нее не было сил наклониться и поднять их.

— Я помогу вам, — сказал он, собирая цветы. Протянул ей потрепанный букет. — Моей будущей жене.

— О, Брайан!

Он старался не обращать внимания на невыносимые повизгивания и продолжал:

— Вы не против, если моя мать будет жить с нами? Это единственно возможное решение.

— Конечно, с радостью, — с готовностью ответила мисс Хоукинс, не думая, что говорит.

— Я думаю… — Он приостановился, ожидая услышать щенячье «О, Брайан». Потом взял ее руку. — Мы поженимся после Пасхи.

Она открыла рот. Он нежно прикрыл ее губы пальцами: просто не мог вынести больше ее жалкого поскуливания.

— Увидимся в следующий понедельник. Нам нужно подготовиться к этому событию.

— Миссис Джин Воттс, — пропищала она. — О Брайан, не могу поверить в это.

— Сможете. И, я надеюсь, никогда не пожалеете об этом.

— Никогда.

Он обнял ее и повел к входной двери.

— Пора начинать думать о списке приглашенных и обо всем, что необходимо подготовить к нашей свадьбе. Все расходы я беру на себя.

Она была обезоружена неожиданно нахлынувшим счастьем:

— О, Брайан… — Она готова была петь его имя снова и снова, но закусила губы, чтобы не закричать.

— Значит, до следующего понедельника, мисс Хоукинс. — Он смеялся. — Я могу вас пока называть так?

Она, как всегда, смотрела ему вслед. Он уходил

от нее вниз по улице. Остановился и оглянулся, широко улыбаясь счастливой улыбкой. Он мог себе это позволить. Он был абсолютно точно уверен, что больше никогда не вернется сюда и не увидит ее.

Мисс Хоукинс вернулась на кухню. Шла еле-еле: уставшее и нывшее тело почти не слушалось, да еще внезапно свалившееся счастье… Села на оставшийся стул и открыла дневник. Вслух прочла утренний приказ. Теперь могла с гордостью подтвердить, что приказ выполнен. Прежде чем поставить галочку, украсила заветную строчку рамкой из красных цветов, потом очень медленно обеими трясущимися от напряжения руками скрепила страницу алой печатью повиновения. Она надолго запомнит вкус сегодняшней победы. Теперь до окончания срока ее приговора все повеления дневника будут не чем иным, как радостными поручениями по приготовлению к свадьбе. Брайан дал слово жениться на ней, и Бог простит ее слабость и благословит их союз.

Закрыла маленькую книжку и вывела Моуриса из кладовки. Он стоял теперь перед ней на столе.

— Моурис, мы поженимся после Пасхи.

Моурис улыбался, он был счастлив за нее.

А она чувствовала, что должна извиниться

перед ним.

— Я должна была так поступить. Для того чтобы удостовериться в его намерениях. Это было не особенно приятно. Честно, — уверяла она. — На самом деле все это было ужасно.

Он все понимал и сочувствовал ей. С особой нежностью повесила его на стену в гостиной. Что же с ним делать, когда она выйдет замуж? Не может же она выкинуть его после всего, что он для нее сделал? Выкинуть, как мусор, в знак благодарности за постоянную поддержку и искреннее участие? Может, стоит представить его матери Брайана? Хотя вряд ли они найдут общий язык. Или держать его в секрете от всех, под замком в кладовке? Она могла бы иногда изливать ему душу, когда устанет от докучливой старухи. Как-то ведь придется уживаться с ней ради Брайана. Уже решила, что отдаст матери Брайана ту дополнительную, гостевую комнату, которая, думала, пригодится Брайану для уединения и отдыха. Надо будет поставить туда все необходимое и небольшую газовую плитку. И если приступы недержания будут продолжаться у несчастной, то нужно будет как-то ее изолировать. Раз в неделю мисс Хоукинс будет тщательно убираться в комнате, а старая миссис Воттс ждать, сидя в

прихожей. Судя по всему, Брайану придется делить со своей женой общую спальню, пока мать не умрет. Она только не понимала, как часто в их будущей семейной жизни будет повторяться то, что произошло сегодня днем. В глубине души надеялась, что одного случившегося уже раза окажется вполне достаточно. Все было очень убедительно и не нуждалось в повторении. Но если, конечно, Брайан будет настаивать на своих супружеских правах, она должна будет, стиснув зубы, уступить ему, радуясь хотя бы тому, что это будет уже бесплатная боль.

Пошла в спальню сменить простыни — хотелось убрать с глаз долой все свидетельства ее невинного шантажа. На простыне краснело пятно крови. Быстро прикрыла его, чтобы Бог не заметил. Присела на краешек кровати. Перед глазами опять плыл холодный линолеум приютской ванной комнаты и небольшое красное пятно на нем. Но она не чувствовала больше ни страха, ни злобы. Под потолком, освещенная тусклым светом лампочки, по-прежнему мерно раскачивалась в немом протесте бедная Моррис. Но сегодня ее печальная тень была тоже спокойна. Может, наконец мисс Хоукинс поймала безудержное горе и прервала череду нескончa-

емых лет траура? Странным образом события сегодняшнего дня всё поставили на свои места, и светлое ощущение покоя опустилось на нее. И пятно крови на простыне бесспорно доказывало, что здесь была именно матрона.

Глава 17

Миссис Воттс проснулась. Было утро Святого понедельника. Сквозь полуприкрытые веки рассматривала новый капор, висевший на металлической спинке кровати. Он напомнил ей о знаменательном событии, которое должно произойти сегодня. Она была взволнована: ведь за много лет это было первым событием, нарушившим ее будничный распорядок. Брайан сегодня женится, и она приглашена на свадьбу. Церемония назначена на полдень и состоится в уютном отеле за городом. Он женится на женщине, чье имя уже благополучно вылетело из головы и которая почему-то называет ее сына странным именем Феликс. Миссис Воттс встала с кровати и быстро прошла в ванную. За все время пребывания в «Петунье» с ней ни разу не случалось «ночных неожиданностей». Она теперь была сдержанна, как сама Европа. Может, удерживали

лежавшие всюду шикарные ковры, а может, красивые простыни на кровати? Она не уставала удивляться приятным изменениям, происшедшим в ее теле. Но скорее всего ее укрепляли постоянная забота и добросердечное участие, подаренное в конце ее жизни «Петуньей». Так или иначе, теперь за миссис Воттс можно было не опасаться.

В нескольких милях от «Петуньи» будущая миссис Воттс проверяла свой свадебный наряд. «Немного одолжила, немного голубого...» — напевала она, завязывая голубую ленту на талии. Голубая подвязка очень подходила к ее сумочке со стразами, взятой взаймы у подруги. Виолетта Макинс была женщиной чувствительной и мнительной, верившей во всяческие приметы и предсказания, но она не сомневалась в правильности своего шага. Ее гороскоп точно указывал на Святой понедельник как на самый подходящий день для заключения ее союза с Феликсом Воттсом. К тому же за несколько недель до торжественного события она была на спиритическом сеансе, и дорогой Джордж одобрил ее выбор, пожелав ей счастья. Он и посоветовал ей устроить все в его старинном клубе в Беркшире. Она лично и с удовольствием организовала и

церемонию, и свадебное путешествие. Медовый месяц они проведут в Касабланке, следуя совету ее опытного в туристическом бизнесе кузена, а не нарисованным на фасаде гостиниц кичливым и обманчивым звездочкам. Это решение совпало с предсказанием ее ясновидца, который обещал им сладкое и незыблемое счастье где-нибудь в тропиках. Все пожелания были учтены. Все было подготовлено. Она взяла маникюрный набор и принялась за ноготки.

Еще дальше от «Петуньи», и совершенно в противоположном направлении, под тяжестью огромного багажа еле вылезал из своего старого дома дважды обещанный жених Брайан Воттс. Одетый в костюм в тонкую белую полоску и остроносые туфли, он скорее походил на отправлявшегося в деловую поездку коммивояжера, с чемоданами, битком набитыми всевозможными товарами и рекламками. Не в пример своей матери, он остановился на тротуаре, поставив у ног многочисленную поклажу, и оглянулся на дом, в котором прожил более сорока долгих лет. На него в последний раз смотрели из окон мрачные занавески и криво ухмылялась давно облупившаяся краска на стенах. Как он выносил эту пытку столько лет? На углу улицы он поймал такси и

уже в машине вставил в петлицу пиджака белую гвоздику.

Неподалеку от этого места мисс Хоукинс, которой никогда не суждено было стать миссис Воттс, выпекала самый большой и самый изысканный бисквит в своей кулинарной практике. Благополучно водрузив свое произведение на противень и поставив его в духовку, вернулась в гостиную и села на пол среди разбросанных подушек. Неспешно потягивая портвейн, неторопливо просматривала рекламные брошюрки туристических компаний, зазывавших в романтические путешествия. Она уже давно изучала возможный маршрут их свадебного путешествия и теперь сравнивала достоинства милой Ривьеры и Адриатики с более роскошной Атлантикой. На ее взгляд, они были почти сестрами и ничем особенным не отличались друг от друга. Пожалуй, только в горячую Испанию ее тянуло сильнее. Ей уже представлялось, как она слышит шум прибоя из своего номера и танцует на залитой сказочным лунным светом террасе. Да, она непременно постарается убедить Брайана отправиться в Испанию. Взглянула на Моуриса. Вскоре его придется убрать — через час Брайан будет здесь. Она неохотно и тяжело расставалась со своим

зеркальным другом. Его уход всегда предшествовал началу какой-то лжи, и даже теперь, когда будущее виделось ей спокойным плаванием, она опасалась, что, как только Моурис уйдет со стены, коварные и могущественные силы снова возьмут над ней верх. Он давно стал своего рода смирительной рубашкой для нечестивых мыслей и поступков, снимая которую она каждый раз должна была молиться, чтобы уберечься от назойливых и порочных искушений.

— Я надеюсь, ты поедешь в Испанию с нами, Моурис, — сказала она.

Он даже не поднял глаз, он был непроницаем. Ее разозлило его упрямое несогласие: осмеливается осуждать ее поведение… Ей давно были хорошо известны методы борьбы с его глупым упрямством: одним взмахом мокрой губки протестовавший Моурис мог быть уничтожен раз и навсегда. Но ведь долгие годы они жили рядом, и она заботливо оживляла его, каждый раз восстанавливая его растрепанные усы, будто он и впрямь был из плоти и крови. Стереть их сейчас было бы равносильно убийству. С другой стороны, она не представляла, как быть с ним после замужества. Он ведь был ее личным другом, и ничьим больше. Она не думала, что в будущей

семейной жизни ей понадобится что-то сугубо личное. По ее мнению, такое случалось только в неудачном браке. К тому же этот личный друг требовал места, а с приходом в дом ее будущей сожительницы-свекрови свободного места практически не оставалось. Совершенно непонятно, как поступить с Моурисом, поэтому она и решила отложить этот сложный и неприятный вопрос до их возвращения из свадебного путешествия. А пока Моурис поживет в кладовке.

Встала, собираясь снять его со стены, и вдруг почувствовала зловещий запах гари из кухни. Совсем забыла о бисквите. Бросилась на кухню, открыла дверцу духовки и сквозь черный дым увидела обгоревший противень с чем-то безобразно бесформенным. Поспешно вытащила угли наверх. Горячий дым разъедал глаза. Слезы только и ждали этого сигнала и сами хлынули из глаз — впервые за все время их знакомства она не сможет угостить Брайана бисквитом. Она и не догадывалась, что Брайан был бы безмерно благодарен ей за это упущение, если бы вообще надумал явиться. Несомненно, сгоревший бисквит был дурным предзнаменованием. И все это из-за того, что ей приходится думать о будущем этого несчастного Моуриса. В раздражении вер-

нулась в гостиную и без объяснений, даже не взглянув на виновного, сняла Моуриса со стены. Теперь он точно заслужил наказание и окажется под кроватью. Настежь открыла все окна, чтобы свежий воздух унес запах дурных предчувствий.

Почти три часа дня. Брайан всегда был пунктуален. Аккуратно сложила все рекламные брошюрки, предусмотрительно положив сверху испанский путеводитель. Села на пол и стала ждать. В тишине пустой гостиной были хорошо слышны шаги с улицы. Сегодня Святой понедельник — праздник, и все вокруг отдыхало от будничной суеты. Многие отправились на берег моря, кто-то — на выставки. Она сейчас ни чуточки не завидовала им. Очень скоро все в этом мире будет принадлежать ей: все выставки и каждая песчинка на пляже. Хотелось, чтобы все вокруг било ключом в этот праздничный и счастливый день. В голове начинал вертеться пока еще невинный вопрос: почему Брайан опаздывает? Может, ему пришлось идти пешком — автобусы сегодня ходят редко. Она будто шла теперь невидимой тенью по его маршруту. Спустилась по Ромилли, прошла мимо закрытых магазинов Главной улицы, изредка останавливаясь в поисках проезжавших мимо такси. Вот и угол ее улицы. Сейчас

он, наверное, остановился и наконец посмотрел на часы. Понял, что серьезно опаздывает, и заторопился, побежал к своей невесте. Ей уже слышались его торопливые шаги… С улицы доносился лишь далекий колокольный звон. Запретила себе смотреть на часы: нельзя же самой подкармливать начинающуюся едкую панику. Поговорить пока с Моурисом? Вытащить его на время из-под кровати? Но Брайан должен, обязан вот-вот явиться. Им надо так много обсудить и решить. Рука опять вернулась к обложке рекламы по Испании, а глаза сами нашли стрелки часов. Те неумолимо приближались к четырем… Если б можно было прокрутить время вспять и опять очутиться в ее прежней гостиной, она могла бы подняться с кресла и пройтись по комнате к другому креслу в противоположном углу. Но вокруг одна пустота — и не за что уцепиться, чтобы хоть немного сдержать лавину дурманящего страха и паники. Она замерла, сидя на корточках, как будто, сжавшись в тугой комок, могла отгородиться от реальности и не впускать в себя страшную, безумную догадку, что он бросил ее. Усиленно искала оправдания его отсутствию. Виной всему зловредная мать Брайана и ее тупое недержание. Как же она ненавидела будущую свекровь и не

знала, как себя с ней вести. Но в любом случае она с готовностью примет жуткую свекровь вместо осколков своей разбитой жизни. И непременно справится и сумеет поставить старуху на подобающее ей место. Та вынуждена будет понять, что в ее распоряжении есть только маленькая гостевая комнатка, вход в остальное пространство для нее закрыт и воспрещен. Раз в неделю ей будет положен банный день, раз в неделю — уборка помещения, и старуха будет ждать, сидя в подгузниках в прихожей. Брайан должен появиться с минуты на минуту, полный извинений и умоляющий о прощении. Она немного помучит его, а потом милостиво простит, и они наконец займутся устройством их будущего. Когда он узнает о неудаче с бисквитом, то, может, пригласит ее попить чаю где-нибудь в кафе. Сегодня столько дел — просто некогда возиться с чаем дома. Сил ждать больше не было.

Встала и подошла к окну напротив. Отдернула тонкую занавеску. Ее и саму покоробил столь вульгарный поступок — ужасно неприлично проявлять интерес к частной жизни других людей. Но ее интересовали собственные проблемы, и она должна была знать, что происходит. Что ее ждет: жизнь или смерть, и что случилось там? Только

гулкий стук футбольного мяча о мостовую ответил ей снаружи. В окне напротив заметила такое же заинтересованное лицо женщины, выглядывавшей на улицу. Кто из них волнуется больше? Увидев мисс Хоукинс, женщина напротив тут же задернула занавеску, устыдившись, что застигнута за таким неблаговидным, праздным занятием. А может, ее унизило, что кто-то посторонний стал невольным свидетелем ее долгого тоскливого одиночества? Мисс Хоукинс не опустила занавеску. Все еще надеялась, что снаружи придет к ней запоздалое избавление от беспросветного страха и одиночества пустой квартиры. Если она ничего не дождется, то повернется спиной к окну, ко всему, что так коварно предало и оставило ее, и даст волю своим слезам: пусть смоют и навсегда унесут прочь безумные надежды.

Очень долго она стояла у окна в глухом оцепенении. В какой-то момент опять послышались приближавшиеся шаги. Но это были лишь шажки прыгавшего по ступенькам ребенка. Просила его не останавливаться у ее двери — ей будет трудно сдержаться и не обидеть его. Заставила себя посмотреть на часы. Половина пятого. Нельзя расслабляться и нельзя ныть и жалеть себя — это равнозначно окончательному поражению.

Вместо этого она разжигала и копила пылавшую внутри злобу, не разрешая себе дотрагиваться до вязания, чтобы не приглушать силу гнева. Сейчас, как никогда, ей необходима вся ее злость, чтобы, крепко ухватившись за нее, не отречься от себя. Отвернулась от окна. Долго и почти беззвучно выла в пустоту комнаты. Только Моурис, запертый в своей тюрьме, слышал неразличимый для человеческого уха звериный крик боли и отчаяния.

Ринулась к дневнику. Все еще надеялась удержать свои мечты, но рука сама выписывала признание капитуляции: «Пошла к Брайану и забрала все свои деньги обратно». Незнакомый, неаккуратный и сбивчивый почерк. Дневник приказал. Да будет так. Ее мудрый дневник сочувствовал ей: он хотел быть уверенным хотя бы в том, что она не останется без крыши над головой. Надела пальто, схватила большую корзину для покупок. Ее ненужная величина теперь только раздражала, но была впору шарфу: он отправлялся вместе с ней и с ее урчавшей злобой. Решила: пойдет прямо к Брайану домой, если не застанет его, то расскажет все его матери.

Шла по пустынным улицам. Ни одного автобуса. Злоба не унималась. Каждый шаг только

добавлял жару в пылавший костер. Когда достигла порога дома своей потенциальной свекрови, уже вся кипела от ненависти. У двери было три звонка. Надавила на все три одновременно. Никто не отозвался. Снова нажала все кнопки. Приникла к двери, вслушиваясь в тройное эхо. Неожиданно дверь открылась. Перед ней стояла ничего не подозревавшая женщина, по неосторожности в праздничный день открывшая дверь назойливому гостю.

— Брайан Воттс!!! — выкрикнула мисс Хоукинс, как будто вызывала подсудимого в суд. Ее лицо подергивалось от ненависти.

Обе женщины уже когда-то видели друг друга, но мисс Хоукинс абсолютно не интересовало их прошлое знакомство.

— Вы были на похоронах моего отца, — сказала женщина, открывшая дверь. Она узнала ту странную незваную гостью, явившуюся без приглашения и так же неожиданно убежавшую. Но это не вызвало в ней неприятных воспоминаний, даже напротив, настроило на дружелюбный лад. — Его звонок средний, но его нет дома.

— Откуда вы знаете, что его нет? — прорычала мисс Хоукинс.

— Потому что он не вышел на ваш звонок.

Верно? — нахально ответила соседка. — Вы ведь звонили достаточно громко.

— Тогда мне надо видеть его мать, — потребовала мисс Хоукинс, как будто ей перечила и мешала войти экономка миссис Воттс.

— А она здесь больше не живет.

— А куда же она делась? — Голос мисс Хоукинс неожиданно потерял всю свою командную решительность и громкость. Если миссис Воттс нет, то мисс Хоукинс необходимо ее найти, чтобы получить нужную информацию. Следует быть вежливой.

— Она теперь в доме престарелых. В «Петунье». Шикарное заведение, не про нас.

— Вы знаете адрес? — спросила мисс Хоукинс и добавила: — Пожалуйста, — сожалея теперь о грубостях, которые уже успела наговорить. Ей очень нужна была помощь.

— Подождите, — ответила соседка и ушла вглубь прихожей.

Мисс Хоукинс обдумывала только что услышанное, и ее совсем не вдохновляла давняя, как оказалось, ложь Брайана. Женщина вернулась с карточкой в руках. Больше не было смысла задерживать ее. У мисс Хоукинс оставался последний вопрос, но она так боялась услышать ответ, что

дождалась, пока дверь почти захлопнулась у нее перед носом.

— А давно она там, в этом доме? — успела вставить она в щель.

— Около трех месяцев. Она переехала туда сразу после Нового года.

Дверь захлопнулась. С той стороны двери, во всяком случае, добавить было нечего.

Мисс Хоукинс вцепилась в шарф, свернувшийся на дне большой корзины, — нужно было хоть чуточку успокоиться. В голове никак не укладывалось, для чего Брайану понадобилось так долго лгать ей. И уж тем более ей не пришло в голову связать затянувшееся вранье по поводу матери с его сегодняшним исчезновением. Он, конечно, объяснит все. Он, наверное, уже давно ждет ее у закрытых дверей или оставил записку. Ей немедленно следует вернуться домой. Немедленно. Как можно быстрее. Вдалеке увидела одинокий автобус, спускавшийся по Главной улице. Она бежала так быстро, как только могли ее ноги и, самое главное, насколько позволяла огромная корзина с шарфом. Успела. Автобус неспешно катил к ее дому. Старалась убедить себя в том, что Брайан или его записка обязательно ждут ее там. Вскоре все прояснится. Как она могла так

не доверять ему? Как могла убежать из дому, не оставив никого? Так не ведут себя хорошие жены. Она будет просить прощения у Брайана за все, и за недоверие тоже. Автобус еле тащился. Так пусто кругом, и никакого движения, а он тормозит у каждого светофора и мешкает на каждой остановке. Напоследок у библиотеки водитель объявил об изменении маршрута. Автобус развернулся. Ничего, это хороший знак. Мисс Хоукинс выскочила на улицу. Все будет хорошо. Все устроится. Бежала вниз, напрямик к дому, интуитивно находя правильный путь в лабиринте маленьких улочек. Свободной рукой пригладила растрепавшиеся от быстрого бега волосы: как-никак, ее ждал жених. Совсем забыла о матери Брайана, но на последнем повороте к дому его грубая ложь неожиданно снова царапнула внутри. Гнев вернулся. Уже открывала калитку. Брайана не было. Спину обжег взгляд женщины из окна напротив. Мисс Хоукинс повернулась и смерила испепеляющим взглядом спешно укрывшуюся за занавеской любопытную — сплетница прикусит свой длинный язык.

Открыла входную дверь. Почтовый ящик пуст. Записки нет. Вынула шарф из корзины, хотя он был готов к продолжению прогулки, потому что

ждать Брайана в пустой квартире у нее не было сил. Посмотрела на часы. Шесть вечера. Надежда почти умерла. Ее трясло. Пошла в гостиную и стояла там, будто застыв в ледяной пустоте. Все тело билось в конвульсиях. Похоже на припадок какой-то болезни. Лечь боялась: вдруг потом не хватит сил подняться? Вцепилась в дверную ручку. Холодный пот покрыл все ее тело. Била дрожь, но это ее не испугало. Все, что чувствовало теперь ее бедное тело, были злоба и ненависть. Внутри этой злобы билось от нестерпимой боли израненное и истерзанное сердце. Посмотрела на свою руку, в ярости сжимавшую дверную ручку: суставы пальцев побелели и, казалось, окостенели навечно. Тонкая струйка слюны стекала по подбородку. Тело будто истекало гневом. Испугалась. Страх расцепил закостеневшую руку-клешню и отправил мисс Хоукинс на кухню, к дневнику. К приказу, впервые не выполненному за долгие годы ее приговора. Мисс Хоукинс впервые не заслужила победной галочки повиновения, и это было окончательным поражением. С коротким и отчаянным криком резко перечеркнула записанный приказ. Она никогда не писала его! Его никогда не было здесь. Она никогда не думала возвращать свои деньги. Никогда. Она совсем

другое имела в виду. И отчетливо написала это другое.

Слово из пяти заглавных букв легко выпрыгнуло из ее ручки и легло на страницу, как будто кровь по капельке вылилась из раны. Она и правда словно истекала кровью, так глубоко и безнадежно была изранена и горела болью. Ручка выпала из вдруг онемевшей и обессилевшей руки, по подбородку снова стекала слюна, налитые кровью глаза прочли приказ: «УБИТЬ». Схватила корзину и бросилась вон из дому.

Взяла пенсию за две недели вперед — таков был обычный порядок предпраздничных выплат. Этих денег только-только хватило бы на житье, но она чувствовала, что они ей больше не понадобятся. Ярость гнала ее в «Петунью».

На углу поймала такси. Села, устроившись на мягком сиденье сзади, как и было предписано правилами. Впервые за последнее время можно было откинуться на надежную спинку кресла, но за всю жизнь она так и не научилась ездить в такси, к тому же злость, закручивавшая в тугой клубок все внутренности, не давала ей расслабиться. Сидела сжавшись на краешке сиденья, обливаясь холодным потом и без конца вытирая слюну с подбородка. Смотрела в окно бессмыс-

ленным, невидящим взглядом. Такси неслось по пустому городу, будто пытаясь угнаться за стремительно росшей внутри неистовой яростью. Машина остановилась у ворот «Петуньи». Ноги еле держали и почти не чувствовали под собой земли. Тело раскачивалось из стороны в сторону. Сделала еще одно усилие. Вошла в ворота.

Садовник пропалывал цветники. Приблизившись к нему и не останавливаясь, прокричала:

— Миссис Воттс?

— Дальше, в пристройке, — ответил он, не поднимая головы от тяпки, только махнув рукой в нужном направлении. Чуть прибавила шаг и прошла прямо по газонам.

Дверь в пристройку открыта. Вокруг никого. Не мешкая пошла по длинному коридору, выкрикивая:

— Миссис Воттс?

Никто не отозвался. Повернула и пошла по противоположной стороне прямоугольного коридора, продолжая заунывно звать. Впереди открылась одна из дверей. Оттуда высунулась голова пожилой женщины. Обрадованная неожиданному посетителю, она радостно улыбалась и ждала, пока мисс Хоукинс подойдет к ней поближе.

— Вы кого-то ищете? — спросила она, хотя здесь вряд ли можно было увидеть праздно слонявшегося прохожего.

— Миссис Воттс, — ясно и четко повторила мисс Хоукинс.

— Ее нет, я точно знаю. Думаю, она еще не вернулась. Но сейчас посмотрю. Может, вы пока подождете в моей комнате?

Мисс Хоукинс совершенно не была готова к обмену любезностями, но ей нужно было немного отдохнуть и ослабить напряжение дрожавших конечностей. Остановиться хоть ненадолго требовал и ее мокрый от слюны подбородок. Вошла в открытую дверь и села в предложенное кресло.

— Я сейчас вернусь. Туда и обратно, — улыбалась миссис Винтерс.

Она отсутствовала совсем недолго, но вполне достаточно для того, чтобы мисс Хоукинс успела заметить большую групповую фотографию в раме на столике. Достаточно, чтобы увидеть бледные, несчастливые лица, достаточно, чтобы смутные воспоминания и догадки зашевелились в спутавшемся сознании. Миссис Винтерс уже стояла в дверях.

— Если хотите, вы можете подождать ее здесь, у меня, — предложила она и села на кровать.

Мисс Хоукинс всматривалась в незнакомое лицо:

— Как вас зовут?

— Миссис Винтерс.

Ничего не отозвалось в памяти на это имя. Мисс Хоукинс снова посмотрела на фотографию. К горлу подступила тошнота…

— Где миссис Воттс?

— О, у нее сегодня большой праздник. Она на свадьбе у сына, он женится. Меня тоже звали, но я неважно себя почувствовала. Его зовут Брайан. Очаровательный мужчина.

Смысл слов не сразу дошел до мисс Хоукинс, потому что она, к своему ужасу, вдруг узнала… Снова посмотрела на фотографию. Взяла ее в руки, чтобы разглядеть поближе. В переднем ряду увидела себя с тоненькой косичкой, рядом стояла бедная Моррис, еще живая…

— Мои бедные сиротки, — раздалось с кровати.

— Женится? — спросила мисс Хоукинс очень, очень ласково.

— Да. На чудесной женщине. Кажется, ее зовут Виолетта. Миссис Воттс так идет новый капор.

Очень медленно вынула шарф из корзины. Смотрела, как он струится и ползет между ее пальцами, выбирая подходящий цвет для бью-

щейся в горле обжигающей желчи. Вот где-то в середине нужные тридцать сантиметров оливкового. Медленно подошла к кровати и, словно собираясь обнять старуху, набросила на негнущуюся, накрахмаленную шею матроны оливковую зелень. Обернула вокруг еще раз. Медленно и сильно потянула за концы. И смотрела в ничего не понимавшие, вылезавшие из орбит глаза, на надувшуюся на лбу вену и вывалившийся язык. Все точно так же… Как бедная Моррис. Странное спокойствие опустилось на мисс Хоукинс. Чуть подтолкнула матрону к подушкам, рука матроны ударила по целлофановой Деве Марии. Зашипела не ко времени мелодия «Тихой Ночи», неровным перезвоном возвещая миру о смерти.

Долго вглядывалась в ужасное лицо, надувшуюся шею, заполнившую шарф. Поразительно: хватило двух метров простой вязки, чтобы покончить со всеми детскими кошмарами и изломанной жизнью. Мисс Хоукинс аккуратно вытащила спицы из обоих концов верного змея и петлю за петлей выпустила его на волю. Пустые спицы положила аккуратно по обеим сторонам от головы матроны. Ей нравилась симметрия. Матрона наверняка тоже осталась бы довольна и похвалила хорошую девочку. Взяла пустую

корзину и ушла.

На кухне открыла дневник и спокойно отметила его финальный и главный приказ. Дожидавшаяся на странице своего часа фиалка высохла совсем и почти растворилась в тягостной неволе, превратившись в хрупкое, сухое кружево. Вытащила Моуриса из-под кровати, принесла в гостиную и села на пол, держа его перед собой.

— Моурис, я невиновна.

Придвинулась к нему поближе и стала ждать, когда за ней придут и все решат за нее.